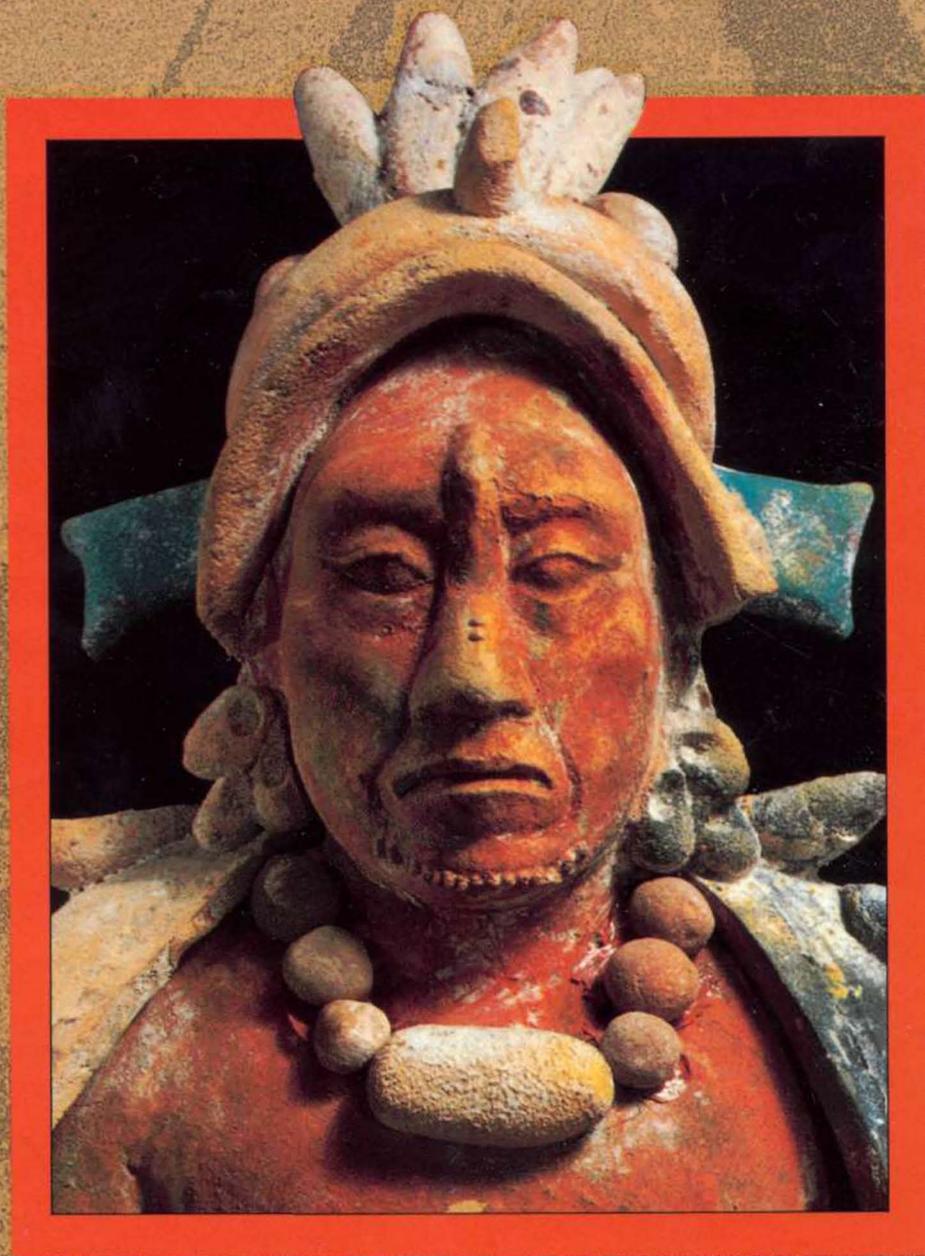

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «ИСЧЕЗНУВШИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

ЗАТЕРЯННЫЙ
МИР
МАЙЯ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «ИСЧЕЗНУВШИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

**ЗАТЕРЯННЫЙ
МИР
МАЙЯ**

МОСКВА
«ТЕРРА»—«TERRA»
1997

УДК 931
ББК 63.3(0)3
3-37

Перевод с английского
Н. УСОВОЙ

Затерянный мир майя / Пер. с англ. Н. Усовой. — М.: ТЕРРА,
3-37 1997. — 168 с.: ил. — (Энциклопедия «Исчезнувшие цивилизации»).

ISBN 5-300-01292-0

В книге рассказывается о древнейшей цивилизации майя, существовавшей на территории современных Мексики, Гондураса и Гватемалы. Экзотические руины, настенные росписи, совершенная мелкая пластика свидетельствуют о величии майя, народа, создавшего свою письменность, обладавшего научными знаниями в области математики, медицины, астрономии, пережившего свой «золотой век» и окончательно павшего под ударами испанских завоевателей в XVI веке.

УДК 931
ББК 63.3(0)3

ЗАТЕРЯННЫЙ МИР МАЙЯ

Редактор *Т. Липкина*
Художественный редактор *И. Сайко*
Технический редактор *Н. Привезенцева*
Корректор *Н. Кузнецова*

ЛР № 030129 от 23.10.96 г.
Подписано в печать 11.08.97 г.
Гарнитура Академическая. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 22,52. Цена 52 000 р.
Цена для членов клуба 45 000 р.

Издательский центр «ТЕРРА».
113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

Оригинал-макет подготовлен ТОО «Макет», 141700, Московская обл.,
г. Долгопрудный, ул. Первомайская, 21.

ISBN 5-300-01292-0

Authorized Russian edition © 1997 Publishing Center «TERRA».
Original edition © 1993 Time-Life Books BV. All rights reserved.

No part of this book may be reproduced in any form, by any
electronic or mechanical means, including information storage and
retrieval devices or systems, without prior written permission from
the publisher, except that brief passages may be quoted for review.

Time-Life Books is a trademark of Time Warner Inc.

© Издательский центр «ТЕРРА», 1997

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**ГОРОДА, ЗАТЕРЯННЫЕ В ЛЕСАХ,
БЕЗЛЮДНЫЕ, БЕЗЫМЯННЫЕ**

7

Остановись, мгновенье! 35

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВЛАСТИТЕЛИ, БОГИ И КРОВЬ

47

Туманы времени рассеиваются 73

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РОК САМОВЛАСТЬЯ

81

Зеркало народа 107

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

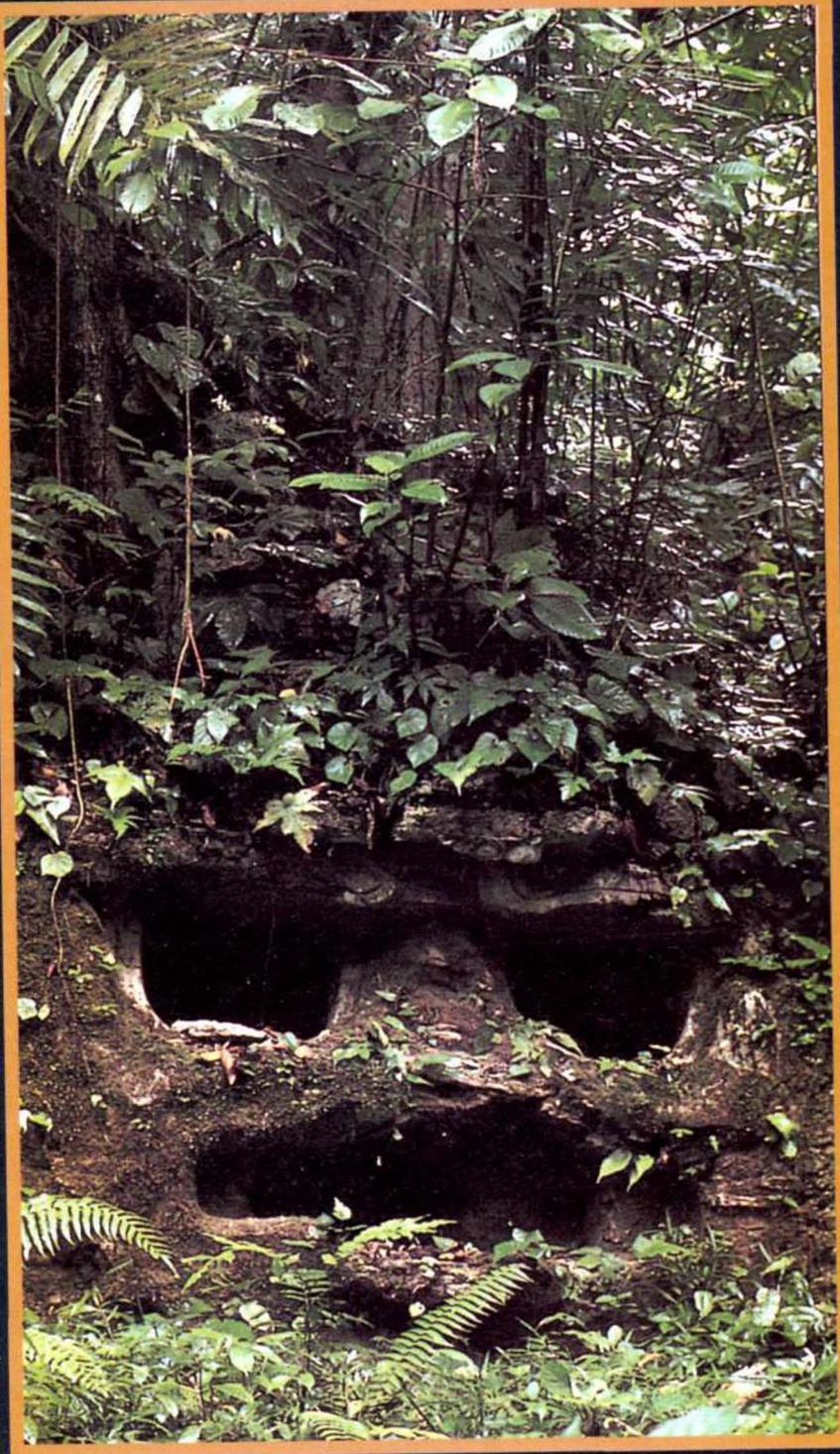
ЗЛАТЫЕ ДНИ ЮКАТАНА

119

Сокровища мая 151

Библиография 163

Указатель 165

ГОРОДА, ЗАТЕРЯННЫЕ В ЛЕСАХ, БЕЗЛЮДНЫЕ, БЕЗЫМЯННЫЕ

Безымянный город был плотно укутан зеленым покровом тропического леса, над которым некогда главенствовал. За стволами красного дерева и сейбы скрывались белокаменные дворцы, опутанные вьюнками и лозами, поросшие цветами и папоротниками. Тропические дожди размывали причудливые лепные рельефы, корни растений раскрошили камень. Исполинские сооружения, воздвигнутые руками сотен строителей, превратились в руины. По ночам среди развалин рыскали ягуары, оглашая тьму хриплым ревом, днем над городом слышался лишь крик попугаев да лопотание обезьян, скачущих с дерева на дерево. Напрасно каменные истуканы обращали свой немигающий взор в туманную чащу джунглей — навсегда исчезли те люди, что создали их и им поклонялись.

Здесь, в девственных лесах на западе Гондураса, в долине реки Копан, стоял когда-то большой, густонаселенный город. Одно время жизнь в нем была ключом, но люди покинули его, и в течение тысячи лет он оставался городом-призраком, даже память о нем изгладилась. Европейцы, прибыв в Новый Свет, во время походов в глубь континента не раз проходили мимо этих странных развалин, но не придавали находке большого значения, ограничившись кратким упоминанием о ней в тайных экспедиционных отчетах. И лишь много позже, в 1839 году, американский юрист и дипломат Джон Ллойд Стефенс и английский художник Фредерик Казервуд, проделав трудный и длинный путь, пришли сюда и открыли миру удивительную цивилизацию майя.

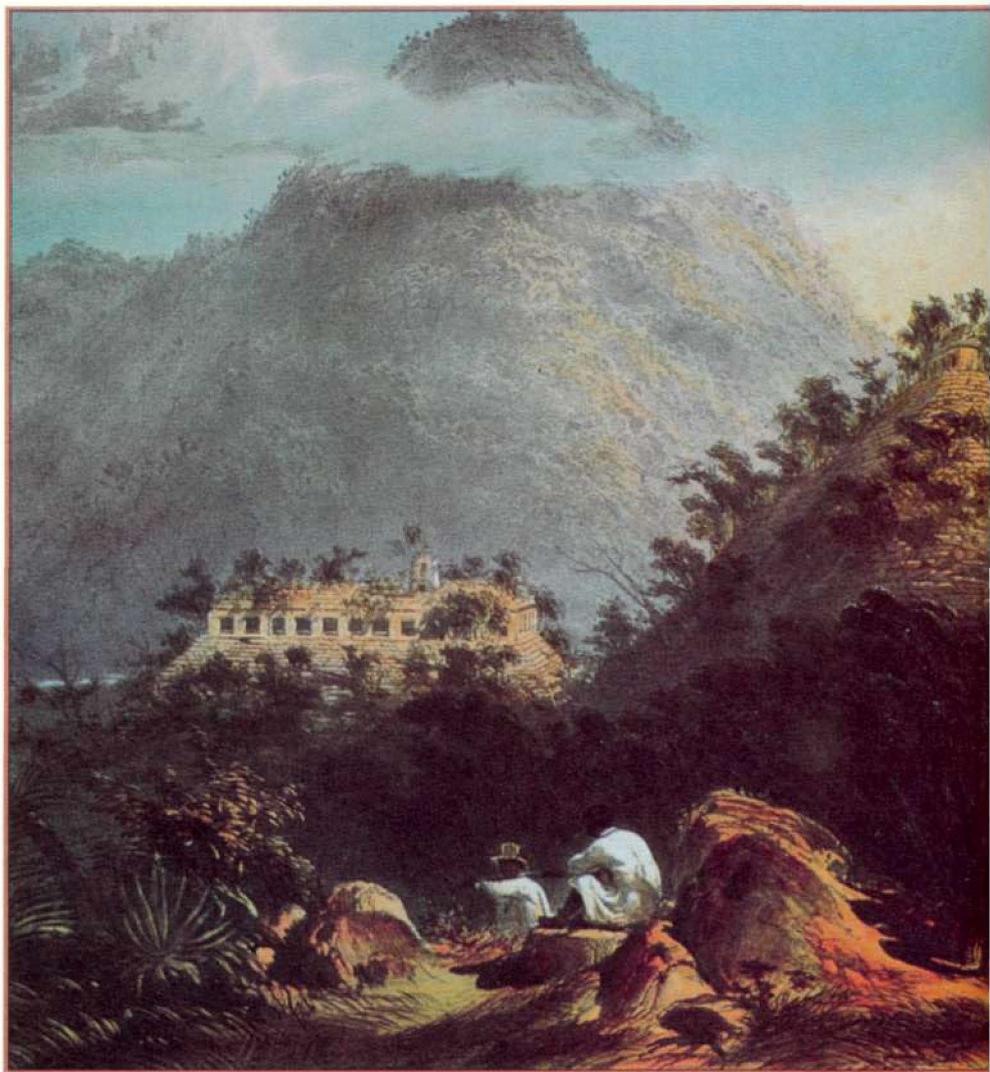
Стефенс и Казервуд были опытными путешественниками, привыкшими к трудностям походной жизни, суровость местной природы

Огромная страшная маска из штука смотрит со стены древнего, насчитывающего полторы тысячи лет, разрушенного святилища майя в лесах Гватемалы. Сотни других таких же заброшенных городов в Мексике и Центральной Америке ждут сегодня своих археологов и исследователей.

их не смутила, хотя путь был нелегким. Взяв с собой проводников, они продирались сквозь непроходимую чащу, переправлялись через реки, кишасшие кайманами, осторожно ступали по узким горным тропам, с каждым шагом уходя все дальше в волшебное царство тропической зелени, расцвеченное радужным блеском колибри и нежным мерцанием орхидей. Они мечтали найти, как писал Стефенс, “великие города, лежащие за Мексиканским нагорьем, затерянные в лесах, безлюдные, безымянные”. О том, что эти города существуют, путешественники узнали из книги, которая однажды случайно попала на глаза Стефенсу. Правда, приметы этих таинственных городов были описаны столь туманно, что исследователи не очень-то надеялись на удачу и были заранее готовы к разочарованию. И действительно, при первом взгляде на Копан (таково было старинное название долины и протекающей по ней реки) ничего сверхъестественного они не увидели. Перед ними была стена из обтесанных камней, искусно сложенная, но невысокая в сравнении с теми массивными сооружениями, которые путешественники встречали в Греции и в Египте. “Мы поднялись по большому каменным ступеням (они прекрасно сохранились, хотя в иных местах были повержены вниз деревьями, проросшими в щелях кладки) и вышли на площадку, о форме которой трудно было судить, так как она густо поросла лесом”.

Бывший с ними проводник, вооружившись мачете, расчистил путь, и путешественники подошли к постройке, отдаленно напоминавшей пирамиду (ее очертания едва угадывались под покровом растительности). Чуть дальше, в глубине чащи, они обнаружили четырехгранную каменную колонну — отдельно стоящий монолит вроде стелы, высотой в четыре метра и шириной около метра с каждой стороны, причем всю ее покрывала рельефная резьба. На одной из ее граней был изображен мужчина в необычной одежде со свире-

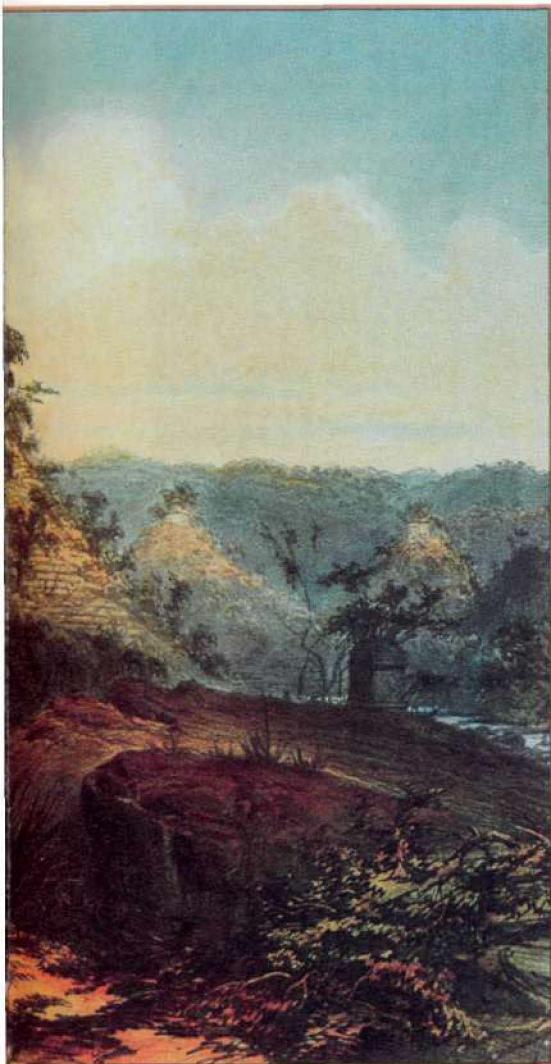
Окутанная облаком гора высится над Паленке — городом майя. Мы видим три гигантские каменные пирамиды, служившие основаниями для храмов (справа), и дворец (вдали слева). Цветная литография XIX века сделана по рисункам английского художника и путешественника Фредерика Казервуда.

пым выражением лица. По бокам были выгравированы иероглифы — пиктограммы, и Стефенс тотчас же заметил в них сходство с надписями на древнеегипетских обелисках. Но о чем сообщали эти надписи и кто был этот сердитый человек? Проводник сказал только, что эта колонна — идол. Углубившись в заросли, путешественники нашли еще 14 стел, “одна из которых была сдвинута со своего пьедестала гигантскими корнями, другая, заключенная в тесные объятия древесных ветвей, была почти что выдернута из земли, еще одна лежала в траве, оплетенная толстыми вьющимися побегами”. На каждой стеле путники находили все новые надписи, и каждая представляла собой новую загадку.

В конце концов Стефенс и Казервуд подошли к большой каменной пирамиде и стали медленно взбираться вверх по довольно крутой лестнице, украшенной причудливой резьбой и лепниной. Преодолев подъем, они спустились с противоположной стороны и тут обнаружили новый ряд ступеней, ведущих вверх, а на самой вершине, на высоте около тридцати метров от земли, была небольшая утрамбованная площадка. Путешественники подошли к самому ее краю, сели и стали смотреть на раскинувшиеся вокруг бескрайние зеленые просторы. Стефенс так описывал свое впечатление от этой картины: “...город лежал перед нами, как разбитый парусник посреди океана: мачты сорваны, имя стерто, матросы погибли, и нет никого, кто сказал бы, откуда он шел, кому принадлежал, долго ли плавал и что стало причиной кораблекрушения”. Местные индейцы, которых путешественники расспрашивали о городе, не могли сказать ничего определенного. На вопрос, кто построил город, они отвечали: “*Quién sabe?*” (“Кто знает?”).

Но Стефенсу и Казервуду все же удалось слегка приподнять завесу тайны. Они дважды устраивали экспедиции и в общей сложности обнаружили остатки более тридцати поселений; некоторые из них были так надежно запрятаны в джунглях, что даже местные жители не догадывались об их существовании. Когда исследователи вернулись домой и обнародовали в Европе и в Америке результаты своих изысканий, их рассказы и рисунки вызвали живой интерес к загадкам Центральной Америки. Их пример вдохновил энтузиастов. Вскоре стало известно, что Копан и другие города построили предки индейцев майя, которые и в конце XIX века еще жили в Центральной Америке, причем тогда их насчитывалось несколько миллионов. Более того, внушительный список древних поселений, составленный Стефенсом и Казервудом, был только малой частью того, что создал этот народ: число городов майя в период расцвета этой цивилизации доходило до двух сотен. Среди них было два десятка мегаполисов — городов с 50-тысячным населением. Владения майя занимали весь полуостров Юкатан, часть нынешней территории Мексики (штатов Табаско и Чьяпас), всю

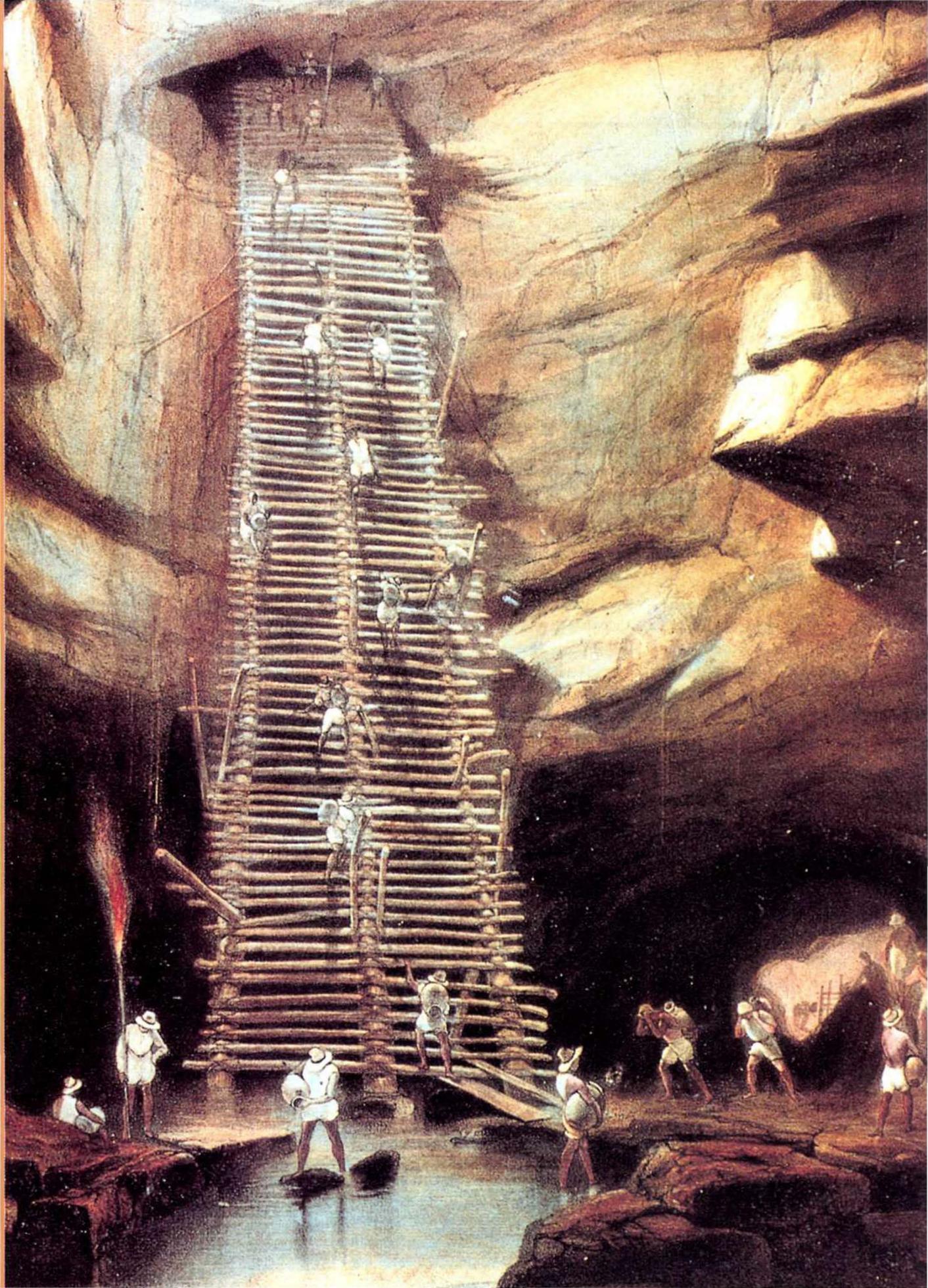
Литография с другого рисунка Казервуда изображает индейцев, устроившихся на отдых перед огромными, высотой в шесть метров, каменными воротами, ведущими во "Дворец правителя" в Ушмале — одном из центров культуры майя на территории Юкатана. Над аркой и по обе стороны от нее видны резные каменные маски бога дождя Чака с характерным крючковатым носом.

территорию Гватемалы и Белиза и западные окраины Гондураса и Сальвадора, — всего более 300 квадратных километров.

Природа этой части континента отличается большим разнообразием. На юге тянутся горные цепи вулканического происхождения, прорезанные глубокими ущельями. К северу и востоку от гор расположена лесистая низменность с влажным тропическим климатом, где за год выпадает до четырех метров осадков. Мощная система рек уносит воды в Мексиканский залив и в Карибское море. Дальше к северу рельеф становится ровнее, а климат — суше, на полуострове Юкатан, на обширном известняковом плато, покрытом низкорослыми лесами, к северу переходящими в кустарник, почти нет рек, но есть естественные подземные водохранилища, образованные поверхностными водами, скапливающимися в карстовых воронках.

Во всем Западном полушарии вряд ли отыщется другое столь же негостеприимное место. Ко всем перечисленным особенностям следует добавить обилие самых разнообразных кусачих насекомых, ядо-

Коренные жители Юкатана из селения Болончен спускаются под землю по длинной деревянной лестнице, чтобы набрать воду из подземного колодца — сенота. Литография выполнена по рисунку Казервуда, интересовавшегося жизнью современных индейцев — потомков древних майя. И в наши дни на Юкатане в засушливое время года пользуются такими подземными водохранилищами: поверхностные воды просачиваются сквозь пористый известняк, покрывающий большую часть полуострова, и скапливаются на дне таких вот карстовых воронок.

витых змей, пауков, скорпионов. Но древние майя как-то ухитрились выжить в этих условиях: известно, что их численность доходила до 10—20 миллионов человек. Они создали необычайно жизнеспособную цивилизацию: около 1000 года до н. э. складывается некая культурная общность, а к 250 году н. э. майя вступают в свой “золотой век”: они осваивают методы интенсивного земледелия, расширяют сеть торговых путей, вырабатывают уникальный архитектурный стиль — строят оригинальные пирамиды, комплексы для игры в мяч, дворцы со ступенчатыми арками, а также устанавливают сложные правила политической и общественной иерархии.

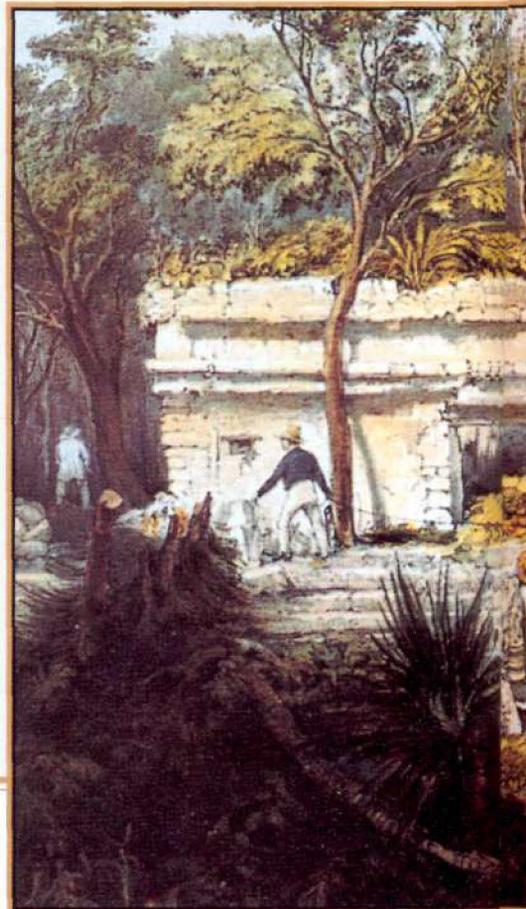
Майя достигли значительных успехов в области научных знаний. Из всех древних культур, процветавших в Северной и Южной Америке, только майя обладали развитой системой письменности. Они пользовались также сложной системой взаимосвязанных календарей (см. стр. 30—31), позволяющей фиксировать важнейшие исторические даты, делать астрономические прогнозы и смело заглядывать в столь отдаленные времена, о которых даже современные специалисты в области космологии не берутся судить. Их вычисления и записи основывались на гибкой системе счета, включавшей в себя символ для обозначения ноля, неизвестный древним грекам и римлянам, а в точности астрономических расчетов они превосходили другие современные им цивилизации.

Все это и многое другое позволяет говорить о майя как о народе ученом и талантливом. Но около 900 года н. э. — в каких-то районах раньше, в каких-то чуть позже — наступил закат этой цивилизации. Скорее всего, причину этого следует искать в неблагоприятном действии различных факторов, таких, как перенаселение с одновременным истощением природных ресурсов, необходимых для поддержания жизни, честолюбивые замыслы правителей, вторжение чужеземцев. Города в долинах южной и центральной областей опустели, и центр цивилизации майя переместился в северные области — на Юкатан. Но к 1450 году и здесь старый государственный строй, присущий только цивилизации майя, в конце концов рухнул.

То, что мы сегодня знаем о майя, стало известно лишь благодаря вещественным следам, оставленным их цивилизацией: это храмы, гробницы и жилища, время от времени появляющиеся из своих лесных укрытий. Ученым еще многое предстоит узнать, и они должны всегда быть готовы пересмотреть свои взгляды в свете новых открытий. Так, например, в 1991 году археологи, работавшие в Белизе, нашли стелу с символами, которые, по их мнению, относились к 146 году до н. э., следовательно, это могла быть самая древняя из всех известных стел майя, а кроме того, на ней нашли фрагмент самой ранней летописи майя. Однако надпись очень плохо сохранилась, и другие ученые подвергли сомнению первоначальные выводы.

ХУДОЖНИК, КОТОРОГО ПРЕСЛЕДОВАЛ РОК

Английский художник Фредерик Казервуд, казалось, родился под несчастливой звездой. Из большого количества его рисунков и акварелей, сделанных во время путешествий по Старому Свету, многое осталось неопубликованным, а часть работ и вовсе пропала. Знаменитые виды разрушенных городов майя, такие, как эта картина, где справа перед фасадом храма художник изобразил самого себя, дались ему дорогой ценой. Опубликованные в трех популярных книгах (две из них были изданы совместно с его товарищем по экспедициям — Джоном Ллойдом Стефенсом), картины эти не содержат и намек на все те тяготы и невзгоды, какие довелось пережить

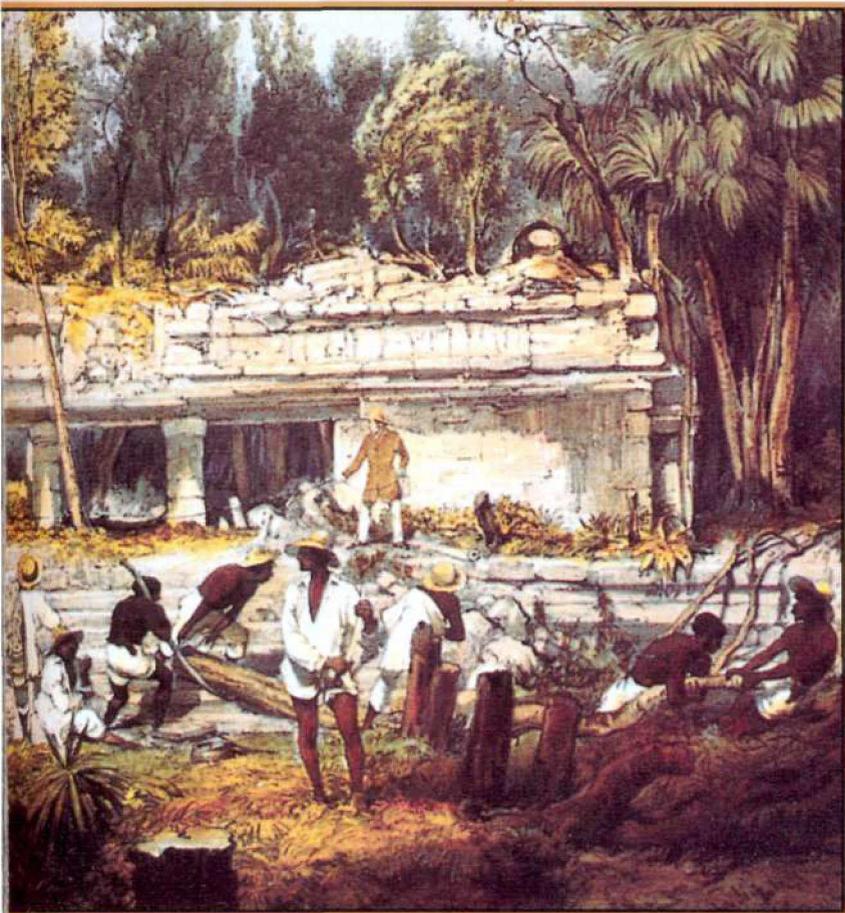
художнику-первопроходцу. В джунглях он заболел малярией и часто страдал от приступов лихорадки. "Он был бледным и изможденным, — писал о нем Стефенс, — и так же, как я, был весь искусан насекомыми, лицо опухло, левая рука совсем не двигалась, пораженная ревматизмом". Некоторое время Казервуд несли на своих плечах индейцы-проводники. "У меня было такое чувство, будто я иду за его гробом", — вспоминал Стефенс. Но Казервуд поправился.

В Нью-Йорке, в залах, где художник когда-то устроил платную панораму Фив и Иерусалима, путешественники выставили теперь картины, рисунки и первые археологические находки, привезенные из страны майя. Но в здании случился пожар, после которого мало что уцелело. Однако это было еще не самое страшное. Несколько лет спустя, возвращаясь из Англии в Америку, Казервуд погиб: корабль, на котором он плыл, столкнулся в море со встречным кораблем.

Тем не менее новые недавние открытия подтверждают версию о том, что общество майя поднялось на достаточно высокий уровень развития гораздо раньше, чем принято было считать до сих пор.

Всякая новая информация не может не волновать ученых, которые пытаются расшифровать письма майя — примерно 800 знаков или иероглифических символов, вырезанных на стелах, плитах и деревянных перемычках, нанесенных на поверхность глиняной посуды и начертанных на листах кодексов (книг из древесной коры). До середины XX века никому не удавалось расшифровать этот графический язык. Некоторые ученые даже полагали, что ключ к истории майя, заключенной в этих письмах-картинках, так никогда и не будет найден. Высказывалось и такое мнение, что эти записи не имеют отношения к земным делам, а, напротив, отражают мистические идеи о действии космических сил и содержат астрологические предсказания, которыми занимались "календарные жрецы" (так назвал их один современный ученый). Подобный взгляд на майя как на людей, поклонявшихся времени, держался на довольно шатком основании: дело в том, что в течение нескольких десятков лет единственные символы, более или менее поддававшиеся расшифровке, имели отношение к числам, времени и астрономическим циклам.

Но когда тайна письменности майя начала приоткрываться, стала вырисовываться гораздо более сложная картина. Майя старались увековечить не только свою мифологию и знания о небесах, но также и чисто земные дела: подробности политических событий и войн, приметы социального положения и личной доблести. Правда, у нашего современника некоторые такие подробности могут вызвать лишь отвращение. Для этих людей пролить собственную кровь — причем самым изощренным и жутким способом — было почетной обязанностью, необходимой для сохранения миропорядка, а жестокое обращение с пленными диктовалось высшими принципами. Но главное, эти люди необычайно ценили свою историю, свое наследие и явно хотели увековечить память о себе. Как в конце концов удалось восстановить их историю — это рассказ отдельный, там есть все: и утраченные иллюзии, и внезапные озарения, и пустые фантазии, и логические выкладки. И, как может засвидетельствовать любой современный исследователь, в рассказе этом появля-

ются все новые и новые главы, потому что в джунглях Центральной Америки до сих пор случаются неожиданные и любопытные открытия.

Древние майя были убеждены, что знают точную дату возникновения мира (она соответствует 11 августа 3114 года до н. э. по юлианскому календарю), а по их теории космических циклов выходило, что 21 декабря 2012 года н. э. этому миру должен прийти конец. Но реальный конец света для майя наступил гораздо раньше — в XVI веке, с приходом испанских солдат, монахов и колонистов, решивших перекроить Новый Свет по собственным меркам и образцам.

Первый контакт двух столь несхожих культур был мимолетным и происходил при участии самого Христофора Колумба. Хотя великий мореплаватель ни разу не высаживался в Центральной Америке, в 1502 году, во время четвертого своего плавания в предполагаемую Индию (а он тогда все еще верил, что открытая им земля — Индия) его корабль проходил мимо берегов северной части современного Гондураса. У острова Гуанаяя европейцы встретили торговую лодку — каноэ, шириной в полтора метра, сделанное из целого ствола дерева. В лодке были мужчины, женщины и дети, а под навесом из плетеных циновок лежали товары. Европейцам были предложены медные пластины, каменные топоры, деревянные мечи с бритвенно-острыми кремневыми лезвиями, керамические изделия, бобы какао и пестрые одежды из хлопка. Из отчетов не совсем ясно, что произошло затем: состоялся ли дружественный обмен товарами или же европейцы просто взяли себе все, что им понравилось, но, так или иначе, они вскоре продолжили свой путь и больше об этом событии не вспоминали. Однако кое-что о незнакомцах они все же узнали: это были жители страны, которую они называли Маия (или Маиям) — так впервые прозвучало это слово для европейцев.

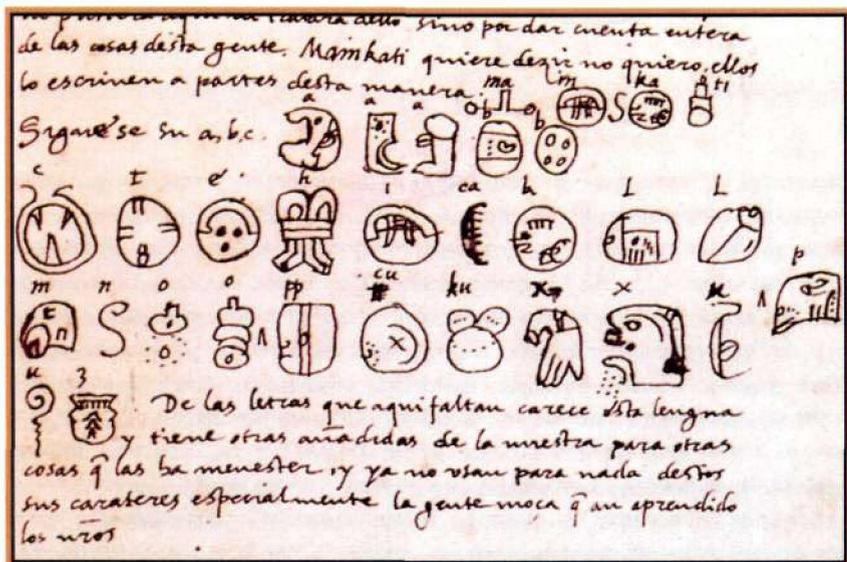
Следующая встреча оказалась судьбоносной. В 1517 году три испанских корабля, отряженных на поимку рабов, двигаясь вдоль северного побережья полуострова Юкатан, пристали к неизвестному острову, чтобы поискать сокровищ в заброшенных храмах, и в конце концов добрались и до материка. Там 110 испанских солдат подверглись нападению большого числа вооруженных людей, но, пустив в ход корабельные пушки, они смогли отбить атаку воинов-майя. Вернувшись на свою базу на острове Куба, испанцы стали распределять трофеи, среди которых оказались и украшения из низкосортного золота. Стало ясно, что на континенте есть золотые сокровища, которые “должны принадлежать испанской короне”.

В течение последующих четырех лет Эрнан Кортес покорил великую империю ацтеков в центральной части Мексики, а затем послал одного из своих капитанов на юг — завоевывать новые территории (современные государства Гватемала и Сальвадор). Кровавое задание было выполнено быстро. Сам Кортес в 1524 году

двинулся на восток, по территории нынешнего Гондураса, легко подавляя сопротивление индейцев майя. В 1526 году началось покорение Юкатана. Здесь, однако, захватчикам оказали достойное сопротивление. Некий испанец писал о том, как на его отряд напали майя, “с полными колчанами стрел, с заостренными кольями, с кремневыми пиками, с двуручными мечами из очень крепкого дерева, лезвия которых были из обсидиана. Они свистели и стучали оленьими рогами в панцири громадных черепах”. И все же в этом столкновении, как и в большинстве других, победу одержали испанцы, которые были лучше вооружены. Примерно к 1547 году покорение Юкатана, можно сказать, завершилось, хотя некоторые племена индейцев майя, спасаясь от преследователей, укрылись в густых лесах центральной части полуострова, где им и их потомкам удалось продержаться еще 150 лет.

За это время войны и эпидемии завезенных на американский континент болезней, таких, как корь, оспа, грипп, к которым у коренного населения не было иммунитета, унесли жизни миллионов индейцев, а те, кому удалось выжить, лишились своих земель и попали в кабалу к испанцам. Положение их было почти рабским. Новые хозяева вознамерились также искоренить религию индейцев: они рушили храмы и разбивали гробницы. Тех, кто был замечен в идолопоклонстве, монахи-миссионеры наказывали плетью, растягивали на дыбе, ошпаривали кипятком. На Юкатане ответственным за “очищение” язычников был монах-францисканец по имени Диего де Ланда.

Де Ланда был личностью сложной и неординарной. Этот религиозный фанатик верил, что для спасения душ нужно знать окружающий мир, чтобы легче было его исправлять. Прибыв на континент в 1549 году, он уже через несколько лет бегло говорил на местном наречии и стал серьезно изучать образ жизни индейцев — его интересовали обычаи и ритуалы майя, их календарь, методы обработки земли, пища, питье, одежда и многое другое. Он побывал на развалинах старых городов, покинутых жителями много лет назад, и убедился, что когда-то Юкатан знавал лучшие времена — “времена расцвета, когда строились все эти удивительные здания”. Его особое внимание привлекли иероглифы, сохранившиеся на стенах зданий, и оказалось, что некоторые индейцы все еще могут прочесть старинные письмена. И вот однажды он усадил подле себя местного жителя и стал произносить одну за другой буквы испанского алфавита, попросив индейца написать иероглиф, который соответствует данному звуку. Он полагал, что письменность майя, подобно испанской или другой западноевропейской, чисто алфавитная и можно выявить прямые соответствия между рисунками-символами и буквами. В этом была его главная ошибка, и ключ к тайне письменности майя был найден только

Самая первая транскрипция иероглифов майя была сделана в 1616 году неизвестным переписчиком на странице рукописи испанского миссионера Диего де Ланды, датированной 1566 годом. И хотя де Ланда неверно истолковала значение иероглифов, его "алфавит" и записанные им знаки для обозначения дней и месяцев у майя были взяты на вооружение позднейшими исследователями, пытавшимися разгадать загадку письменности майя.

через несколько столетий, но заслуга де Ланды в том, что он, сам того не сознавая, завещал последующим поколениям бесценную информацию, которая в конце концов помогла в разгадке тайны.

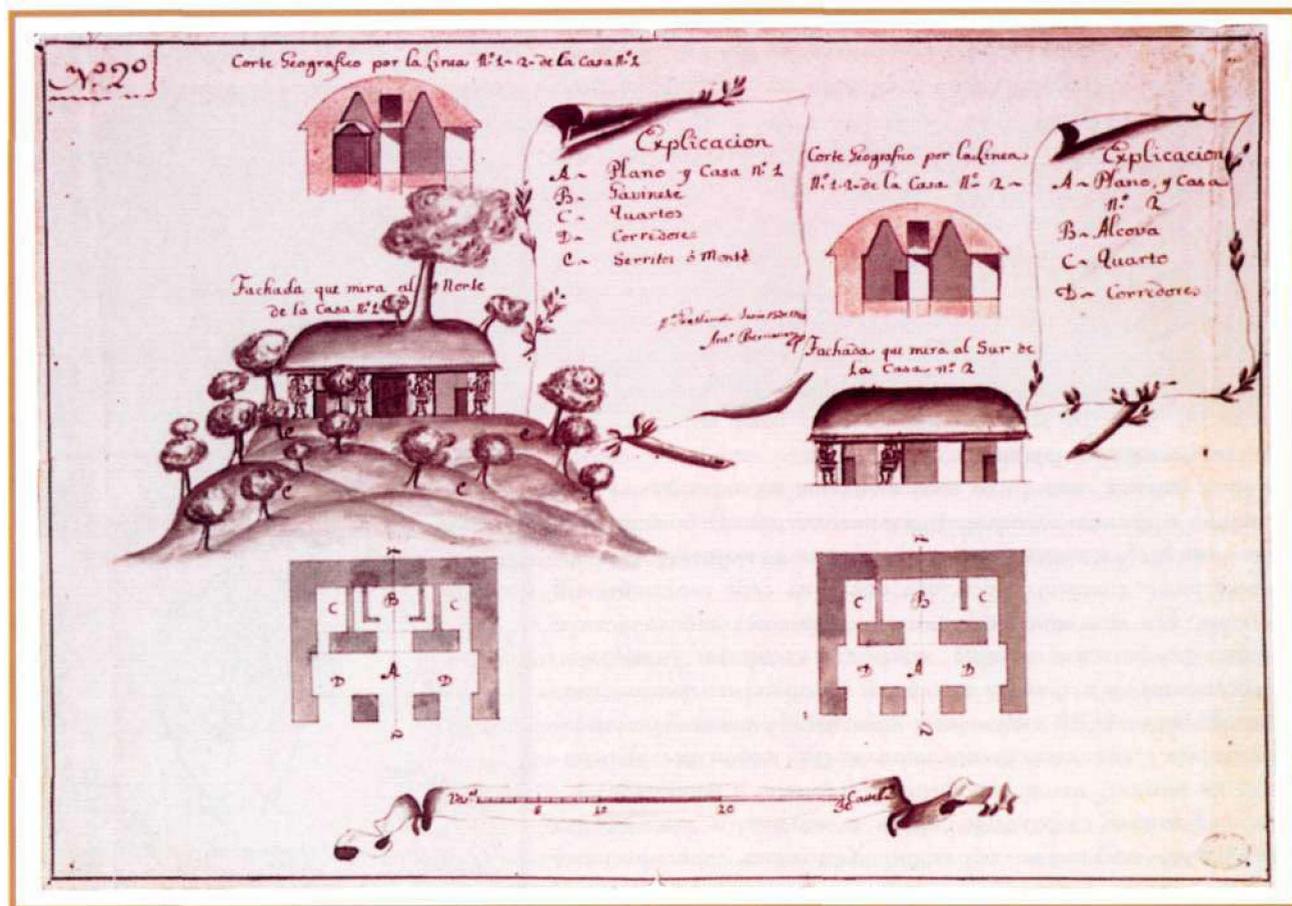
Де Ланда обнаружил, что у майя была своя литература — часть произведений, по-видимому, восходила к далекому прошлому этого народа. В одном месте, километрах в шестидесяти от основанного испанцами города Мерида на побережье Юкатана, он нашел тайник, в котором хранилось около трех десятков иероглифических книг. Это были настоящие произведения искусства: черные и красные знаки были каллиграфически выписаны на светлой бумаге, сделанной из нижнего слоя коры фигового дерева или шелковицы; бумага была гладкой от нанесенного на ее поверхность гипсовидного состава; сами книги были сложены "гармошкой", обложка была сделана из шкуры ягуара. И хотя эти тома могли бы стать бесценным источником для исследований де Ланды, религиозный фанатик в нем на сей раз победил ученого. Он почему-то решил, что в книгах майя содержатся эзотерические знания, и поскольку, как писал он, "в них не содержалось ничего, кроме смущающего душу дьявольского соблазна, мы сожгли их разом, что ввергло их (майя) в глубокую скорбь и сильнейшие страдания".

О людях он пекся не менее сурово. Во время трехмесячной инквизиции, проводимой под его руководством в 1562 году, было подвергнуто пыткам около 5000 индейцев, из них 158 человек погибли. Де Ланда был затребован обратно в Испанию по обвинению в превышении полномочий. Ожидая постановления по своему делу, он написал пространный трактат о майя, изложив все, что ему удалось узнать об их культуре, включая версию алфавита. Документ этот, вероятно, задуманный как справочное пособие для других миссионеров, бесследно исчез — может быть, затерялся в церковных архивах. Официально действия де Ланды по спасению душ были признаны верными, он был оправдан и вернулся на Юкатан уже епископом.

Период конквисты принес с собой и множество других утрат, помимо найденных и сожженных де Ландой рукописей. Индейская культура изничтожалась всеми возможными способами. Накопленные с древнейших времен знания в области математики и астрономии постепенно утрачивались, письменность на манер европейской стала единственным показателем грамотности, и люди постепенно разучились читать старинные иероглифы. Тем временем лозы и лианы все выше поднимались по ступеням пирамид, по каменным стенам дворцов. Некоторые города в своем глубоком тысячелетнем сне так и не узнали о новых жителях континента: они находились в самой гуще лесов, на юге полуострова, куда колонисты шли с большой неохотой. А некоторые из них простояли незамеченными вплоть до 80-х годов нашего столетия.

Всего сто лет спустя после прихода европейцев о славном прошлом майя не осталось и воспоминаний. Никто уже не знал, что заброшенные города, разбросанные здесь и там на большой территории — от плоскогорий Юкатана до горных долин на юге, — яв-

На проекте итальянского архитектора и руководителя экспедиции Антонио Бернасconi (XVIII век) впервые уделено внимание строительной технике майя: храм показан в поперечном разрезе и, кроме того, дан план первого этажа здания. Странно, что Бернасconi упустил одну важную деталь декора крыши — так называемые гребни, характерные для многих храмов майя.

ляются остатками единой цивилизации, продержавшейся более тысячи лет, никто и представить себе не мог, что в этом почти невыносимом для человека тропическом климате могла возникнуть культура, по значительности вполне сопоставимая с древнеегипетской или древнегреческой. Но тайна недолго оставалась тайной. Начиная с конца XVIII века забытое прошлое майя стало понемногу проясняться, благодаря стараниям целого ряда исследователей — искателей приключений и мечтателей, а также профессиональных археологов и других ученых. Этот процесс был поначалу крайне неупорядоченным, особенно на раннем этапе, когда фантазии часто преобладали над фактами, но как бы медленно ни проступала на свет правда, она оказывалась едва ли не более ошеломляющей, чем самые смелые домыслы.

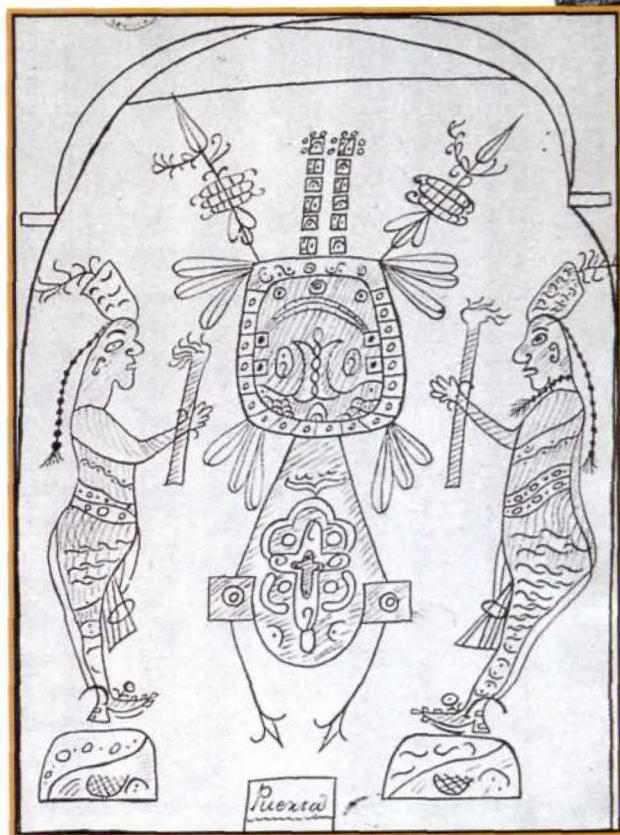
Одним из первых исследователей был Антонио дель Рио, капитан испанской армии, размещенной в Гватемале. В 1786 году он получил от некоего правительственного чиновника задание обследовать каменные руины близ города Санто-Доминго де Паленке, находившегося в 350 километрах к северо-западу от Гватемала-Сити. Чиновник слышал об этом странном месте от одного священника и уже несколько раз пытался получить более подробную информацию, но безуспешно. В конце концов он послал туда капитана дель Рио с приказом измерить и описать сооружения, определить их возраст и по возможности узнать, кто все это построил и зачем разрушил.

Дель Рио был далек от археологии, но он был человеком исполнительным и энергичным. Прибыв на место назначения, он увидел перед собой заросший лесной холм, древесная поросль и кустарники облепили его так плотно, что даже на расстоянии в несколько шагов трудно было что-либо различить. Он привел на место 80 индейцев, которые 16 дней рубили и сжигали лес, пока не показались на свет каменные руины.

Паленке, как стали называть этот город, занимал территорию в несколько квадратных километров. В большинстве своем постройки почти совсем разрушились, но некоторые архитектурные диковинки все еще несли на себе следы былого величия. На низких пирамидах — подножиях стояли четыре пышно украшенных дворца, покрытых лепными рельефами, иероглифами, а в трех из них были обнаружены панели, изображавшие какие-то ритуальные действия. На высокой земляной платформе стоял дворец, представляющий собой целый лабиринт из комнат, залов, внутренних дворишков и переходов.

Капитан старательно копал и измерял и даже собрал небольшую коллекцию образцов. Художник, приглашенный участвовать в экспедиции, копировал самые поразительные

Самый ранний из известных рисунков, копирующих центральную сцену на резной панели в Храме солнца в Паленке (внизу), выполнен в 1784 году испанцем Хосе Кальдероном. Этот рисунок разительно отличается от избыточной детализации фотографии гипсового слепка с той же панели (справа), сделанного в XIX веке англичанином Альфредом П. Модсли. Кальдерон принял голову ягуара за геометрический узор и не заметил, что два человека со свирельными лицами попирают колени преклоненных пленников, которых рисовавший тоже принял за простую декорацию.

находки. Через несколько недель был составлен и представлен правительству отчет об экспедиции. Дель Рио не пришел к однозначному выводу о строителях города, но, по его убеждению, культура Паленке напоминала культуру других известных к тому времени заброшенных городов Юкатана.

Отчет дель Рио был отправлен в Испанию, но так же, как и трактат де Ланды, затерялся в архивах. Однако с него была сделана копия, которая каким-то образом попала в руки лондонского книгопродавца. Тот опубликовал найденный документ в 1822 году. Правда, мало кто прочел этот отчет, но тем не менее мир майя уже не был в полном забвении.

Двадцать лет спустя после экспедиции дель Рио новый шаг в историческом расследовании предпринял голландец Гильермо Дюпэ, отставной драгунский капитан, много лет прослуживший в испанской

армии в Мексике. Он был человеком образованным, увлекался стариной и в 1804 году получил от испанского короля Карла IV почетное поручение исследовать памятники материальной культуры Мексики доиспанского периода. В 1805—1808 годах Дюпэ, вместе с сопровождавшим его художником, осматривал развалины, время от времени отваживаясь на небольшие раскопки. Единственным достойным упоминания городом на его пути был Паленке, о котором поведал ему тот же самый священник, который когда-то увлек своим рассказом начальника капитана дель Рио. Пробраться в Паленке было делом нелегким даже для человека военного, привыкшего к дальним походам. “Местность, которую нам предстояло пересечь, — записывал позже Дюпэ, — казалась непроходимой, разве что птица там могла пролететь; дорога петляла по горам, часто мы останавливались на краю пропасти, решая, как перебраться: на мулах или пешим ходом. Единственным средством передвижения для нас были носилки местного изобретения, а водные преграды мы преодолевали по примитивным мостам из деревьев”.

Но когда в конце концов они оказались у цели, Дюпэ пришел в неопикуемый восторг. Его поразила архитектура, особенно наружная отделка зданий: красочные узоры с изображением птиц, цветов и фруктов, красивые лепные украшения, полные драматизма барельефы. Вот что он записал о человеческих фигурах, украшавших барельефы: “Позы очень динамичные и вместе с тем величавые. Одежды хотя и роскошны, никогда полностью не закрывают тела. Голову обычно украшают шлемы, гребни и развевающиеся перья”. Он заметил, что у всех людей, изображенных на рельефах, голова была странной, сплюсненной формы, из чего и заключил, что местные индейцы, с нормальной головой, никак не могут быть потомками строителей Паленке. Дивясь на величественные и прекрасные творения рук человеческих, Дюпэ предположил, что скорее всего здесь жили когда-то люди неизвестной, исчезнувшей с лица земли расы. Из-за политической смуты в Мексике и начала наполеоновских войн в Европе отчет Дюпэ о памятниках материальной культуры так и не дошел до испанского короля. Несколько лет он пролежал без движения среди правительственных бумаг и наконец был напечатан в Мексике и в Европе, но издан был так небрежно, что особого интереса не вызвал.

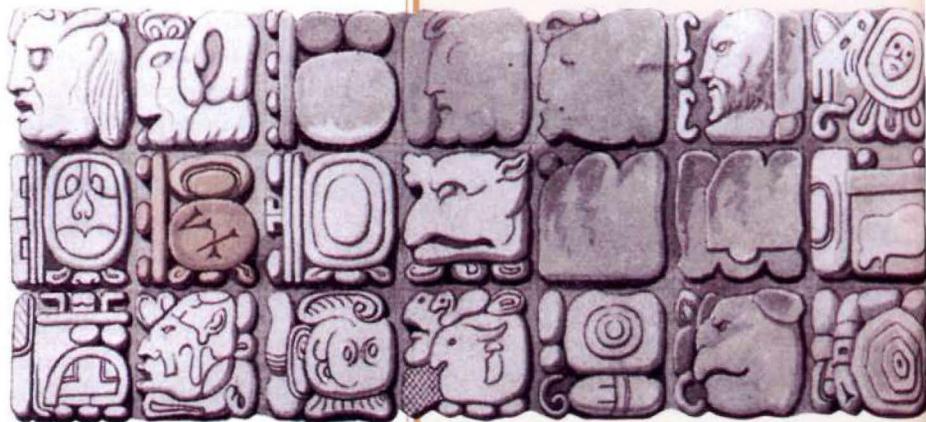
Между тем в Паленке один за другим прибывали все новые посетители, один из которых даже предложил

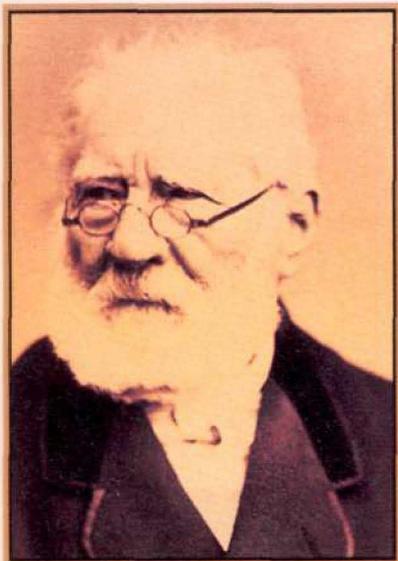
ВЕЛИКИЙ ВАЛЬДЕК

Жан Фредерик Вальдек, чья национальная принадлежность точно не установлена, был мастером придумывать прошлое как для самого себя, так и для целого народа — майя. Самозванный граф (по другой версии — герцог), он был отчаянным фантазером, ставшим живой легендой еще при жизни, а прожил он, по некоторым свидетельствам, до 110 лет. Он потчевал своих слушателей невероятными историями о скитаниях в пустыне, о том, что не раз видел смерть в лицо, о воинской службе под командованием Наполеона в Египте. Он был трижды женат, причем в третий раз женился, когда ему было за семьдесят, и имел сына от этого брака.

За десять лет до того, как Казервуд начал делать первые наброски разрушенных пирамид, Вальдек (справа) предложил свою теорию происхождения памятников архитектуры и письменности майя. Учился ли он рисованию или был самоучкой, неизвестно, но только в начале 1830-х годов у него хватило

В рисунках Вальдека, копировавшего иероглифы в Храме надписей в Паленке, заметно стремление художника отыскать в письменах майя влияние индоевропейских культур. Слоновьи головы — всего лишь воображение Вальдека. На самом деле “слон” — это длинноносый бог дождя Чак.

решимости провести целый год в джунглях с кистью и карандашом. А в 1838 году его необычные картины были напечатаны отдельным изданием. К сожалению, непоколебимая уверенность Вальдека в том, что родословную майя следует искать в Старом Свете, завела его на ложный путь: он пытался в иероглифике майя найти несуществующие следы египетского, древнегреческого, месопотамского и индийского влияния (внизу). Представив на бумаге реконструкцию одного храма, он по памяти изобразил фигуры четырех гигантов, уверяя, что видел обломки этих фигур. Но когда до места добрались археологи, ничего подобного они там не обнаружили.

самую смелую по тем временам версию происхождения этих архитектурных чудес, которых он и до того повидал немало. Хуан (Джон) Галиндо, путешественник, родом из Ирландии, попал в Гватемалу в 1827 году, когда ему было 25 лет. В это время в стране шла борьба между политическими фракциями, и группировка, к которой примкнул Галиндо, одержала победу. Галиндо был назначен губернатором Северной Гватемалы, и в 1831 году, во время поездки по вверенным ему областям, он побывал с исследовательскими целями в Паленке. Спустя три года правительство поручило ему таким же образом обследовать другое таинственное место — Копан, о существовании которого было известно еще со времен конкисты. Справившись с этим делом, он в специальном докладе изложил свою версию, которая оказалась весьма на руку националистически настроенным гватемальским лидерам.

Галиндо был убежден, что политическая власть и культурный прогресс всегда распространялись в одном направлении — с востока на запад. Для него отправной точкой, местом зарождения мировой цивилизации, была Центральная Америка. В древнейшие времена здесь жили необычайно одаренные люди, но их постигло какое-то бедствие. Те, кто выжил, двинулись на запад, в Азию и дальше, одну за другой создавая новые цивилизации: древнекитайскую, древнеиндийскую, халдейскую, древнеегипетскую. Тем временем в таких местах, как Паленке и Копан, культура вновь возродилась, но уже не в тех масштабах, что прежде. И новый расцвет ее был недолгим. Некий процесс, который Галиндо уподобил старению, ослабил человеческие силы в Центральной Америке — именно в этом Галиндо видел причину неспособности индейцев отразить натиск испанских завоевателей, которые, на его взгляд, в сравнении с коренным населением были не лучше варваров.

Судьба Галиндо была трагической. В 1840 году объединенные войска Гондураса и Никарагуа разбили федеральную армию Гватемалы, и Галиндо пришлось спасаться бегством. Но в одной из деревень Гондураса его узнали и убили на месте ударами мачете. Записки Галиндо также канули бы в небытие, если бы... если бы не попались на глаза одному наблюдательному человеку — Джону Ллойд Стефенсу. В его руках к тому времени уже побывали довольно путаные отчеты дель Рио, Дюпэ и некоторых других путешественников. Стефенс загорелся идеей повидать эти места и стал вырабаты-

вать план действий — так началось целенаправленное изучение загадочного мира майя.

Стефенс был удачлив во всем, за что бы ни взялся. Он родился в 1805 году в Нью-Йорке, в богатой семье, прекрасно учился и проявлял необычайную любознательность. В двадцать с небольшим лет он уже был юристом, даже успешно занимался политикой. Затем взял отпуск и два года путешествовал: побывал в Греции, России, Палестине, Египте и в других странах. Иногда Стефенс передевался в простое платье и проникал в самые отдаленные глухие углы, изучая народные нравы и обычаи. Вернувшись в Нью-Йорк, к своей прежней работе, он одновременно решил попробовать себя в писательском ремесле и одну за другой выпустил четыре книги о своих путешествиях. Книги продавались так хорошо, что он забросил юридическую практику.

На обратном пути в Америку он на короткое время остановился в Лондоне, где познакомился с художником Фредериком Казервудом, который был шестью годами старше. Как и Стефенс, Казервуд рос в достатке, получил хорошее образова-

ДОРОЖНЫЕ ЖАЛОБЫ

Те ученые и художники, которые первыми прибыли на полуостров Юкатан и в Центральную Америку, на собственном опыте убедились, что путешествие в страну майя — сущая пытка. В лучшем случае вам предстояла долгая и утомительная тряска на носилках, которыми пользуются индейцы. Об этом поведал художник Жан Фредерик Вальдек, изобразивший себя на литографии (вверху) в таком «экипаже». Самый распространенный способ передвижения — верхом на тощих, норови-

стых мулах — был также не из числа удобных. Но хуже всего — путешествовать сидя на стуле, привязанном к крепкой спине носильщика, пока тот под тропическим ливнем пробирается по узкой горной тропе, как это показано на гравюре французского художника Дезире Шарнэ (справа).

Немногим лучше становилось и тогда, когда путешественники наконец добирались до своей цели. Природа тропиков беспощадна к человеку. «Дождь льет не переставая, — вспо-

минал Шарнэ, — казалось, мы насквозь пропитаны влагой; от сырости на наших шляпах зацветает плесень, которую мы принуждены каждый день счищать щеткой; мы живем в грязи, мы залеплены грязью, мы дышим грязью; почва такая скользкая, что мы не столько идем, сколько кувырцаемся». Однажды Шарнэ, проснувшись, насчитал в своем гамаке 200 «холодных и плоских насекомых размером с доброго таракана», из которых примерно тридцать впились в тело и больно его кусали.

ние, объездил всю Европу и Ближний Восток с мольбертом и кистью, рисуя экзотические пейзажи — увлечение, переросшее в страсть. Поработав художником в археологической экспедиции в Египте, он отправился в Нью-Йорк, где рассчитывал заняться архитектурой, но вскоре вместе со Стефенсом увлекся новым планом — друзья решили создать путеводитель по заброшенным городам Центральной Америки. Книгу ожидал верный успех, если бы подтвердилось все то, что Стефенсу удалось прочесть о руинах в редких случайных изданиях.

Чтобы покрыть издержки путешествия, Стефенс использовал свои политические связи и получил назначение на дипломатическую должность. Роль представителя правительства США на Юкатане не была чересчур обременительной, но могла оказаться весьма полезной в тех случаях, когда путешественникам потребуется содействие официальных лиц. Они отбыли из Нью-Йорка в октябре 1839 года. Месяц спустя, после утомительного перехода по джунглям, так живо и ярко описанного Стефенсом в его книге, они достигли Копана, нашли стелы, поднялись на пирамиды и поняли, что для будущей книги здесь материала хоть отбавляй.

“Невозможно описать, с каким интересом я исследовал эти руины, — напишет позже Стефенс. — Перед нами открывались неизведанные земли, не размеченные ни на карте, ни на плане, кругом был девственный лес. В десяти метрах ничего нельзя было различить, и неизвестно было, на что наткнешься в следующую минуту. Один раз мы задержались у одного монумента, чтобы обрубить ветки и лианы, скрывававшие каменный лик, в другой раз выкопали и вытянули из земли некий обломок, резной угол которого торчал из земли. Я с замиранием сердца следил за работой индейцев, и наконец из земли показывался глаз, ухо, рука или нога. И каждый раз, когда мачете звонко ударял о камень, я отталкивал индейцев, садился и собственноручно очищал поверхность от земли”.

Стефенс был человеком осмотрительным. Как опытный юрист, он не спешил делать выводы. Прежде чем высказать окончательное мнение об увиденном в Копане, он хотел получить как можно больше информации. Съездив ненадолго в Гватемала-Сити, они с Казервудом наметили своей следующей целью Паленке и на всякий случай решили узнать, нет ли по пути других развалин. Им указали на целый ряд таких мест — некоторые были далеко в джунглях, и исследователи составили новый подробный план путешествия.

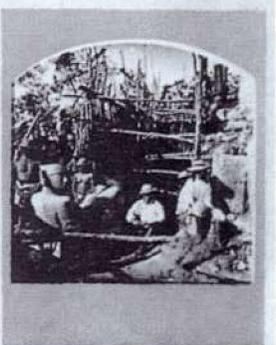
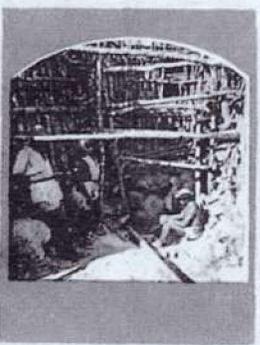
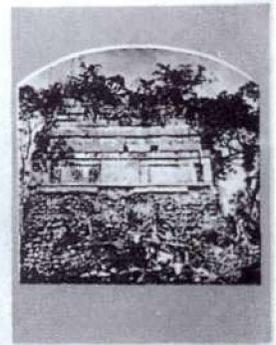
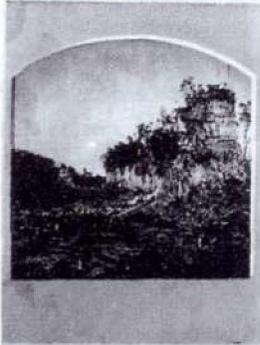
FROM THE WILDS OF YUCATAN.

RUINS OF CHICHEN-ITZA.

GRAN DISCOVERY OF CHAACMOL STATUE.

Phot. by Dr. Aug. Le Plongeon and Leidy.

Copyright applied for.

Эта таблица из двенадцати фотографий под общим названием "Из дебрей Юкатана. Находки в Чичен-Ице" — лишь малая часть той коллекции, которую собрал француз Огастес Леплонжон вместе со своей женой-англичанкой Элис. Они прожили на Юкатане более десяти лет, пытаясь доказать некую сомнительную теорию о том, что древние майя были основателями земной цивилизации. Супруги Леплонжон, сделавшие много полезных открытий и оставившие потомкам ценные фотографии, видны на втором снимке слева в нижнем ряду. Огастес сидит, прислонившись к каменной фигуре, его жена в белой шляпке стоит рядом с ним.

Основная часть маршрута пролегла по местам, "диким, как до времен испанского завоевания", — вспоминал Стефенс. Едва ли кто еще из чужеземцев заглядывал в эти края. Многие города напоминали им по стилю архитектуры и скульптуры Копана. Наконец они увидели Паленке, этот "печально-прекрасный" город, как назвал его Стефенс. Им сразу же бросилось в глаза, что иероглифы здесь были точно такие же, как и виденные ими в Копане. Теперь Стефенс имел все основания заявить, что "когда-то на всей этой территории жили люди одной расы, говорившие на одном языке или, по крайней мере, использовавшие одни и те же письмена".

Но кто были эти люди? Может быть, наследники какой-нибудь древней евразийской цивилизации — например, Древнего Китая или Древнего Египта? Стефенс взвесил вероятность культурного влияния через океаны и отметл эту версию. Эти руины, писал он, "отличаются от созданного другими известными нам людьми, они строились по своим правилам, они представляют собой полнейшую аномалию. Им нет аналогов". Не то чтобы он принял точку зрения Галиндо о центральноамериканской "колыбели цивилизации" или согласился с утверждением Дюпэ о том, что современные индейцы не могут быть потомками строителей этих разрушенных городов. Вывод Стефенса был таков: эти города "были построены людьми, населявшими этот край во время испанского завоевания, или же их ближайшими предками".

И в самом конце путешествия Стефенс и Казервуд посетили город Ушмаль на Юкатане, на 400 километров южнее Паленке. Их энтузиазм был столь велик, что на следующий год они снова прибыли на Юкатан, чтобы осмотреть другие города на полуострове и соседних с ним островах. Всего они осмотрели более сорока заброшенных городов. Итогом их путешествий, наблюдений и изысканий стали две книги: "Записки о путешествии в Центральную Америку, Чьяпас и Юкатан" ("Incidents of Travel in Central America, Chiapas, and Yucatan") и "Записки о путешествии на Юкатан" ("Incidents of Travel in Yucatan"), изданные, соответственно, в 1841 и 1843 годах. Читатели были в восторге, книги тотчас же были переведены на другие языки, а чтобы удовлетворить все растущий спрос, потребовались все новые и новые репринтные издания. О никому не известных прежде майя вдруг разом заговорили все.

Но многое еще оставалось неясным, и в последующие десятилетия энтузиасты напрягали фантазию, пытаясь решить загадку покинутых городов. Еще в конце 1880-х, например, публика с интересом выслушивала теории французского Леплонжона, который провел на Юкатане несколько лет и мнил себя великим археологом. Среди его поразительных заявлений было такое: иероглифы на стенах разрушенных городов — не что иное, как история гибели пропавшего

СОКРОВИЩА ЧИЧЕН-ИЦЫ. МЕТКИЙ ГЛАЗ ХУДОЖНИЦЫ

“При всей эксцентричности своего характера дама эта, несомненно, обладает художественным дарованием”, — писал американский консул в Юкатане о 50-летней англичанке Аделе Бретон, которая в 1900 году, узнав о загадочном городе Чичен-Ица, решила запечатлеть на холсте все его многочисленные чудеса. И сделала она это как раз вовремя, потому что вскоре растительность и беспощадный климат, а также орды туристов не оставили и следа от бывшего великолепия этого памятника архитектуры. И сегодня мы можем судить о его красотах лишь по картинам и рисункам этой отважной дамы викторианской эпохи. Жажда неизведанного тринадцать раз привела ее в Мексику, где она пробыла с перерывами с 1900 по 1908 год (она скончалась в 1923 году).

Адела Бретон с педантичной точностью копировала ка-

менные рельефы, настенные росписи и мельчайшие детали декора. Она пыталась фотографировать, но качество снимков не удовлетворяло ее: она хотела добиться еще большей точности. “Единственный верный метод, — заметила она в частном письме, — это рисование по масштабной сетке”, — но пожаловалась при этом, что “рисование с точностью до $\frac{1}{32}$ дюйма и последующее исправление до $\frac{1}{64}$ -й сильно влияет на умственную деятельность и сказывается на нервах, не говоря уже о глазах и руке”. Старательность Аделы Бретон видна и в передаче цвета фресок и раскрашенной скульптуры. Ученые особенно ценят работы Аделы Бретон, потому что в ее акварелях и живописных полотнах

сохранились те яркие цвета оригинала, которым суждено было навсегда исчезнуть.

При всем реализме работ Аделы Бретон, художнице не чуждо вдохновение: ее фигуры словно живут своей особой жизнью. “Чтобы изобразить их, недостаточно одних навыков современного рисования, тут требуется совсем другое — умение увидеть их глазами древних американцев”. И действительно, художнице удалось, так сказать,

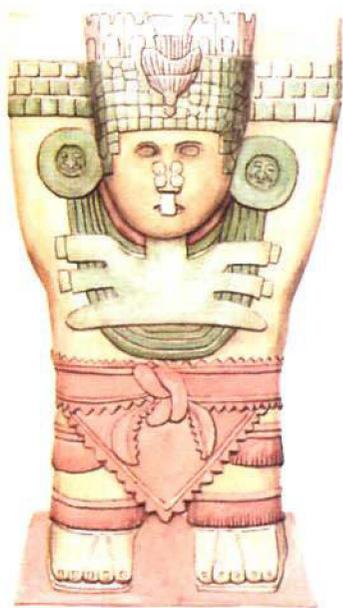
“подружиться” с группой каменных изваяний, извлеченных из Верхнего храма ягуаров (справа). Она признавалась: “Два месяца живя с ними бок о бок, я интуитивно поняла, что это женщины. Сначала они отнеслись ко мне недоброжелательно — не могли понять современную женщину!”

Художница Адела Бретон (сидит на лошади в дамском седле), рядом с ней стоит ее помощник и друг — мексиканец Пабло Солорно, после смерти которого она писала: “Я теперь, как скрипач, потерявший единственный инструмент, на котором он мог играть”.

Эта изобилующая мелкими деталями акварель Адельм Бретон изображает восточный фасад флигеля Женского монастыря и Церковь Чичен-Ицы (справа) видны маски длинноносого бога Чака и другие лепные мотивы. На переднем плане и на крыше зданий художница нарисовала дикие растения, которыми за долгие века запустения покрылись постройки Чичен-Ицы.

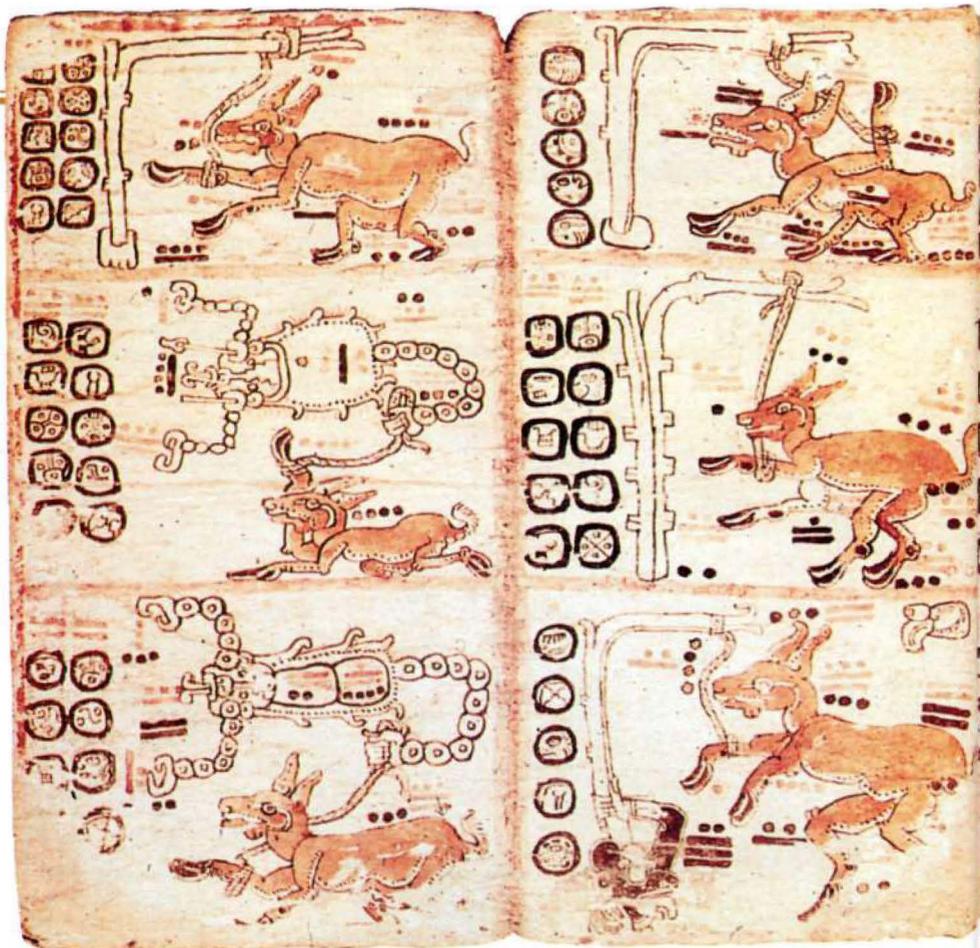

Адела Бретон, по ее словам, делала свои "чертежи" (слева — вид спереди и вид сзади), когда местные власти вывозили эту статую и 14 ее подруг из Верхнего храма ягуаров.

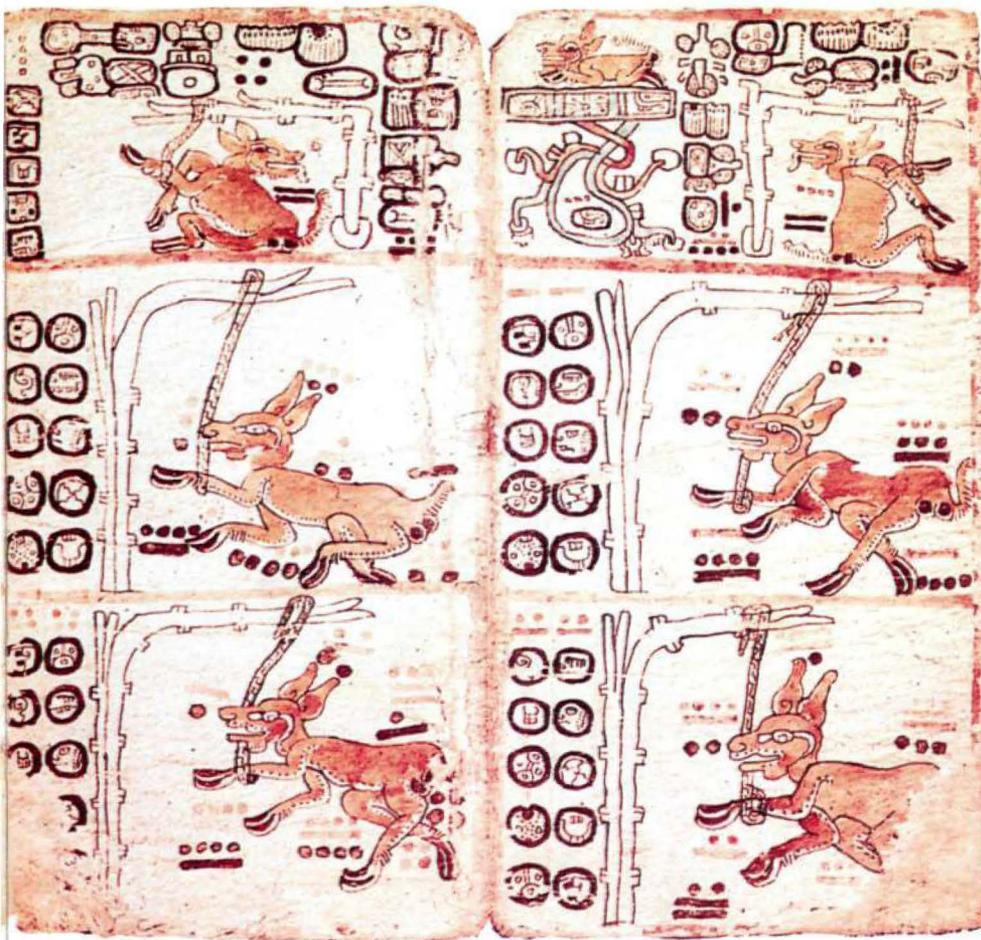
континента Атлантиды; барельефы с изображением бородатого человека в Чичен-Ице доказывают, что там побывали финикийцы; одиннадцать с половиной тысяч лет назад в Ушмале, оказывается, соблюдались масонские ритуалы, а несколькими тысячелетиями позже майя всю использовали электрический телеграф.

По счастью, подобные измышления постепенно опровергались мощным потоком все новых фактов, поступавших с родины майя. Уже в 1860-х годах стали появляться первые фотографии руин, а в 1880-х существовали целые альбомы, посвященные майя (см. с. 35—45). В 1885 году Американское антикварное общество и Гарвардский музей Пибоди послали на Юкатан молодого ученого по имени Эдвард Г. Томпсон с заданием провести широкие археологические изыскания. Сорок лет провел он в тех краях, изучая местные наречия, и преуспел в этом настолько, что был полностью принят индейцами. Начиная раскопки там, где до него никто не пытался копать, Томпсон обнаружил древнюю дорогу, отыскал доказательства того, как жили простые люди общества майя, установил, что рацион питания жителей на протяжении веков почти не менялся, и обнаружил другие, пусть прозаические, но тем не менее важные факты. За это время музей Пибоди снаряжал все новые и новые экспедиции, в них участвовало множество специалистов. В Копане между 1891 и 1895 годами была проведена целая серия раскопок, при этом стараниями сотрудников музея были расчищены центральные площади и главные строения, составлен план центра города, сделано описание всех монументов. Этими достижениями отмечено начало истинно научного подхода к изучению майя, и этот подход в последующие десятилетия стал преобладающим.

Поначалу наука не далеко ушла вперед в том, что касалось истории майя, их обычаев, политической структуры и взаимоотношений между городами. Джон Ллойд Стефенс подозревал, что ответ на эти вопросы дадут иероглифы, которые, он верил, когда-нибудь

Листы Мадридского кодекса — одной из четырех уцелевших книг древних майя — испещрены иероглифами. Сам кодекс, извлеченный из небытия в XIX веке, оказал неоценимую помощь в дешифровке письменности майя — одной из самых сложных из всех известных в истории цивилизаций.

будут прочитаны. И действительно, ученые получили в свое распоряжение несколько подсказок, которые могли помочь в расшифровке иероглифов. Первая подсказка относится к XVI веку, когда испанские монахи начали учить индейцев писать на родном языке, пользуясь буквами латинского алфавита. В это время молодой знатный индеец майя из племени киче в Гватемале, знавший старинные письмена, записал латиницей священное для народа киче произведение, известное под названием “Пополь-Вух” (“Книга народа”), представлявшее собой собрание мифов и легенд. К сожалению, сам оригинал, записанный иероглифами, был впоследствии утрачен, но латинская транскрипция сохранилась и попала в поле зрения ученых в середине XIX века, дав первый “ключ” к пониманию мышления древних

майя. Исследователи нашли также целый ряд юкатанских манускриптов времен конкисты, написанных по-латыни. Известные под названием “Книги Чилам-Балам” (“Книги для жрецов Ягуара”), они состояли в основном из фольклорных преданий, а также содержали сведения по астрологии и медицине.

Ученые были рады почерпнуть из этих источников некоторую культурологическую информацию, но эти рукописи только лишь раз напомнили о том литературном богатстве, которое пропало навсегда. Когда испанцы только прибыли на Юкатан, у майя были, вероятно, тысячи рукописных книг, сделанных из природного материала наподобие бумаги — вроде тех, что де Ланда предал огню. Лишь какие-то крохи этого литературного богатства уцелели, переходя из рук в руки, удивляя собирателей редкостей, пока не осели в библиотеках и частных коллекциях. В XIX веке ученые знали о существовании только трех таких текстов — так называемых кодексов, названных по имени города, в котором каждый текст обнаружили. Это были Дрезденский, Парижский и Мадридский кодексы. (Позднее был найден четвертый кодекс — Кодекс Гролье.) Дрезденский кодекс первым приблизил нас к пониманию мира древних майя. В течение 14 лет, начиная с 1880

ИЕРОГЛИФЫ — ХРАНИТЕЛИ ВРЕМЕНИ, ДЕЛ И СЛАВЫ ЛЮДСКОЙ

Иероглифы майя похожи на миниатюрные рисунки, втиснутые в крошечные квадратики. В действительности же это единицы письменной речи — одной из пяти оригинальных систем письменности, созданных независимо одна от другой. Рисованный характер этих символов позволял тем, кто их знает, довольно легко читать тексты любой сложности, а также предоставлял переписчику возможность проявить все свое мастерство и изобретательность.

Некоторые иероглифы — слоговые (соответствуют сочетанию согласный плюс гласный). Но большая

часть иероглифов — это идеограммы, обозначающие фразы, слова или части слов. Встречаются и группы иероглифов, где перед главными иероглифами пишутся вспомогательные — приставки, служащие для усиления начального звука в слове.

Иероглифы вырезали на стелах, на притолоках, на вертикальных плоскостях каменных лестниц, на стенах гробниц, а также писали на страницах кодексов, на глиняной посуде.

Около 800 иероглифов уже прочитаны, и ученые с неослабевающим интересом занимаются дешифровкой новых, а также дают новые толкования уже известным символам.

0

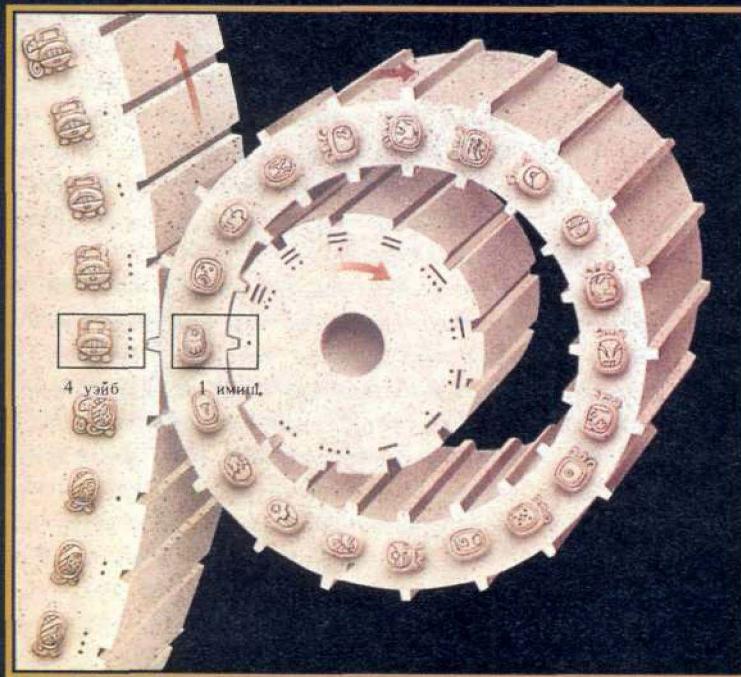

1

5

Эти три символа употреблялись для записи всех числительных. На этом рисунке верхний иероглиф означает 0, точка — 1, черточка — 5. Например, две черточки и точка обозначали бы числительное 11.

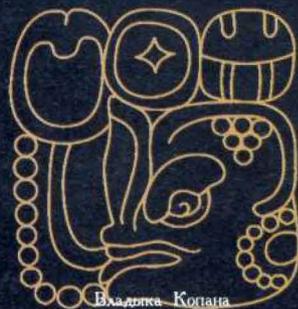
На иллюстрации (слева) на примере взаимодействия зубчатых колес показано, как соотносились между собой два календаря древних майя. На двух колесах нанесены иероглифы, прочитанные Диего де Ландой в 1566 году, и на стыке показана дата — "1 имич 4 узэб" (читается справа налево). Самое большое колесо — это солнечный календарь из 365 дней, или восемнадцать месяцев по 20 дней каждый, к которым в конце каждого года добавлялись пять "лишних" дней (этот период назывался "узэб" — сон). Два колеса поменьше обозначают ритуальный календарь из 260 дней (в нем было двадцать месяцев по 13 дней). Большое колесо несет на себе названия двадцати дней месяца, а на малом — номера дней от 1 до 13. Когда название и порядковый номер дня встретятся снова, ритуальный календарь завершит свой 260-дневный цикл. Но для отмеченного нами сочетания 1 имич по ритуальному календарю и 4 узэб — по солнечному следующе такое совпадение может произойти только через 52 года по солнечному календарю.

БАЛАМ

Воевать

Владыка Копана

БА-БАЛАМ

БА-ЛА-М(А)

Изображенные выше символы представляют два типа иероглифов. Так называемый событийный иероглиф (наверху слева), как полагают, относится к военной тематике, на что указывает топор, и читается как глагол "воевать". Иероглиф-эмблема (наверху справа) относится к отдельному человеку — верховному правителю города. В данном иероглифе ("владыка Копана") главный знак — голова летучей мыши, вероятно, указывающий на то, что этот правитель является вождем племени Летучей мыши.

А В С D

В письменности майя, чтобы подчеркнуть значение слова, часто используется сочетание идеограмм с фонетическими, слововыми иероглифами. Например, слово балам (ягуар) встречается у майя в трех вариантах, как показано выше. Верхний иероглиф — идеограмма слова ягуар. Приставка, означающая слог ба, видна на среднем символе. Внизу — слово ягуар записано только слововыми иероглифами и читается с крайнего левого угла по часовой стрелке как ба-ла-ма. Последний гласный не произносится, поэтому слово читается как "балам".

Иероглифы майя читаются по нисходящей линии, слева направо, попарно. Обычно текст начинается с календарной даты, за ней следует событийный иероглиф, рассказывающий о том, что произошло в этот день, а затем — имя и титул правителя, который принимал в этом участие. Текст, приведенный выше, читается так: "В день 6 имши (А 1) 12-Яшкин (В 1) возведен на трон (А 2), пленивший (В 2) владыку Хока из Паленке (А 3). Птица-Ягуар из Яшчилана (В 3), Верховный владыка Яшчилана (С 1 и С 2). Этот текст условный и приведен здесь для наглядности, но составлен из подлинных иероглифов, с учетом стилистических особенностей письма древних майя.

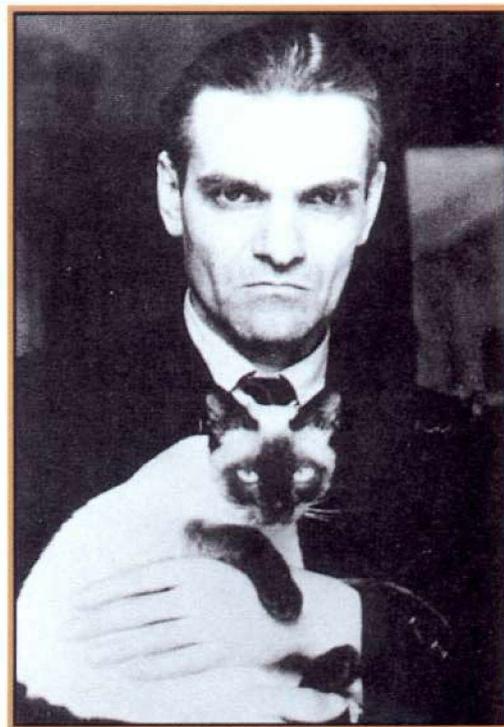
года, главный библиотекарь Королевской библиотеки в Дрездене Эрнст Форстеманн изучал этот кодекс и понял принцип действия календаря майя.

Ломая голову над тайной летосчисления майя, Форстеманн активно использовал другой манускрипт, найденный и опубликованный двумя десятилетиями раньше. Этот документ, собственно, не принадлежал культуре майя, а представлял собой добросовестную попытку описать мир майя. Это был трактат, написанный де Ландой в 1560-е годы в Испании, где он ждал приговора суда за то, что слишком жестоко боролся с религиозными предрассудками индейцев. Копия изобилующего фактами доклада несколько сотен лет пролежала нетронутой в архивах Академии истории в Мадриде.

Ее нашел французский аббат Шарль Этьен Брассер де Бурбур, литератор, бывший журналист, в 31 год ставший священником. Приняв духовный сан, Брассер де Бурбур жил в США, Канаде, Италии, затем в Мексике, где в конце концов нашел свое истинное призвание — стал по старым манускриптам изучать древнейшие культуры Мезоамерики. Он знал несколько индейских языков, был доверенным лицом многих ученых и коллекционеров и где-то между 1846 и 1869 годом сумел отследить пути драгоценных текстов. В том, что касается древних майя, тремя его главными находками были: копия трактата де Ланды о культуре коренных жителей Юкатана, часть пространного словаря языка майя, составленного неким монахом-францисканцем в XVI веке (Брассер де Бурбур нашел этот документ в лавке старьевщика в Мехико-Сити), и наконец, фрагмент Мадридского кодекса. Брассер де Бурбур также опубликовал перевод книги “Пополь-Вух” и всегда приписывал себе находку этого документа. В действительности же его обнаружил в 1854 году в одной из библиотек Гватемалы немецкий врач.

Несомненно, главным вкладом Брассера де Бурбура в майянистику стала находка пропавшего отчета Диего де Ланды “Сообщение о делах в Юкатане” — богатейшего и уникальнейшего источника из всех, когда-либо попадавших в руки майянистов. Особенный интерес вызвала та часть отчета, где де Ланда рассказывает о своих попытках истолковать иероглифы. С помощью индейца, умевшего писать на древнем языке, де Ланда составил целый “алфавит” языка майя из 27 знаков-иероглифов. Он полагал, что записанные знаки являются фонетическими эквивалентами звуков, представленных знаками испанского алфавита. (В алфавитном письме каждая буква соответствует определенному фонетическому блоку устной речи.) К сожалению, все эти символы оказались малопригодными для перевода кодексов или надписей на стелах, из чего ученые сделали вывод, что де Ланда

Русский лингвист Юрий Кноров, чьи статьи, опубликованные в начале 1950-х годов, произвели настоящую революцию в майянистике, выглядит на фотографии таким же угрюмым, как и его кошка. Кноров был прав, когда предположил, что майя использовали для записи не только пиктограммы, но и чисто фонетические иероглифы. Но из-за марксистско-ленинского духа его работ, а также из-за нескольких явных ошибок, допущенных советским ученым, западные майянисты долго не принимали в расчет его теорию.

Археолог из США Татьяна Проскурякова (родом из Сибири) исследует, сидя за своим рабочим столом в музее Пибоди, образцы культуры майя — изделия из жадеита. Занимаясь в 1960-е годы (параллельно с Кнорозовым) дешифровкой иероглифов майя, она сделала новый важный шаг в майянистике, показав, что в большинстве случаев надписи содержали сведения о правящих династиях, о рождении, смерти и важнейших деяниях правителей и знати. Архитектор по образованию, Проскурякова известна также своими интересными проектами реконструкции уцелевших построек майя.

пошел по ложному пути и что у древних майя было не фонетическое, а идеографическое письмо, то есть иероглифами обозначались не звуки, а понятия.

После находки рукописи де Ланды удалось расшифровать лишь небольшую часть символов, которые относились к области чисел, календарных дат, астрономических циклов и т. п. Это позволило некоторым исследователям сделать вывод о том, что письменность майя не выходила за рамки тематики, связанной со временем и числами. Такая точка зрения преобладала до середины XX века, главными ее защитниками были американский археолог Сильванус Г. Морли из Института Карнеги в Вашингтоне и Дж. С. Эрик Томпсон, англичанин, также имевший отношение к этому научному заведению. По мнению Томпсона, майя были миролюбивы, склонны к созерцательности, постоянно думали о ходе времени и слушались жрецов, следивших за движением небесных тел и узнававших по ним волю богов. Города майя являлись церемониальными центрами, а не оплотами земной власти. «Главная тема цивилизации майя, — писал он в 1956 году, — это ход времени: общее понятие о тайнах вечности и более конкретное — о делении времени на отрезки, соответствующие векам, годам, месяцам и дням. Ритм времени завораживал майя, нескончаемый поток дней из бесконечности в бесконечность, из прошлого в будущее приводил их в восхищение».

Поскольку никто не мог прочесть основную массу иероглифов, не было никаких оснований подвергать сомнению истинность этой картины. Но в 1952 году малоизвестный советский лингвист Юрий Кнорозов оспорил общепринятую точку зрения. Будучи специалистом по древнеегипетской письменности, он заинтересовался знаками, которые де Ланда считал алфавитом майя. Он исследовал известные к тому времени кодексы и подсчитал, что в целом в них содержится до 300 разных иероглифов. Если все знаки были идеограммами, то для языка их слишком мало. С другой стороны, для фонетической системы, использующей алфавит (для обозначения мельчайших отрезков звучащей речи) или слоговые единицы (гласный плюс согласный), потребовалось бы гораздо меньше знаков. Кнорозов заключил, что письменность майя представляла собой смешанную систему — частично фонетическую, частично семантическую, как было в случае с древними рукописями, найденными в Месопотамии, Египте и Китае. Затем Кнорозов показал, что в фонетическом аспекте письменность майя базировалась скорее на слоговой, а не на алфавитной записи. Он высказал предположение, что информатор де Ланды, записывая звучание испанских букв, использовал известные ему комбинации согласных и гласных звуков. Например, когда де Ланда называл букву «л», индеец записывал иероглиф, обозначающий слог «лу».

Идеи Кнорозова сразу же подверглись резкой критике, и действительно, некоторые из его высказываний впоследствии оказались неверными. Более того, сами древние письмена, даже и с найденным “ключом”, по-прежнему доставляли исследователям массу хлопот: грамматика и синтаксис майя, как оказалось, поставили перед учеными новую преграду, фонетические и идеографические элементы часто смешивались, начертания иероглифов варьировались, а сами тексты были к тому же осложнены игрой слов, метафорами и намеками. Из-за всех этих сложностей, а также из-за явных ошибок в работах Кнорозова “фонетический подход” к изучению письменности майя еще долгое время, до начала 1970-х годов, вызывал сомнения у большинства ученых.

Но за это время были сделаны два новых серьезных открытия. В 1958 году Генрих Берлин, изучавший надписи на монументах в Паленке и других центрах майя, заметил сходство в некоторых группах иероглифов, найденных в самых разных местах. Основная, срединная часть в этих группах была каждый раз новой, но начало каждой группы было одним и тем же, что могло свидетельствовать о сходном содержании. Берлин предположил, что основная часть в группах могла обозначать либо название города, либо имя его правителя. Эти знаки Берлин назвал “иероглифом-эмблемой”. Они стали первым указанием на то, что письменность майя не была целиком посвящена жреческим проорицианиям о времени и о светилах.

В 1960 году Татьяна Проскурякова, русская по происхождению, сотрудница того же Института Карнеги, где работал Эрик Томпсон, определила мирской характер некоторых иероглифических текстов. Проанализировав надписи на стелах из Пьедрас-Неграс — города, находившегося к югу от Паленке, — она обратила внимание на даты, связанные с другими иероглифами, и предположила, что они могли указывать на какие-то важные события. Похоже было, что в каждой новой надписи эти даты говорили о продолжительности жизни конкретных людей (возраст варьировался от 56 до 64 лет). Числовые записи часто прерывались, их дополняли портреты женщин, детей и молодых правителей. Татьяна Проскурякова заключила, что на монументах были записаны важнейшие события из жизни правящих династий, например, рождение, приход к власти, военные победы, смерть и т. п. Доказательство было настолько наглядным, что больше ни у кого не оставалось сомнений: на каменных монументах народ майя писал свою историю.

С открытиями Юрия Кнорозова, Генриха Берлина и Татьяны Проскуряковой начался новый этап в современной майянистике. С тех пор было разгадано более 80 процентов всех иероглифов, а археологи сделали множество поразительных открытий. В результате мир майя, известный ранее лишь по архитектурным памятникам, стал нам ближе и понятнее. История этого народа больше не была загадкой.

ОСТАНОВИСЬ, МГНОВЕНЬЕ!

В XIX веке фотографии экзотических руин производили на зрителей такое впечатление, будто они сами побывали на месте и увидели все собственными глазами. И по сей день фотографии столетней давности не утратили своего познавательного значения. Никто и не догадывается, какая грандиозная работа стоит за этими четкими и ясными изображениями, к существованию которых все уже привыкли. В прошлом веке фотограф имел дело с громоздкими камерами, хрупкими стеклянными негативами и с большим количеством реактивов, а кроме того, в походных условиях делать фотографии было очень непросто — одна доставка оборудования чего стоила! «Хорошо, если дойдет хоть половина заказанных пластин, — писал в 1888 году Эдвард Г. Томпсон попечителю Гарвардского музея Пибоди, снарядившего экспедицию, — поскольку легко предугадать, что некоторые из них неизбежно будут разбиты или как-нибудь еще повреждены, особенно здесь, в этой духоте и сырости, во влажном климате, где поклажа, навьюченная на мулов, будет долго трястись по ухабам».

Награда за верность избранному делу приходила позже — когда публика получала возможность оценить фотографии, сделанные чаще всего не фотограмами-профессионалами, а неутомимыми искателями приключений, на практике обучившимися этому новому искусству. Среди наиболее известных — Альфред П. Модсли. Его фотография, сделанная в Чичен-Ице, с большой змеиной головой, лежащей у подножия пирамиды Эль-Кастильо, помещена наверху. Бывший британский колониальный администратор, Модсли прибыл в Центральную Америку в 1881 году, чтобы, как он выразился, «провести зиму в тепле». Он писал: «Интерес, который во мне пробудили эти поистине восхитительные памятники культуры, заставил меня предпринять новые экспедиции».

Модсли провел около 13 лет в экспедициях (причем снаряжал их за собственный счет). Кроме множества фотографий он оставил еще более тысячи слепков со стел и скульптур, а также подробные виды и планы нескольких древних городов. Материалы его исследований составили восемь томов: четыре тома текстов и еще четыре — иллюстраций.

ЗАТО УЧЕНЫМ БУДЕТ ЛЕГЧЕ!

Альфред Модсли побывал в десяти городах майя, из них самыми его любимыми были Копан, Квирингуа, Паленке и Тикаль. В ясную погоду он работал не покладая рук на раскопках, а когда начинался сезон дождей — описывал и систематизировал свои находки.

Полевые работы в местном климате велись не так быстро, как хотелось бы: людей изматывала тропическая лихорадка, да и насекомые представляли собой далеко не шуточную напасть. Так, однажды в Копане на лагерь стройными рядами двинулись муравьи, уничтожая на своем пути все маломальски съедобное, в том числе, как писал Модсли, съели «два негатива, оставленные в сетке для просушки». Модсли упорно шел к своей цели, несмотря ни на что. Он мечтал собрать столько материала, чтобы ученые «могли спокойно решать загадку майя, сидя в тепле и уюте своих кабинетов».

А. Модсли сделал фотографию северного фасада башни в Паленке в 1891 году, сразу же после расчистки участка. Когда он впервые увидел это здание, писал он, к нему невозможно было подступиться: «площадка перед ним была до уровня первого этажа завалена» разбитыми каменными украшениями, упавшими с крыши. Расчистка производилась так: «обломки просто сбрасывали вниз с внешней стороны платформы» — метод, который вставил бы содрогнуться современного археолога!

Опасаясь козней потусторонних сил, индейцы, нанятые Модсли для работ в Тикале, разбили свой собственный лагерь (наверху). Они наотрез отказались устроиваться на ночлег под крышей древних строений, считая, что там живут "домашние духи".

Впечатляющий портрет правителя — стела Е из Киригуа (слева). Она самая высокая из всех известных монолитов майя. Для того чтобы сделать слепки рельефов, нужно было покрыть стелу гипсом. Но первым делом Модсли и пять его помощников влезли на самую ее вершину. Стела даже не покачнулась, из чего они заключили, что "основание ее крепко сидит в земле и от дополнительного веса она вряд ли свалится нам на голову".

ПРОШЛОЕ СЛОЖЕНО ИЗ КУСОЧКОВ

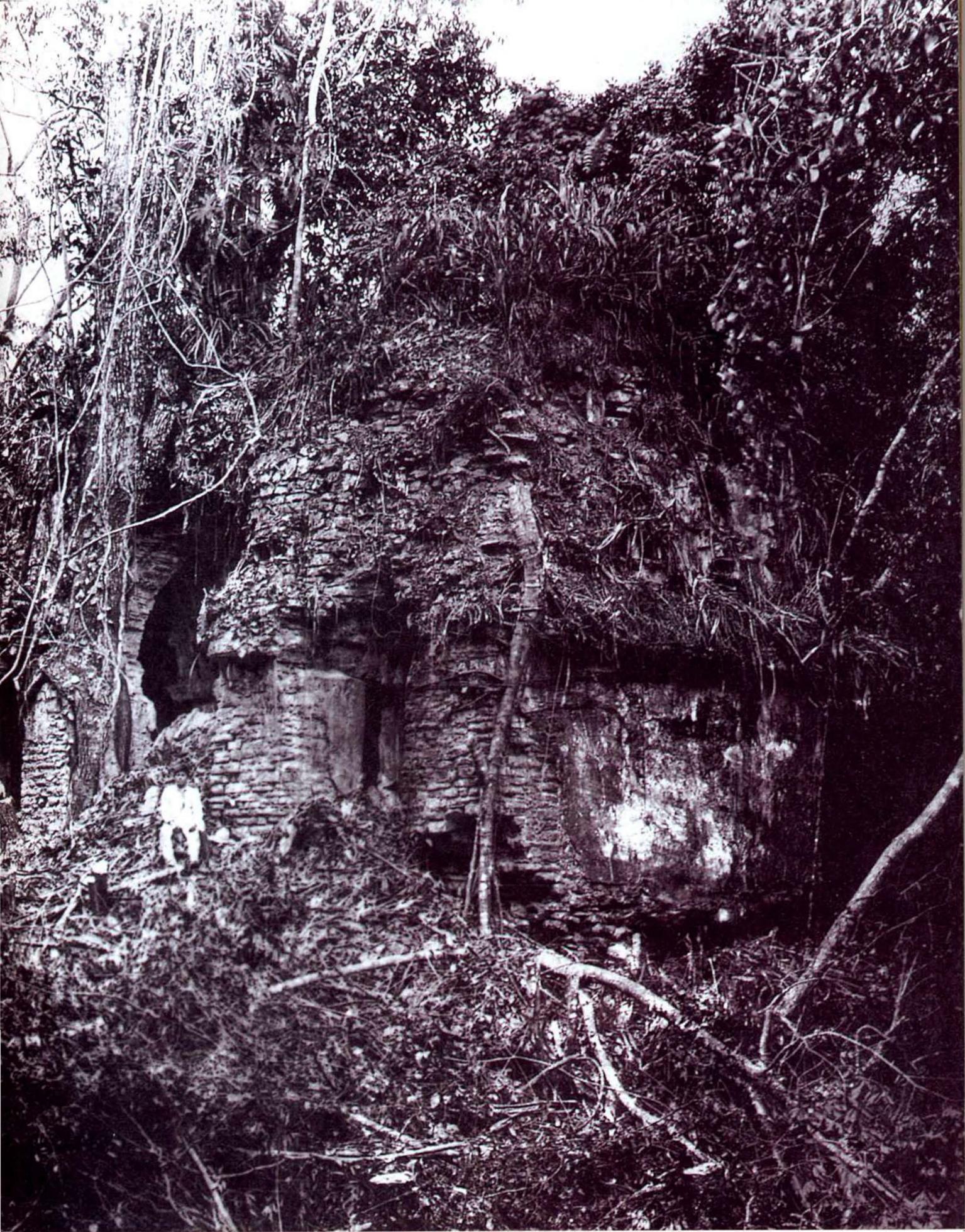
Австрийский фотограф и исследователь Теоберт Малер отправился в Мексику в 1865 году, чтобы вступить в армию злополучного императора Максимилиана. Когда службе пришел конец, он ненадолго вернулся в Австрию, жил во Франции и в Англии, но в 1884 году снова направился в Мексику, заслушавшись рассказов о сделанных там археологических находках. Он рассчитывал издать большой фотографический атлас экзотических руин и продавать его по подписке, но этой идее так и не дано было осуществиться. Зато с 1897 года он начал сотрудничать с музеем Пибоди и в течение десяти лет делал для этого научного заведения фотографии, которыми сопровождал описания еще не изученных к тому времени городов. Заботясь прежде всего о точности описаний, замеров, расчетов, он попутно сделал одно немаловажное открытие в фотографическом деле. Изобретенный им метод заключался в том, что он несколько раз снимал объект с одного и того же расстояния, так что получались негативы одинакового масштаба. Негативом служила эластичная пленка, а не стеклянная пластина. Сравнив негативы, он отбирал и вырезал наиболее удачные участки и составлял из них на прозрачном листе новую картину. Состоящая из лучших фрагментов "лоскутная" фотография доносила до зрителя все мельчайшие черточки, все нюансы оригинала.

Чтобы показать масштаб снимка, Малер позирует рядом с поваленной стелой (Пьедрас-Неграс, Гватемала). Фотограф предпочитал стеклянным пластинам пленки, потому что в джунглях при транспортировке стеклянные пластины часто бились.

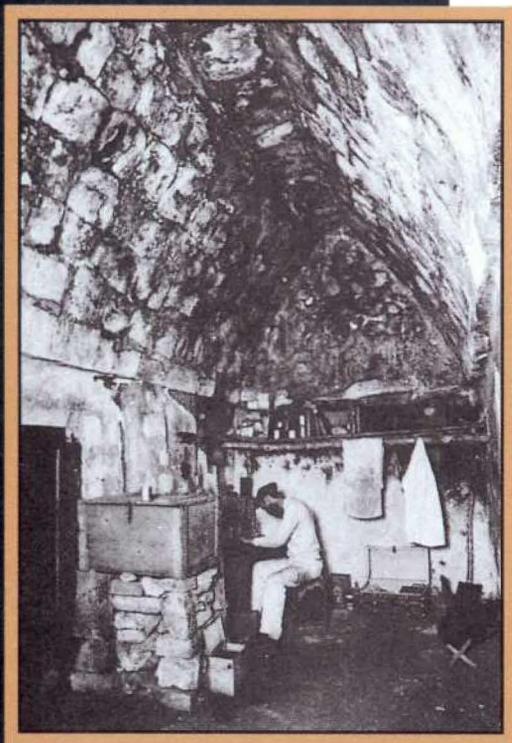

Малер с фотокамерой часто оказывался на развалинах до того, как там начинались раскопки. Так было и с этим храмом в Паленке (справа). Стремясь к совершенству, он сооружал специальные постаменты для фотокамеры, чтобы можно было снимать под прямым углом.

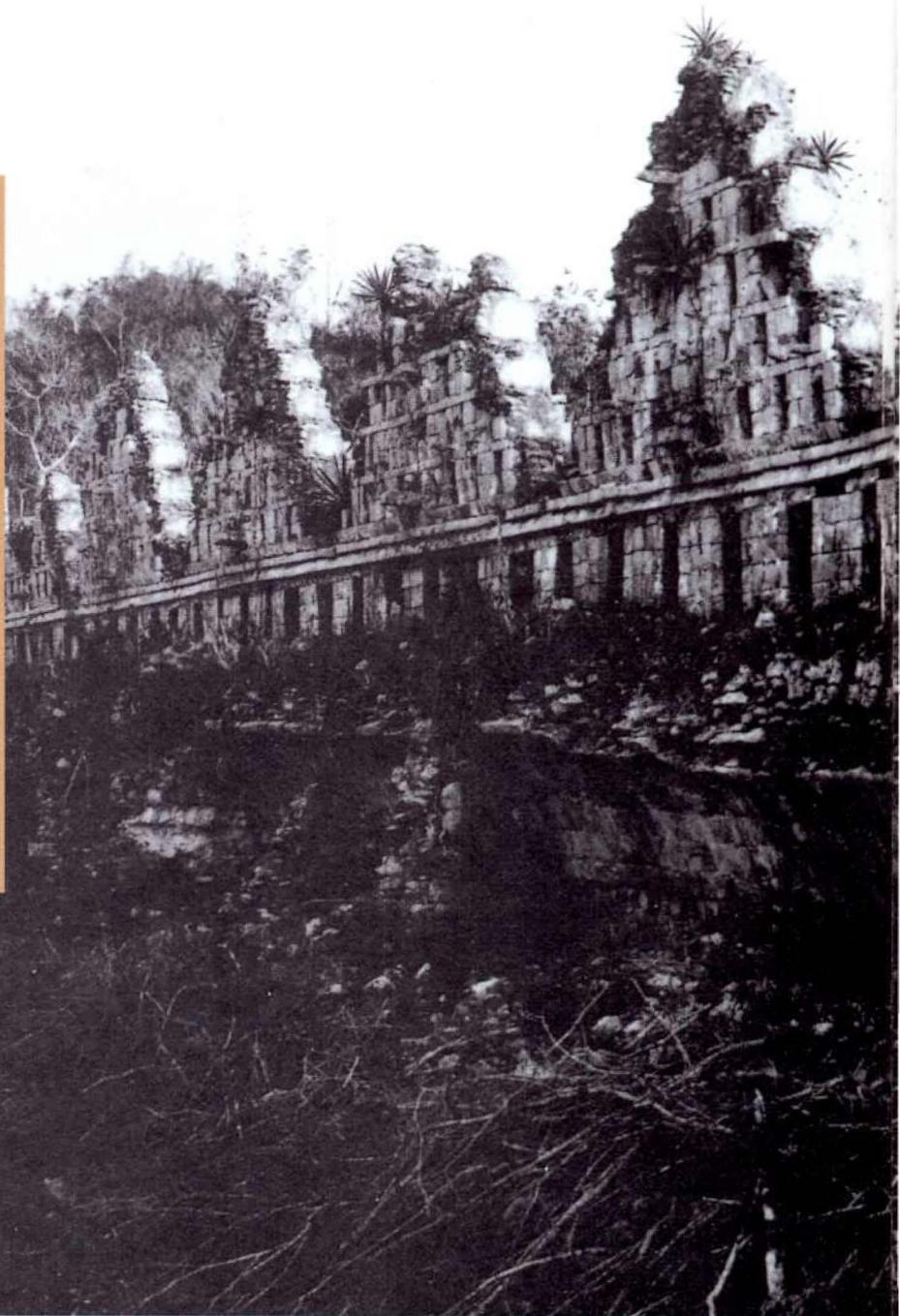
МИР ЗНАКОМИТСЯ С МАЙЯ

Эдвард Г. Томпсон, назначенный в 1885 году американским консулом в Юкатане и Кампече, в основном для того, чтобы заниматься археологическими исследованиями, большую часть времени проводил в городах Лабна и Ушмаль. Работа его получила широкую известность после грандиозной Колумбийской выставки, проводившейся в 1893 году в Чикаго.

Эдвард Томпсон настолько привык к древней архитектуре, что переоборудовал сводчатый зал храма в Лабне (Мексика) в фотостудию и проявочную комнату.

Как замок зачарованной принцессы, посреди глухого леса, высится эта "Голубятня" в Ушмале. Именно такой увидел ее впервые Томпсон во время своих путешествий по Юкатану.

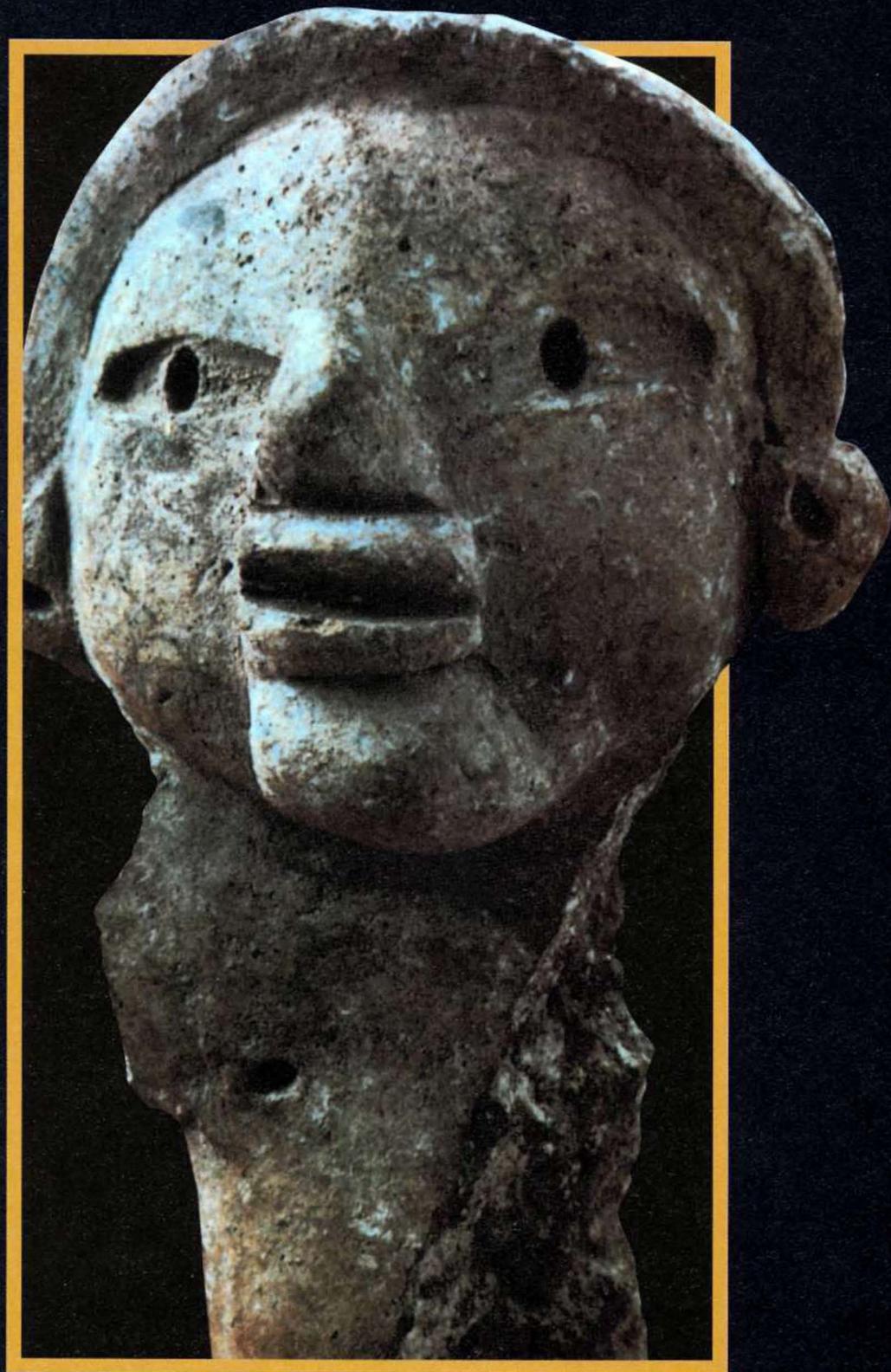
КАМЕНЬ — НОЖНИЦЫ — БУМАГА. ЧТО СИЛЬНЕЕ?

Между 1891 и 1895 годами Гарвардский музей Пибоди четыре раза снаряжал крупномасштабные экспедиции в Копан. В 1893 году начальник второй экспедиции Джон Оуэнс умер от тропической лихорадки, и на его место сразу же прибыл Альфред Модсли, прервавший ради этого свой медовый месяц. Перед экспедицией стояла задача вывезти из джунглей и доставить в музей как можно больше памятников, а с тех, что не поддаются транспортировке, по возможности снять слепки.

Характерная картина: Джон Оуэнс из музея Пибоди, начальник экспедиции, восседает верхом на муле, а носильщики несут на плечах огромные слепки из папье-маше.

Поверженная временем гигантская стела из Копана (слева) сплошь покрыта замысловатым рельефом. Эта фотография, сделанная Альфредом Модсли, представляет для нас дополнительную ценность, потому что впоследствии, из-за дождей и ветра, все мелкие детали бесследно исчезли.

ВЛАСТИТЕЛИ, БОГИ И КРОВЬ

Английский археолог Норман Хэммонд в немом изумлении смотрел на гладкий круглый предмет, лежащий прямо у его ног на каменном полу внутреннего храмового дворика в Куэльо, малоизвестном поселении майя на территории государства Белиз. И вдруг до него дошло, что это за находка: это был человеческий череп, обращенный лицевой частью вниз, он лишь наполовину выступал из-под земли. Хэммонд с товарищами начали раскопки, то и дело натываясь на новые человеческие останки, причем на таком сравнительно небольшом участке их оказалось подозрительно много: попадались и целые скелеты, и скелеты людей с отрубленной головой и отсеченными конечностями. Подсчет находок показал, что в этом зале было похоронено более 30 человек, и хотя скелеты в большинстве своем были сильно повреждены падающим сверху долгие века каменным сором, было ясно, что это не простая могила.

Один из черепов имел отверстие в лобной части, в точности соответствовавшее по размерам другой находке археологов — ритуальному кинжалу, такие кинжалы делались из кремнистого сланца, известного еще под названием “черт”. Все найденные кости покоились в углублении, ограниченном по краям каменной насыпью, по-видимому, специально сооруженной вокруг останков и затем перекрытой сверху (или засыпанной). Скелеты двух юношей лежали, почти соприкасаясь головами, ногами — в противоположные стороны. Вокруг них в огромном количестве были разложены керамические сосуды. Повсюду валялись кости отсеченных человеческих рук и ног.

Предположительно это портрет некоего правителя Куэльо, чье имя теперь никому не известно. На глиняной фигурке (высота ее приблизительно 10 сантиметров) имеются украшения, которые носили первые правители майя: ушные украшения и простая головная повязка. Скульптура была создана около 400 года до н. э., время, когда майя жили в основном в небольших сельских и торговых поселках.

И дополняли эту жуткую картину останки людей, аккуратно усаженных в кружок. Очевидно, здесь было совершено жертвоприношение, какое обычно устраивали при постройке нового храмового комплекса.

Для Хэммонда и его коллег, проводивших раскопки в Куээльо с 1976 года вплоть до начала 1990-х, это было потрясающим открытием — первое наглядное свидетельство массовых человеческих жертвоприношений у майя. Всего полвека назад ведущие ученые-майянисты всячески подчеркивали, что древние майя не были жестокими, не любили проливать кровь даже во время ритуальных церемоний. В 1915 году американский археолог Сильванус Г. Морли заметил батальные сцены на рельефах майя, но не придал им большого значения и в последующих своих исследовательских работах сосредоточился в основном на календарях и астрономических данных, содержащихся в иероглифах, словно не замечая сопровождавших текст иллюстраций или считая их недостойными серьезного изучения. Скорее всего он поставил перед собой задачу показать, что майя были такими “американскими древними греками” и что достижения этой цивилизации делают ее “величайшей расой человечества”.

Нельзя отрицать, что древние майя многого достигли в математике и астрономии, но здесь, в Куээльо, находки неопровержимо доказывали то, что для майя было естественно проливать кровь — как свою, так и чужую, отбирая для этой цели жертвы из числа военных пленников. Ибо, помимо прочих доказательств произведенного здесь жертвоприношения, был обнаружен позвоночник морского ската, а насколько можно судить по пиктограммам, майя использовали его во время ритуальных церемоний для того, чтобы пускать себе кровь: мужчины — из ушных раковин и пениса, а женщины — из языка.

Но что придавало находке в Куээльо особенную ценность, так это вероятное время произведенного захоронения, совпадающее с историческим водоразделом в развитии цивилизации майя. Анализ археологических пластов позволил предположить, что жертвоприношение было совершено около 400 года до н. э., когда жители южных территорий (современные Гватемала, Белиз и южная часть Юкатана) начали перестраивать

Разровненные кости 32 человек, принесенных в жертву в Куээльо 2400 лет назад, и скелет юноши, который умер от удара острого кинжала, направленного прямо в лоб. Острое оружие, сделанное из кремнистого сланца, было найдено рядом со скелетом. Диаметр его острия в точности совпадает с отверстием в черепе. Такое же оружие (внизу) лежало в соседней могильнике. Жертвами, скорее всего, были попавшие в плен воины из соседней деревни.

свои сельскохозяйственные и торговые поселения в церемониальные центры, в итоге превратившиеся в сложные архитектурные комплексы — города. Сопоставив между собой имеющиеся факты, Хэммонд и его коллеги пришли к выводу о том, что жители Куэаль превратили старый сельский церемониальный центр — площадку, окруженную со всех сторон культовыми постройками из дерева и пальмовых листьев — в гигантскую общественную зону. Сначала местные жители подожгли деревянные храмы, растащив по бревнам фасады (таков был обряд посвящения богам), а затем стали засыпать площадку камнями и щебнем, постепенно воздвигнув высокую платформу площадью в полгектара. А в самом центре этой платформы были погребены люди, принесенные в жертву, — скорее всего, юноши.

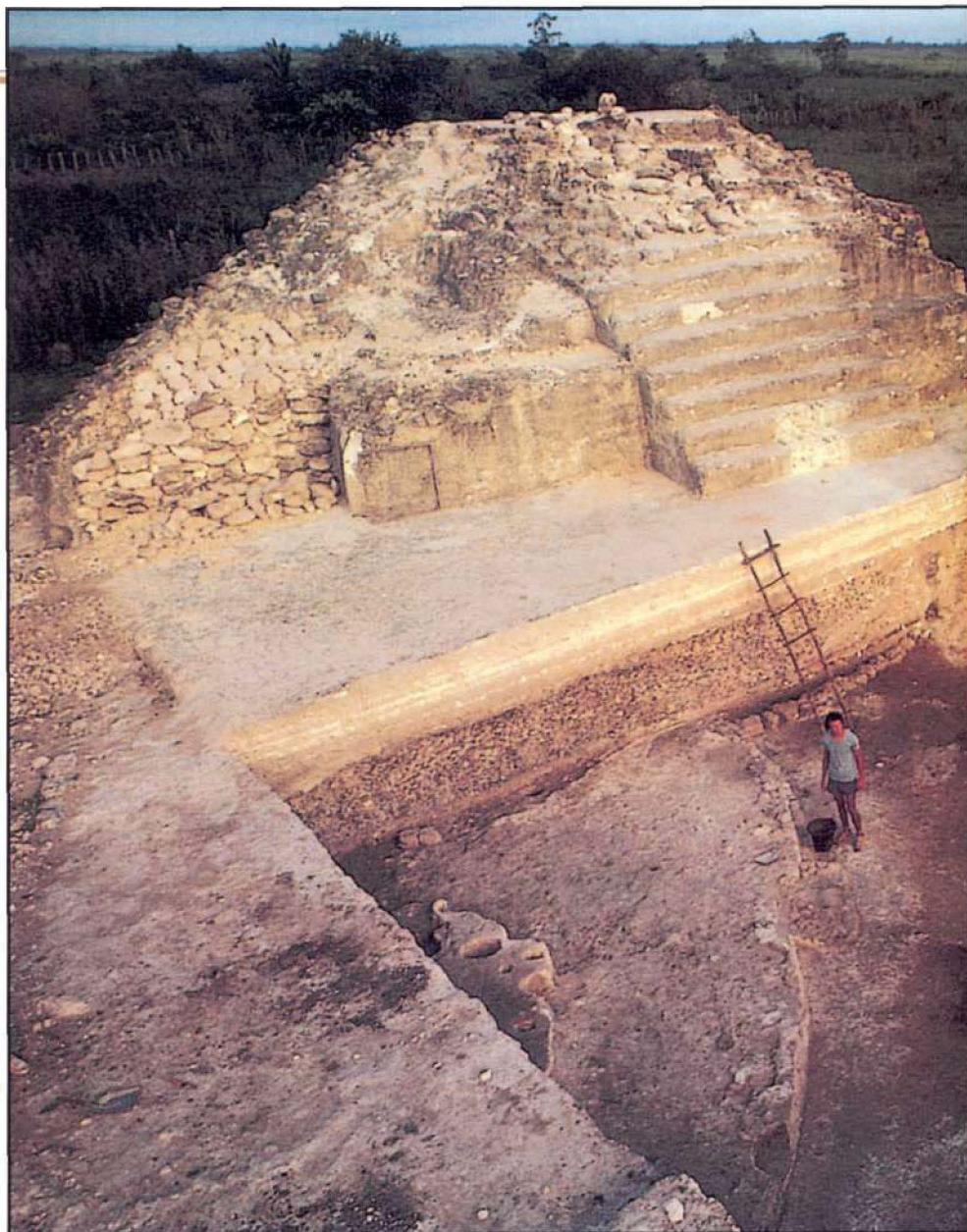
Рядом с ними были положены шесть костяных трубок, украшенных резьбой, — иные считают, что это просто ручки от вееров, а по мнению других, это ручки от неких инструментов, с помощью которых майя пускали кровь. Но главным было не назначение этих предметов, а вырезанный на них орнамент: на четырех из них хорошо виден узор, который на языке майя называется *поп* (плетеная циновка). Как свидетельствуют находки, относящиеся к более поздним временам, такими циновками пользовались правители майя (это был как бы символ трона). Итак, находки в Куэаль позволяют предположить, что уже в 400 году до н. э. — гораздо раньше, чем думали многие специалисты — народом майя правила элита, причем власть ее была не символической, но вполне реальной.

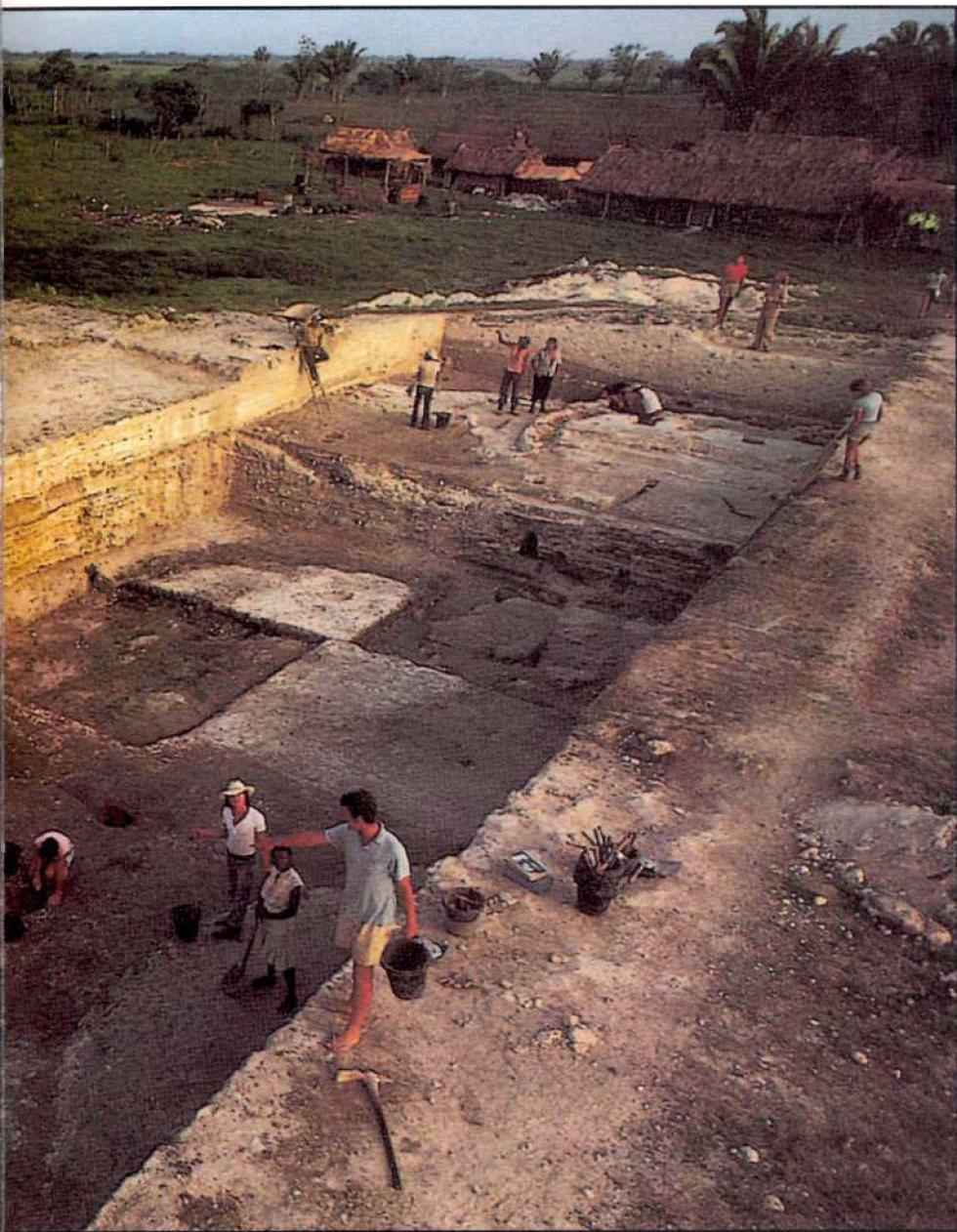
Действительно, здесь, на небольшом участке — одном из сотен поселений майя, относящихся к тому же периоду времени, — Хэммонд и его товарищи обнаруживали в зачаточном состоянии те самые особенности культуры майя, которые со временем станут основными приметам классической поры этой цивилизации. Проводя раскопки невысокой пирамиды в западной части платформы, они нашли внутри другую пирамиду, поменьше, которая, как это часто бывало у майя, легла в основание более поздней постройки. Стены ее были украшены загадочными изображениями, каждое из которых было заключено в овал. Хэммонду они сразу же напомнили более поздние иероглифические изображения майя, и он предположил, что сельские жители Куэаль знали начертания основных иероглифов майя, из которых впоследствии развилась сложная функциональная система письма. Вероятно, эти люди знали и цифровые обозначения. В захоронении внутри малой пирамиды Хэммонд нашел несколько штампов-печатей, на одной из которых можно было явственно различить вертикальную черту и четыре точки: знак числа 9 у майя.

И в довершение всего, у подножия пирамиды археологи заметили кусок известняка довольно странной формы. Сначала Хэммонд не придал этой находке никакого значения (“мало ли что валяется

под ногами”), но в один прекрасный день, посмотрев на него с вершины пирамиды, он понял, что это не обломок горной породы, а отесанная вручную прямоугольная плита, скорее всего стела — на таких плитах майя вырезали свои письмена и изображали правителей. К тому времени древнейшая из стел майя находилась в Тикале (Гватемала). Датированная 292 годом н. э., она символизировала начало так называемого классического периода майя — промежутка в 600 лет, в течение которого цивилизация достигла вершины своего развития и майя старались, где только могли, увековечить в камне деяния своих правителей. Здесь же, в Куэльбо, был памятник, выполнявший ту же функцию, только воздвигнут он был на 200 лет раньше.

Вскоре в Куэльбо обнаружили и еще более древние находки. В 1973 году, вскоре после того, как Хэммонд наметил место для раскопок, археологи сделали пробный раскоп, при этом были извлечены куски сгоревшего дерева, отнесенные ко времени первых поселений. Датировка древесины радиоуглеродным методом дала ошеломляющий результат: оказывается, уже в 1000 году до н. э. здесь жили люди. А может быть, сельские поселения начали появляться в этом районе и еще раньше. Эта находка влила свежую струю в давние споры о происхождении цивилизации майя. Некоторые ученые считали, что предки майя жили в Мексике, другие же заявляли, что корни этой цивилизации следует искать в горах Центральной Америки, некоторые выискивали связи майя с цивилизациями Китая и Юго-Восточной Азии. Но если бы можно было доказать, что древнейшие жители Куэльбо действительно были предками майя, тогда можно было бы смело говорить о том, что майя ни у кого не заимствовали свою историю, а сами были ее творцами.

Пласты земли, в которых сохранились остатки гражданских строений, датированных 2200 годом до н. э., образуют платформу площадью в полгектара и высотой до 4 метров. На этой платформе в 400 году до н. э. в Куэальо была выстроена самая высокая ступенчатая пирамида. Майя верили в то, что духи не покидают места прежних святилищ, и потому постоянно надстраивали центр города, возводя новые здания поверх разрушенных старых.

ступал день, когда после человеческих жертвоприношений их засыпали камнями. В одном из углов платформы археологи обнаружили резервуар, первоначально служивший амбаром, а затем, в I или II веке н. э. превращенный в свалку. В нем были найдены зерна кукурузы — основного продукта питания индейцев майя. Сравнивая эти зерна с более ранними образцами, ученые отметили признаки генетических изменений, вероятно возникших в результате селекционной работы, проводившейся несколькими поколениями земледельцев. И действительно, Хэммонд подсчитал, что со времени первых поселений до 200 года н. э. урожай в Куэальо более чем удвоился.

Вооружившись информацией, полученной в результате радиоуглеродной датировки, Хэммонд со своими сотрудниками стал проверять вероятность этого предположения, углубляя раскоп в Куэальо, снимая один культурный слой за другим. Место для раскопок — главный внутренний двор — было выбрано удачно, и вскоре были найдены остатки самой первой на этом месте постройки. Это была хижина, вроде тех, что строят современные индейцы — потомки майя: частокол бревен да крыша из пальмовых листьев. Сооружение стояло на невысокой известковой платформе (самый ранний пример применения извести в строительстве), а использование известкового раствора считается одной из характерных особенностей архитектуры майя.

Различные слои раскопа давали все новые доказательства преемственности культурной традиции в Куэальо. Впервые появившиеся здесь в конце второго тысячелетия до нашей эры жилища из века в век строились по одному и тому же плану, только с каждым разом становились все выше, все массивней, пока не на-

Дальнейшие исследования показали, что с самого начала крестьяне Куэальо делали добротную глиняную посуду различных цветов, а уже к VII веку до н. э. покрывали ее слоем смолы и обжигали, таким образом сохраняя рисунок. На одном из сосудов этого периода изображена какая-то водоплавающая птица, другой фрагмент, датированный 1000 годом до н. э., покрыт резным орнаментом, в котором можно узнать характерный тип прически майя — высокий пучок, известный по позднейшим изображениям. Другое глиняное изделие, датированное приблизительно 1000 годом до н. э., оказалось детской свистулкой в форме птицы с четырьмя дырочками по бокам. Глядя на эту находку, Хэммонд не мог удержаться и подул через отверстие в клюве, поочередно зажимая пальцем боковые отверстия, — и в тишине отчетливо прозвучали пять нот диатонической гаммы, своеобразное музыкальное послание, пришедшее к нам из глубины столетий.

Этот удивительный предмет был найден в могиле шестилетнего ребенка среди других предметов, в числе которых был и кусочек нефрита — минерала исключительной плотности, весьма ценившегося в Мезоамерике. Одно из немногих известных мест его добычи (обнаружено археологами в 1952 году) — долина реки Мотагуа на юге Гватемалы. Вероятно, именно там древние ольмеки, жившие на побережье Мексиканского залива, таинственный народ, достигший достаточно высокого уровня культуры на 500 лет раньше майя, добывали зеленый камень для своих ритуальных предметов и замечательных ювелирных изделий. Хэммонд предположил, что в древности вполне мог существовать товарообмен между ольмеками и первыми жителями Куэальо, находившегося в 600 километрах к востоку, тем более что с самого начала прослеживается глубокое взаимное влияние этих двух культур. Но другие ученые оспаривают это утверждение, считая, что товарообмен мог проводиться и через посредников, а строгих доказательств прямого взаимодействия культур пока не существует.

В классический период великие правители майя отправлялись в мир иной, щедро одаренные напоследок ожерельями из нефрита, в масках, инкрустированных тем же камнем. Но

Терракотовая печать длиной в 7 сантиметров, датированная приблизительно 1000 годом до н. э., несет на себе знак числа 9 у майя: четыре точки и одну вертикальную черту. Такие печати, по-видимому, служили для нанесения краски на кожу или ткань.

Чаша, найденная в Куэальо в одном из могильников и датированная 250 годом до н. э., свидетельствует о высоком уровне гончарного мастерства у местных жителей. Некоторые из найденных здесь керамических изделий считаются древнейшими в Центральной Америке. Оранжевая глазурь и врезанный орнамент, идущий по краю чаши, характерны для керамики Куэальо.

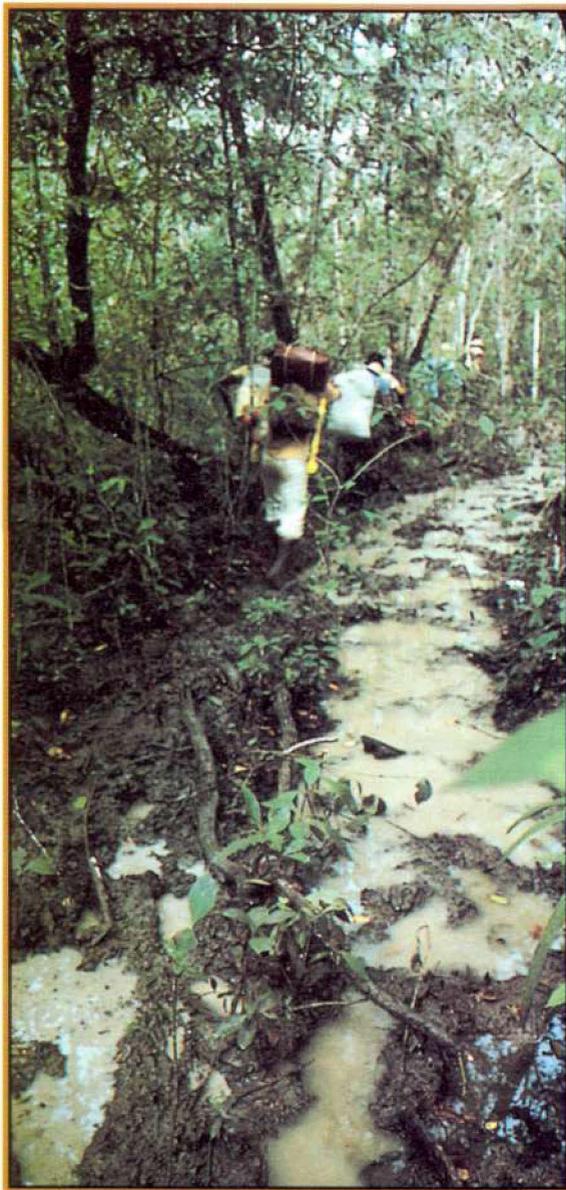
как свидетельствуют раскопки в Куэлько, обычай класть кусок нефрита рядом с умершими был известен на тысячу лет раньше. Причем уже в те давние времена майя знали разницу между двумя разновидностями зеленого поделочного камня: самым ценным они считали полупрозрачный жадеит изумрудно-зеленого цвета, напоминающий переливающееся оперенье кетцала, птицы, из перьев которой майя делали украшения. Из 172 открытых на территории Куэлько захоронений всего в нескольких могилах были обнаружены бусы из ценного жадеита; когда хоронили людей низкого звания, с ними рядом клали изделия из менее ценных пород камня, напоминавшие нефрит только цветом.

Маленькая глиняная птичка-дудочка — всего шесть сантиметров от клюва до хвоста — была найдена в Куэлько в могиле ребенка, и до сих пор на ней можно сыграть вечное до-ре-ми-фа- соль.

Но майя ценили нефрит не только за его красоту. Зеленый цвет был для них символом самой жизни: это был цвет растущей кукурузы, цвет блестящих на солнце глубоких водоемов. В словаре майя иероглиф, обозначающий нефрит, также обозначал и название дня, читавшееся как дождь. Как гласил ритуальный текст, известный во времена испанского завоевания, нефрит — это “драгоценный камень милости, первой и бесконечной милости”. К тому же это был еще и символ крови, символ жизни и смерти. Кровь, пролитая правителями во время священных ритуалов, по представлениям древних майя, питала дерево жизни (*axis mundi*), растущее в центре мира, а также открывала человеку путь в мир сверхъестественных существ, от которых зависела повседневная жизнь. Поэтому не удивительно, что майя часто наносили на изделия из жада красную краску, тем самым символически соединяя эти два самых важных жизненных элемента.

Завершая раскопки, в последний день Норман Хэммонд спустился на самый глубокий уровень раскопа, сел у очага и в благодарность за успешное завершение работ “воскурил фимиам”, а точнее, сжег комочек *пома* — душистой смолы, которой до сих пор пользуются индейцы при совершении своих обрядов. Глядя на последовательно вырастающие из-под земли постройки, открытые за время его работы, он понял, что его гипотеза все же верна: хотя майя в своем развитии и получили толчок от соседних культур, например, ольмекской, они сами определили свою судьбу. Здесь, на небольшом жизненном пространстве, было все необходимое для построения социального общества со сложной структурой: ремесла, зачатки математики и письменности, прогрессивные методы земледелия, подтверждаемые генетическими изменениями в составе кукурузного зерна, широко раскинутая сеть товарообмена, иерархическая организация общества. Только одного не хватало: оставалось неясным,

В 1980 году археологи предприняли чрезвычайно трудный 65-километровый переход через леса и болота к развалинам Эль-Мирадора. Остатки этого города с крупнейшими в архитектуре майя общественными постройками, впервые обнаруженные в 1926 году, были недоступны исследователям, пока наконец в 1972 году рядом с городом не появилась автострада.

что же послужило толчком к превращению этой сельской идиллии в цивилизацию городского типа.

Десять лет спустя в глухом тропическом лесу на севере Гватемалы археолог Ричард Хансен из Калифорнийского университета (Лос-Анджелес) решил, что нашел ответ на этот вопрос. Развалины, замеченные в 1930 году с самолета, но не посещаемые археологами вплоть до 1962 года, находились в 350 километрах от Гватемала-Сити и в 13 километрах от крупного центра майя — города Эль-Мирадор, который считался древнейшим городом майя, возникшим во II веке до н. э. Много веков назад эти города соединяла насыпная дорога, и потому новое неизвестное поселение получило название Накбе, что на языке юкатеков-майя означает “у дороги”. Когда Хансен решил осмотреть город, ему пришлось идти по глухим и топким местам, полагаясь лишь на ориентир, взятый от пирамид Эль-Мирадора. Через два года тем же путем проследовал караван из 125 мулов, везя поклажу экспедиции, организованной Гватемальским институтом антропологии и истории совместно с Калифорнийским университетом.

Как выяснилось, Накбе стал процветающим городом гораздо раньше Эль-Мирадора, а первые его постройки появились на три тысячи лет раньше. Хотя некоторые находки в Куээльо, вероятно, более древние, архитектурный комплекс в Накбе был значительно крупнее — там был церемониальный центр (до 800 метров в поперечнике), с массивными платформами, большой 45-метровой пирамидой, построенной около 300 года до н. э., и малыми пирамидами, построенными около 600 года до н. э., когда Куээльо был еще простой деревней. И здесь, судя по культурным пластам, вырисовывалась та же картина постепенного развития общества. Декоративные раковины и орудия из обсидиана, очевидно доставленные из других мест, позволяли предположить, что у жителей Накбе довольно рано начала действовать четкая система товарообмена. Когда были обнаружены человеческие зубы с инкрустацией из нефрита или похожего на него камня (так украшали себя знатные люди в классическую эпоху майя), стало ясно, что уже 2800 лет назад в Накбе существовала общественная иерархия. На одном из фрагментов глиняной посуды того же периода изображен человеческий профиль с характерным скошенным лбом — знаком высокого положения у майя, которые, как известно, специально уродовали че-

реп новорожденных, чтобы добиться особой удлиненной формы головы. Майянист Джон Карлсон полагает, что таким образом они старались придать голове форму кукурузного початка, как и должно быть у “людей маиса”.

И в Куэзью, и в Накбе активная строительная деятельность началась 2400—2600 лет назад. Прежние церемониальные постройки засыпались камнями и землей, а на получившихся в итоге высоких платформах строили пирамиды и другие здания. Первоначально фасады были голыми, но около 300 года до н. э. на верхних частях зданий появляются большие фризы из штука (особого известкового раствора), изображающие разных чудовищ. Эти маски сначала старательно вырезали на известняковых плитах, а затем поверх каменного рельефа лепили детали из пластичного штука. Кое-где мастер, наверное, решил сэкономить время и сделал маски целиком из штука. По мнению Хансена, фасады зданий в Накбе были древнейшими из найденных в регионе.

Но даже и в столь отдаленные времена церемониальные постройки выполнялись по определенному образцу. Пирамиды в Накбе

Художник копирует каменную маску древнего божества, открытую при раскопках пирамиды в Эль-Мирадоре. Начиная с 300 года до н. э., нарождающаяся правящая элита использует причудливые рельефы из камня и штука на фасадах храмов для утверждения в сознании людей политико-религиозной доктрины, согласно которой между правителями и богами существовала определенная связь.

и соседних с ним городах служили основанием для трех небольших храмов, к каждому из которых вела лестница, украшенная по бокам резными панелями и масками. Верхняя лестница у главной пирамиды в Накбе насчитывает 13 ступеней, что, возможно, соответствовало представлениям майя о 13 небесных уровнях, у каждого из которых было свое божество.

Одно, правда, отличает общественную архитектуру Накбе от архитектуры других, более молодых городов майя, буквально нашпигованных масками и иероглифами, прославляющими правителей. В Накбе скульпторы обращались только к богам и мифологическим персонажам. Одно из самых поразительных произведений искусства — сцена, в точности повторяющаяся на двух стенах трехметровой известняковой стелы, которая была намеренно (по непонятной причине) разбита на куски. Аккуратно составив вместе обломки, Хансен смог ясно различить две человеческие фигуры в королевских облачениях; один человек указывает на отрубленную голову без тела, приставленную к головному убору другого. Изучив фигуры, Хансен убедился, что это персонажи из книги “Пополь-Вух”, знаменитого эпоса майя, который был записан латиницей и в XVI веке переведен на испанский.

В этом эпическом повествовании речь идет о мифических героях — братьях-близнецах Хунахпу и Шбаланке, отец которых (по имени Хун Хунахпу) тоже имел брата-близнеца. “Пополь-Вуха” рассказывает о том, как Хун Хунахпу и его брат были приглашены владыками Шибальбы — подземного мира — поиграть в мяч, но, проиграв, были подвергнуты пыткам и обезглавлены. Когда настала очередь младших близнецов идти в “царство страха”, они поступили умнее: обманули подземных богов, после чего вознеслись на небо, превратившись в солнце и луну. По мнению Хансена, фигуры, изображенные на стеле в Накбе, — не кто иные, как Шбаланке и Хунахпу, а отрубленная голова — это голова их несчастного отца, помещенная рядом с сыном, носящим его имя.

Весной 1992 года Хансен сделал новое, еще более уди-

ГЕРОИ В ЦАРСТВЕ СТРАХА

“Это рассказ о том, как все было в состоянии неизвестности, все холодное, все в молчании, все бездвижное и тихое, и пространство неба было пусто”. Так начинается “Пополь-Вух” — история сотворения мира, записанная древними майя. Среди наиболее активных ее персонажей есть две пары близнецов, страстных любителей игры в мяч. Первая пара, Хун Хунахпу и Вукуб Хунахпу, отправляется в подземный мир — Шибальбу, “царство страха” — по приглашению двух его правителей, позавидовавших спортивному снаряжению юношей и втайне задумавших украсть его. Устав, близнецы проигрывают, после чего их пытаются и умерщвляют. Труп Хун Хунахпу обезглавливают и голову вешают на бесплодное тыквенное дерево, которое тотчас же приносит плоды. “Никто не должен прикасаться к этим плодам”, — предупреждают правители. Но одна молодая женщина все же подошла к дереву и сорвала плод, и когда она сделала это, голова Хун Ху-

нахпу, к тому времени превратившаяся в череп, плюнула ей в ладонь, из-за чего женщина забеременела. Покинув подземный мир, она поселяется у матери Хун Хунахпу и дает жизнь мальчику-близнецам, Хунахпу и Шбаланке.

Как Хун-Хунахпу и его брат, меньшие близнецы получают приглашение в Шибальбу поиграть в мяч. Но будучи сообразительней отца и дяди, они ухитрились избежать подставленных ловушек и обыграть своих противников. Однако победа не дает им освобождения. Жители Шибальбы прогневались на них, и братья, пройдя целый ряд жутких испытаний, заколдовав себя, идут на смерть. Жители Шибальбы растирают в порошок кости близнецов и пускают их по воде. "Но кости далеко не ушли, — гласит "Пополь-Вух", — ибо, опустившись на дно реки, они снова превратились в прекрасных мальчиков".

Вернувшись в Шибальбу неузнанными, близнецы устраивают целый ряд розыгрышей — в том числе и такой, когда один приносит другого в жертву, а затем воскрешает. Пораженные увиденным, правители Шибальбы приходят к близнецам с просьбой сделать и с ними такое же. Близнецы соглашаются и проделывают все то же самое, только с одной разницей: обманутых правителей они казнят, но не воскрешают. Победив зло, герой-близнецы — так их теперь зовут — возносятся на небо, где превращаются в солнце и луну.

Как рассказывается в эпосе "Пополь-Вух", каменный Хун Хунахпу — считавшийся у некоторых племен майя богом кукурузного початка — поднимается из расколотого черепащего панциря, символизирующего земную поверхность. Его воскрешают сыновья — Хунахпу (слева) и Шбаланке (справа), полив водой набухшее кукурузное зерно.

вительное открытие. Расчищая основание 45-метровой пирамиды, его рабочие выкопали самую большую рельефную плиту из всех найденных на территории майя. Рельеф размером 9 на 5 метров представлял собой гигантскую стилизованную голову божества, известного под именем Небесная Птица, — символ первозданного мира, которым, согласно эпосу "Пополь-Вух", стали править братья-близнецы. Правитель у майя считался земным воплощением братьев-близнецов, а Небесная Птица стала символом власти (изображение ее часто встречается в сценах "восшествия на престол"). Главное было то, что находка эта датируется 300 годом до н. э., то есть создана на два века раньше, чем все предыдущие архитектурные творения подобного рода. И тогда Хансен выдвинул интересную гипотезу: а что, если религиозная мысль послужила тем мощным импульсом, от которого цивилизация майя стала так быстро развиваться?

Размышляя над своими открытиями, Хансен задался вопросом: почему в Накбе так внезапно и бурно началось широкомасштабное строительство? Эти монументальные постройки явно не предназначались для практических целей — может быть, единственным исключением были каналы и искусственные водоемы, необходимые в засушливое время года, — а ведь такое строительство было необычайно трудоемким и в работах должно было участвовать чуть ли не все население города. Собрать такую армию рабочих можно было, только опираясь на очень сильную власть. Позже, когда у майя появятся правящие династии, будут строиться здания, посвященные отдельным правителям, — видимо, сам по себе факт наследного права на власть вызывал у народа-строителя массовый энтузиазм. Но в раннюю эпоху монументы посвящались не людям, а божествам. Исходя из этих двух фактов, Хансен сделал вывод о том, что политическая организация в Накбе и подобных ему городах носила религиозный характер. Какая-то группа облеченных властью людей — возможно, из среды жрецов, — ссылаясь на волю богов, могла свободно манипулировать своими подданными.

С выводом Хансена о том, что определяющим фактором развития цивилизации майя была религия, согласны не все археологи. Остается надеяться, что дальнейшие раскопки на территории Накбе в конце концов докажут истинность или ложность этой теории. Но чем бы ни был вызван строительный бум в Накбе, длился он недолго. Через одно-два столетия после того, как была создана каменная птица, строительство почему-то прекратилось, а белокаменный город обезлюдел и оставался "городом-призраком" почти тысячу лет. Хансен считает, что жители Накбе переехали на новое место — в Эль-Мирадор, где были более надежные источники воды и естественные

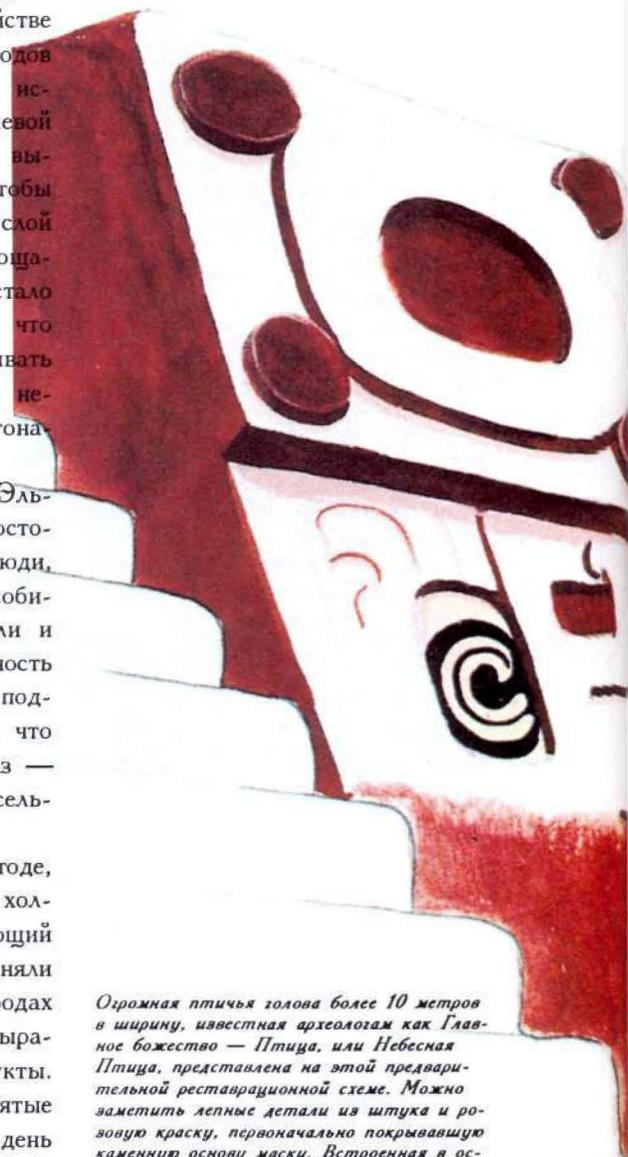
оборонительные укрепления в виде крутых обрывов вдоль северной и западной границ города.

Для того чтобы наступило процветание, нужна была какая-то экономическая его основа, а именно — излишки продуктов питания, которые бы давали возможность прокормить все возрастающее городское население, не занятое в сельском хозяйстве (правителей, их слуг, воинов, ремесленников). До 1960-х годов считалось, что древние майя, как и современные их потомки, использовали в своем земледелии главным образом подсечно-огневой метод. Сначала участок леса, предназначенный под пашню, вырубали, затем вырубленные деревья и кустарники сжигали, чтобы золой удобрить почву. Почва тропических лесов бедная и слой ее был неглубок, поэтому земля быстро, через год-два, истощалась, и поле оставляли до тех пор, пока оно снова не зарастало лесом. Тогда участок поднимали заново. Подсчеты показали, что при таком методе майя должны были бы каждый год возделывать около одной трети всех своих земель, что практически было невозможно, если бы действительно города были такими многонаселенными.

Поэтому ученые решили, что такие большие города, как Эль-Мирадор, предназначались главным образом для церемоний и постоянно в них жила только правящая элита — жрецы, а прочие люди, занятые в сельском хозяйстве и жившие в соседних деревнях, собирались в городах только по определенным дням. Но даже если и так, то факты говорят о том, что к 300 году н. э. численность населения достигла такой отметки, что дальнейшее использование подсечно-огневого метода уже не оправдывало бы себя. Известно, что население майя в последующие 600 лет увеличилось в десять раз — следовательно, были известны и какие-то иные способы ведения сельского хозяйства.

С эрозией почвы, возникающей при подсечно-огневом методе, позволяя справиться метод террасного земледелия (на склонах холмов), предохраняющий поверхность от вымывания и увеличивающий глубину плодородного слоя. К тому же, майя, вероятно, пополняли свой рацион, занимаясь выращиванием овощей и фруктов на огородах и в садах, которые были возле каждого сельского дома. Они выращивали корнеплоды, бобовые, собирали виноград, орехи и фрукты. И кроме того, древние майя устраивали так называемые приподнятые поля — этот трудоемкий, но эффективный способ и по сей день известен индейцам Центральной Америки.

В конце 1960-х годов канадский географ Альфред Сименс нашел неопровержимое доказательство того, что древние майя знали

Огромная птичья голова более 10 метров в ширину, известная археологам как Главное божество — Птица, или Небесная Птица, представлена на этой предварительной реставрационной схеме. Можно заметить деревянные детали из штука и розовую краску, первоначально покрывавшую каменную основу маски. Встроенная в основание пирамиды в Накбе около 300 года до н. э., эта маска была скрыта от посторонних глаз возведенными вокруг террасами.

и применяли метод приподнятых полей. Изучая фотографии, полученные при аэрофотосъемке бассейна реки Канделария на юго-западе Юкатана, ученый увидел на болотистом берегу четкие прямоугольники возвышенностей. Исследования показали, что и в болотах, и в поймах рек майя прокладывали дренажные каналы, вычерпывая со дна богатую илом почву и насыпая ее в виде длинных грядок, возвышающихся над уровнем воды примерно на метр. Из каналов брали органическое удобрение для полей, по ним можно было легко передвигаться в лодке, а кроме того, в них можно было ловить рыбу и моллюсков. Оставался открытым такой вопрос: насколько распространенной была эта земледельческая практика? Ответ пришел десять лет спустя, когда был изобретен тонкий прибор — лучевой радар, позволяющий “видеть” даже сквозь самую густую растительность и подробнейшим образом фиксировать все, что под ней скрывается. Между 1977 и 1982 годом с помощью радара ученые обследовали лесистые районы на юге Мексики и в Гватемале и обнаружили четкую сеть полей и каналов, лежащую среди болотистой низменности. Правда, как выяснилось, часть этих каналов была, скорее, естественного происхождения, но дальнейшие исследования, проводившиеся в этом направлении уже в 1991 году, дали некоторые, прав-

да очень скудные, подтверждения, что это все же были приподнятые поля.

Другие исследования наглядно по-

казали, что в тех районах, где главной проблемой была нехватка воды, майя сооружали сложные ирригационные системы. В городе Эцна, что находится на засушливой прибрежной равнине в юго-западной части Юкатана, группа археологов под руководством Рэя Матени выявила стройную систему каналов и резервуаров, сооруженную между 200 годом до н. э. и 100 годом н. э. Один из каналов особенно поражал воображение: он был шириной в 90 метров и тянулся на 11 километров, соединяя город с рекой. К северу от центра города расходились веером семь каналов поменьше — они подводили воду к различным по величине резервуарам, из которых самый большой мог вместить 120 миллионов литров воды. Как подсчитал Матени, на постройку этой системы, в целом вмещающей 2 миллиарда литров воды, жители города потратили 1,68 миллиона человеко-дней: все это было построено вручную, теслами и мотыгами, сделанными из кремнистого сланца.

На восточном побережье Юкатана, в городе Серрос, тоже была мощная система водоснабжения. Церемониальный центр этого торгового города, стоявшего на скрещенье морских, речных и сухопутных дорог, у устья двух рек, был отделен от большой земли каналом протяженностью в полтора километра, с дополнительным подводящим каналом, осушавшим несколько полей. Глядя на все эти строительные чудеса, нельзя не задуматься о причинах эволюции общества майя. Удивительно, с какой готовностью люди приняли идею обожествленной власти.

Среди тех, кто исследовал метаморфозы Серроса от сельской лачуги до царского дворца, были два американских майяниста: Линда Шил из Техасского университета в Остине, художница и преподаватель живописи, ставшая одним из ведущих специалистов по дешифровке надписей майя, и Дэвид Фрейдел из Южного методистского университета в Далласе, “грязный” археолог, как он себя называет. По их версии, внезапная трансформация, случившаяся в Серросе, является результатом сознательного акта, задуманного некими лидерами, чьи имена нам неизвестны, но чье архитектурное наследие свидетельствует об их непреклонной воле. Версия, предложенная Линдой Шил и Дэвидом Фрейделом, не получила единогласного одобрения в научных кругах и едва ли вообще поддается строгой проверке, но, по крайней мере, в одном она похожа на правду: действительно, в исторической судьбе майя многое зависело от отдельных личностей.

Около 50 года до н. э. Серрос был уже довольно оживленным портовым городом и, поскольку стоял у устья двух рек, оказался важным звеном, соединявшим торговые пути, ведущие от

КАМЕНЬ ДОРОЖЕ ЗОЛОТА

Ценившийся древними майя за красоту, редкость, а также за предполагаемую волшебную силу, нефрит задавал непростую задачу древним мастерам — резчикам по камню. Полупрозрачный зеленый жадеит — разновидность нефрита, встречающаяся в Центральной Америке, отличается особенной плотностью и плохо поддается обработке. Чтобы сделать из него украшение или погребальный амулет, древние мастера с их примитивными инструментами должны были проявить терпение и изобретательность.

Кремень или обсидиан не оставляют следа на твердой поверхности жадеита. Скорее всего для его обработки майя использовали быстро заменяемые орудия в сочетании с каменной пылью. С помощью веревки, протягиваемой поверх мокрого песка и постепенно образующей глубокую борозду, крупные куски жадеита распиливались на две, на четыре части или на ровные пластины.

Деревянными пилами или костяными сверлами делали капавки, завитки, лунки и т. п. Иногда сама нефритовая пыль служила шлифовальным материалом. Полирование производилось с помощью твердых растительных волокон, добываемых из побегов бамбука или тыквенного дерева, клетки которых содержат микроскопические частицы твердых минеральных веществ.

Огромное количество фигурок из нефрита, изображающих людей и животных, имеют форму клина — примитивного долота или же каменного топора. Ученые предполагают, что древние камнерезы специально придавали нефритовым изделиям такую форму, чтобы можно было при случае использовать их как орудия

труда. После небольшой доработки эти прекрасные каменные поделки могли превратиться в амулеты или фигурки людей и богов, как, например, это нефритовое божество высотой в 10 сантиметров (внизу).

Но из зеленых камней майя обрабатывали не только нефрит. Спектральный и химический анализ находок показал, что многие изделия, которые считались нефритовыми, на самом деле сделаны из других минералов, таких, как серпентин, кварц или зеленый альбит — материалы, которые современные археологи называют «народным нефритом».

Ремесленники-майя знали разницу между этими материалами, прибегая самый ценный жадеит для изделий, предназначавшихся высокопоставленным особам, а также для приношений богам во время важнейших церемоний. Изящное зеленое ожерелье (вверху), относящееся к доклассической эпохе, говорит нам о том, что носил его не простой человек, а наделенный властью и стоявший на верхней ступени социальной лестницы.

побережья Карибского моря в глубь страны. Единственным средством передвижения по морям и рекам было каноэ, выдолбленное из твердых пород дерева (например, из красного дерева); лодки, предназначавшиеся для плавания по морю, были длиной до 12 метров, в них могли разместиться 50 человек. С побережья в глубь страны везли самые разнообразные товары: рыбу, моллюсков, морских млекопитающих, употреблявшихся в пищу (ламантинов), раковины, акулий зубы и позвоночники морских скатов, необходимые для некоторых ритуалов, а также соль, которую майя добавляли в пищу, использовали для засолки продуктов и для изготовления лекарств. Соль выполняла также роль обменной монеты.

Среди самых ценных товаров, проходивших через Серрос, были, конечно, нефрит и обсидиан, привозимые издалека (их добывали в центральной части Мексики и еще в двух-трех месторождениях на юге Гватемалы). Obsидиан, черное вулканическое стекло, можно было обтесать так, что край его становился острым, как бритва. Поэтому он очень высоко ценился и шел на изготовление оружия и режущих инструментов. Нефрит, разумеется, ценился как ритуальный камень, и на него был широкий спрос по всей территории майя. В обмен на эти и другие ценные вещи люди равнин предлагали свой товар: продукты питания, хлопок, а также перья кетцала и шкуры ягуаров.

Торговля способствовала тому, что жители Серроса узнавали обычаи других племен — так они познакомились с практикой обожествления власти, характерной для городов Накбе и Эль-Мирадор. По версии Шил и Фрейдела, старейшины Серроса поняли, что их городу тоже нужен правитель — чтобы быть не хуже тех, с кем они торгуют, — и выбрали из своих рядов человека, наиболее подходящего для этой роли.

Что привело к неожиданному (всего за 50 лет) превращению Серроса в город-государство, неизвестно, поскольку нет никаких иероглифических записей, которые рассказали бы об этом. Но тут нам на помощь приходит археология, показывая, как это превращение происходило. Уничтожив свои прежние дома, люди разбрасывали поверх развалин украшения из нефрита и разбитые во время ритуального пиршества сосуды, с тем чтобы на этом месте начать новое строительство. Над расчищенным участком возводилась арка. Обычай предписывал ставить дома так, чтобы двери (окон не было) смотрели на закат, но позднее дома стали обращать фасадом к новому символу власти — храму, стоящему на берегу моря.

Этот первый храм в Серросе, по архитектурному решению напоминающий церемониальные пирамиды в Накбе, по фасаду был

украшен изображениями богов, призванными, по мнению Шил и Фрейдела, закрепить в сознании людей мысль о том, что их правители являются прямыми потомками богов. Смысл этих изображений сейчас нам не вполне ясен, но Шил заметила кое-где несколько иероглифов, как бы поясняющих смысл картины. Таков, например, иероглиф с четырьмя лепестками — знак солнца, — вырезанный на маске ощерившегося животного, в котором ученые признали божество Ягуар-Солнце, представляющее собой одновременно и солнце, и одного из младших героев-близнецов, прототипов царей майя.

Изучение письменных источников в других городах позволило Шил и Фрейделу предположить, что храм этот служил местом, где совершался один из самых важных для майя ритуалов — воссоединение с богами и предками, известное под названием “Путешествие в подземный мир”. Для того чтобы совершить такое путешествие, правитель должен был прийти в состояние высшей степени экзальтации, при котором начинаются галлюцинации. Этого можно было достичь голодовкой и кровопусканием. Расположение внутренних помещений храма подсказывает, что правитель творил свой кровавый обряд, уединившись в маленькой угловой комнате в восточной части здания, а затем, в запятнанных кровью белых одеждах, показывался наверху храмовой лестницы, откуда и начинал свое “восхождение к богам”.

Нам, людям XX века, практика кровопускания кажется отвратительной и дикой, но для майя это было делом жизненно необходимым. Они верили, что во вселенной рассеяны опасные и вредоносные силы, сдержат которые можно только с помощью определенных ритуалов. Движение звезд и планет считалось проявлением воли богов, и поскольку расположение небесных тел могло быть как благоприятным, так и неблагоприятным, представители знати пристально следили за небесными явлениями (см. с. 130—133). Солнечное затмение, например, воспринималось как один из видов смерти божества, после которого солнце могло исчезнуть навсегда. Первое после долгого перерыва появление на небе утренней звезды (таковой счи-

Построенный около 50 года до н. э. на берегу залива Четумаль на востоке Юкатана, самый первый храм в Серросе был обращен фасадом к центру города. Через несколько лет жители этого богатейшего торгового порта выстроили другой, еще больший храмовый комплекс, или акрополь, на высокой платформе, на которую можно было подняться по длинной каменной лестнице, начинающейся от подножия пирамиды.

талась планета Венера) служило сигналом надвигающейся войны. Приурочивая ритуальные кровопускания к определенным календарным датам или небесным явлениям, правители майя пытались как-то повлиять на грядущие события, твердо веря, что от их действий зависит судьба мироздания.

Вскоре после того, как был построен первый храм в Серросе, рядом с ним начались новые строительные работы — на этот раз на огромной трехступенчатой платформе. Платформа эта занимала площадь в три раза большую, чем площадь первого храма, и в высоту достигала 15 метров, а это означало, что церемония, происходившая наверху, была практически не видна людям, стоявшим на земле. На самой верхней площадке храма, по версии Шил и Фрейдела, правитель на глазах у кучки привилегированных лиц совершал акт кровопускания. Затем, в сопровождении тех же приближенных, спускался по ступенькам на средний уровень платформы. Сюда также допускались только избранные, они присоединялись к свите и, образовав пышную процессию, вслед за правителем спускались на площадь, где их с нетерпением ожидал простой народ.

К тому времени, когда была построена эта вторая пирамида, первый правитель Серросса, по-видимому, скончался: его “царские

Сердитую маску бога Ягуар-Солнце до сих пор можно различить в Серросе среди рельефов нижней платформы первого храма; чуть выше — громадная голова, предположительно служившая символом утренней звезды. Эти две маски были составной частью ансамбля из четырех каменных ликов, располагавшихся по сторонам храмовой лестницы и символизирующих путь солнца.

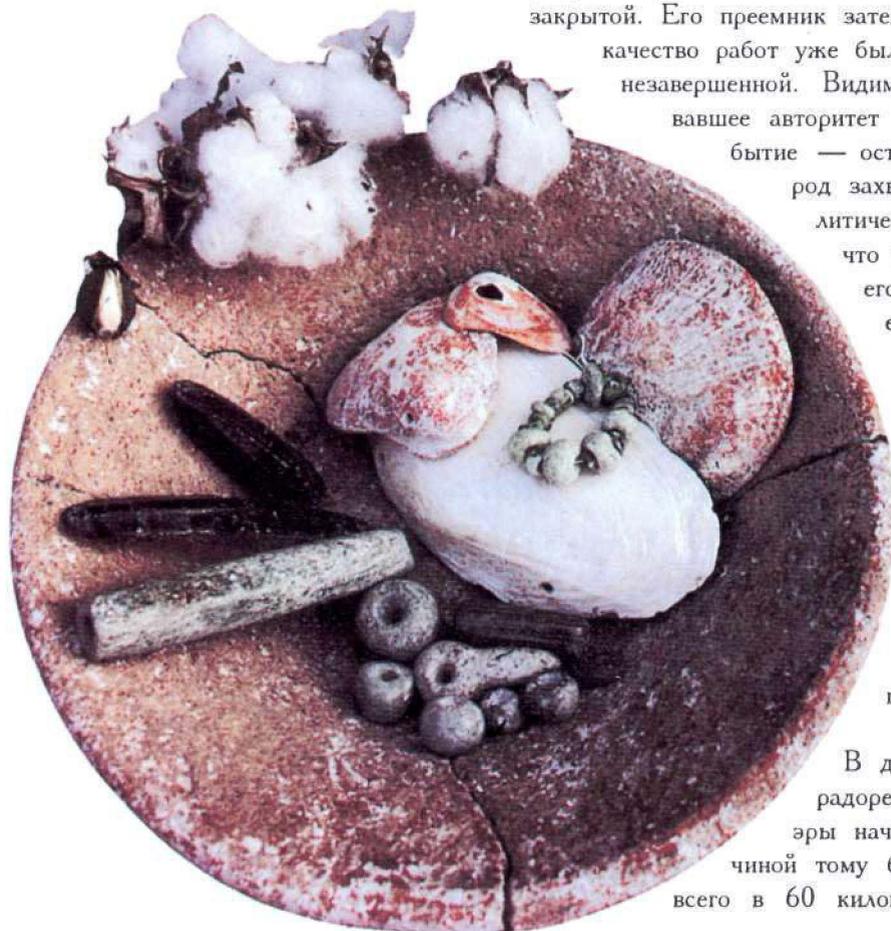

На этой карте представлены основные предметы торговли индейцев майя и места их добычи или производства. С древнейших времен крестьяне, жившие на побережье, обменивали соль, рыбу и прочие дары моря на то, что предлагали им соседи, жившие вдали

от морских путей. Товары, предназначенные для обмена, перевозили по судноходным рекам в больших долбленых лодках. С развитием культуры возникла потребность в предметах роскоши, которые доставляли издалека, — это были перья птиц, раковины

моллюсков, шкуры ягуара, табак, нефрит и обсидиан. В 1502 году, во время четвертого путешествия Колумба "в Америку", местные торговцы всю бороздили моря, плывая из Мексики в Панаму на огромных каноэ, нагруженных различными товарами.

Ценные раковины, нефрит и обсидиан, привезенные из дальних краев, были найдены в тайнике, обнаруженном при раскопках в Куэльво, городе майя, возникшем в "доклассическую эпоху" на берегу Рио-Нуэво в Белизе. Вероятно, купцы майя обменивали хлопчатосырец или хлопчатобумажные ткани на другие ценившиеся в то время товары.

регалии” — фрагменты головной повязки и нагрудного украшения — были найдены под самой верхней площадкой второго храма. Новый правитель, возможно, был недоволен существующим комплексом и велел построить еще два храма. Один, обращенный фасадом на восток, был задуман как царская усыпальница. Другой, обращенный фасадом на запад, скорее всего, был посвящен ритуальным войнам, во время которых верховный правитель и высшая знать вступали в бой для того, чтобы взять в плен неприятельского государя и его семью и после ритуальных пыток принести пленников в жертву богам. На фасаде этого храма изображены человеческие головы и головы ягуаров с выходящими из их пасти завитками (скорее всего, означающими кровь) — все это символы власти, реальным проявлением которой могло быть обезглавливание высокородных пленников.

Но похоже, обезглавленным в конце концов оказался сам правитель, построивший эти два храма в Серросе: он, скорее всего, умер вдали от дома, ибо гробница его оказалась пустой и не закрытой. Его преемник затеял строительство нового храма, однако качество работ уже было не то, да и вся постройка осталась незавершенной. Видимо, произошло что-то, сильно подорвавшее авторитет правителя, хотя что это было за событие — остается только гадать. Может быть, город захватили враги, а может, произошел политический переворот. Ведь несмотря на то, что правитель майя считался полубогом, от его поведения зависело очень многое, и если правитель оказывался слабым, нерасчетливым или просто неудачником, его отстраняли от власти. Неудача со строительством нового храма подсказывает, что с правителем Серроса случилось нечто подобное. Вслед за этим храмовый комплекс был подвергнут ритуальному разрушению: перед фасадами зданий запылали большие жертвенные костры, часть лепных масок была сбита. Эксперимент с единовластием окончился.

В другом крупном городе майя, Эль-Мирадоре, как и в Серросе, в I веке нашей эры начинается полоса упадка, вероятно, причиной тому было разрушение торговых связей. Но всего в 60 километрах к югу находились два других

Хребет ската-дазиатиса, обитающего в Карибском море, был найден при раскопках в Куэлько. Подобными орудиями правители майя ранили себя до крови, пытаясь установить связь с богами.

Во время ритуального кровопускания, изображенного на каменной доске из Яшчилана, правитель Цит-Ягуар держит факел над своей женой, Леги Шок, пока та продеривает сквозь язык веревку, утыканную шипами.

Леди Шок смотрит на война, появляющегося из пасти Змея Всевидения. Сам змей поднимается из чаши с низкими краями, в которой лежат ланцеты и куски бумаги из древесной коры, пропитанные кровью Леди Шок, показывающие, что видение непосредственно связано с кровью и возникает из крови. Участники таких ритуалов при большой потере крови вполне могли видеть галлюцинации.

города майя, Тикаль и Вашактун, чье экономико-географическое положение оказалось более выгодным. Окруженные плодородными землями, имеющие по соседству богатые месторождения твердого кремнистого сланца, эти два города располагались на главной оси товарообмена между двумя основными системами рек: текущих на северо-восток, к Карибскому морю, и на запад, в Мексиканский залив. Всего один день пути отделял эти города друг от друга, поэтому не удивительно, что между ними возникло соперничество. Благодаря своему более выгодному местоположению Тикаль получил некоторое преимущество в торговле, установив связь с Теотиуаканом, который в III и IV веках н. э. считался крупнейшим торговым центром Мексиканского нагорья. Соперничество между Тикалем и Вашактуном со временем переросло во взаимную вражду, и уже к концу отмеченного периода эти два города оказались втянутыми в военный конфликт. Победивший в этой войне рассчитывал получить не только земли побежденного, но и, что гораздо важнее, контроль над жизненно важной частью всей торговой сети центральной части Юкатана.

Развалины самого большого храма-пирамиды в Тикале гордо и одиноко высятся над вершинами гигантских стволов красного дерева и кедров посреди бескрайних центральноамериканских джунглей. В 1525 году Кортес и его армия, вероятно, проходили здесь по пути в Гондурас, однако ученым этот город оставался неизвестен вплоть до 1848 года. В течение последующих ста лет единственными дорогами, ведущими в Тикаль, оставались тропы, проложенные собирателями жевательной смолы, и первые экспедиции были немногочисленны. В 1951 году правительство Гватемалы построило рядом с развалинами взлетно-посадочную полосу для военных самолетов, и через пять лет Университет Пенсильвании с небывалым размахом начал проводить здесь археологические исследования, продолжавшиеся 15 лет. В них принимали участие более ста археологов.

После того как было открыто более 500 зданий, Уильям Ко, руководивший работами в течение последних семи лет, представил детальную реконструкцию, подробно рассказывающую об истории архитектуры города. В 600 году до н. э. здесь появились первые сельские постройки, и в последующие несколько веков наблюдался демографический рост. Во II веке до н. э. оформились большие, окруженные зданиями площади, образовавшие центр города, в котором, вместе с населением густонаселенных близлежащих поселков, охватывающих территорию в 65 квадратных километров, проживало до 40 тысяч жителей.

В I веке до н. э. в центре города возводятся комплекс из монументальных построек и царских гробниц. Известный под назва-

“ГЛИНЯНОЕ” ПОСЛАНИЕ

На первый взгляд, эти два полихромных сосуда так непохожи один на другой, что кажется, будто сделаны они разными людьми. Но тщательный научный анализ свидетельствует об обратном. Более того, методы, позволившие определить их происхождение и авторство, помогут ученым опознать и другие сосуды, происхождение которых невозможно определить (что является особенно актуальной проблемой в сегодняшней майянистике, когда предметы, выкопанные нелегально, продаются без каких-либо указаний на источник).

Иероглифы на этом сосуде называют имя художника и показывают, что он принадлежал к знатному роду Третьего правителя Наранхо и Леди Раковина-Звезда города Яшха, и содержат косвенные указания на то, что художник мог быть средним сыном в семье правителя. Иероглифы, приведенные внизу, передают его имя, до сих пор не расшифрованное.

Археолог Майкл Ко из Йельского университета был убежден, что эти два сосуда сделаны одним художником и происходят из города Наранхо в Гватемале, что находится в 40 километрах к востоку от Тикаля. Тщательное изучение ваз, предпринятое историком искусств Дори Ринге-Буде подтвердило его мнение.

Благодаря успехам, достигнутым в дешифровке иероглифов, перевод стилистически сходных фрагментов, начертанных на стенах сосудов, помог установить имя художника, а также имя хранителя или владельца каждой из ваз. Но если бы нужны были дальнейшие доказательства общего происхождения сосудов, то они могли быть выведены из сравнительного химического анализа мельчайших кусочков, взятых от каждого изделия. Анализ микроэлементов, входящих в их состав, показал, что сосуды сделаны из одного материала (глины и других веществ). Более того, их химическая формула совпала с формулой глиняных черепков, найденных в Наранхо, — так было установлено местонахождение мастерской, где были изготовлены эти сосуды.

нием “Северный акрополь”, этот каменный город стал местом, где находили последнее пристанище не только верховные правители, но также и представители нарождающейся аристократии. Анализ показал, что люди, захороненные в этих гробницах, были выше и крупнее простолюдинов — вероятно, они лучше питались и, возможно, своим положением в обществе в некоторой степени были обязаны наследственному физическому превосходству.

В одной из богатых гробниц покоились останки женщины, а значит, высокое общественное положение теперь переходило к прямым наследникам как женского, так и мужского пола. Гробница была украшена изображениями других знатных лиц, вероятно, родственников или предков умершей. Эти древнейшие портреты доказывают, что в ритуальном искусстве майя произошел существенный сдвиг: оно уже не было сосредоточено только на богах. Снаружи на соседней гробнице, внутренняя часть которой почернела от ритуальных возжиганий, есть портреты, предположительно изображающие правителя и его приближенных.

В северной части города археологи нашли еще одно яркое свидетельство возросшего внимания к личности — самый ранний из скульптурных портретов правителей. В Вашактуне, как и в Тикале, крупномасштабная перестройка церемониального центра города происходила в I—III веках н. э. Во время раскопок 1985 года был обнаружен необычный комплекс из шести храмов, относящийся к этому периоду времени. Впоследствии эти храмы были засыпаны землей и легли в основание небольшого акрополя. Их фасады были покрыты лепными масками — ничего подобного на “доклассических” памятниках ученые раньше не наблюдали. Самая крупная из масок представляет собой сложный образ космоса: на одном уровне изображено ужасное чудовище, обитающее в первичном море, чуть выше — такое же чудовище, символизирующее священную гору, что поднимается из вод и образует сушу. Сквозь голову зверя проходит так называемый Змей Всевидения — символ общения с богами и предками в подземном мире.

Мифологические образы воплощены в рельефах с необычайной старательностью, и вот что интересно: на одном из зданий помещались скульптурные портреты некоего правителя, пышно одетого и стоящего на циновке *pop*. Возможно, самое существенное то, что портреты располагались на внешней стороне храма, служившего одновременно воротами, через которые можно было пройти к акрополю. Все последующие правители майя станут воздвигать стелы с надписями и рисунками, характеризующими их правление.

Одно дело — посадить человека на трон, и совсем другое дело, как, вероятно, убедились жители Серроса, — дать ему возможность удержаться на троне. В Тикале основы крепкой династии

были заложены в начале III века н. э. неким правителем, чье имя много раз встречается среди имен предков, записанных на стелах. Тридцать девять правителей из числа его потомков в течение шести веков удерживали власть в своих руках. Первый “фамильный” портрет изображает правителя под условным именем Завиток-Ахав-Ягуар — так читается краткая иероглифическая подпись. (“Ахав” на языке майя означает правитель.) Его фигура изображена на знаменитой стеле, имеющей самую раннюю письменную дату (она соответствует 8 июля 292 года н. э. по современному летоисчислению и по традиции считается началом классического периода в цивилизации майя).

Через тридцать лет после указанной даты правителем Тикаля был человек по имени Луна-Ноль-Птица, изображенный на пояском украшении: он стоит на поверженном пленнике явно благородного происхождения. Такая “батальная” сцена характерна для майя. Обычно вожди враждебных племен вступали в поединок, целью которого было пленить противника, проявив таким образом личную доблесть. Начиная с IV века и в Тикале, и в Вашактуне появляются изображения связанных пленников, и это наводит на мысль о том, что правители этих двух городов стали видеть в соседях возможных ценных пленников, которых можно было принести в жертву по случаю какого-нибудь торжества или по другим ритуальным поводам. И даже если бы существовал договор, запрещающий военные конфликты между близкими соседями, отношения между городами вряд ли остались бы мирными.

Вскоре, однако, соперничество между Тикалем и Вашактуном дошло до критической точки. Это случилось во время правления Лапы Великого Ягуара, девятого царя из правящей шестисот лет династии Тикаля, взошедшего на престол в середине IV века. Майянист Питер Мэтьюз из Университета Калгари первым обратил внимание на то, что в какой-то момент характер междоусобицы резко изменился. Изучая стелы, он заметил, что в каждом городе на стелах отмечена одна и та же дата, которая сопровождается записью об одном поступке одного и того же знатного человека. Мэтьюз предположил, что речь идет о союзе между городами, заключенном в результате междинастического брака или завоевания. Шил и Фрейдел, изучив все имеющиеся свидетельства, пришли к заключению, что стелы были поставлены в честь завоевания Вашактуна в день 16 января 378 года правителем Тикаля по имени Курящая Лягушка.

Тикальская стела была воздвигнута через 50 лет после упоминаемого в ней события, и надпись на ней гласит, что Лапа Великого Ягуара “освятил” победу актом кровопускания. Из других надписей явствует, что Курящая Лягушка был братом Лапы Вели-

Найденная в гробнице одного из правителей Тикаля, эта терракотовая курильница, как полагают, изображает бога человеческих жертвоприношений, совершаемых путем обезглавливания. Уродливый божок злобно смотрит на человеческую голову, лежащую перед ним на блюде. Когда Тикаль покорил соседний Вашактун, пленники, захваченные в бою, были, скорее всего, обезглавлены, чтобы умиловить такое вот отвратительное божество.

кого Ягуара и, скорее всего, военачальником его армии. На стеле в Вашактуне он изображен в большом круглом головном уборе, в одной руке у него булава, утыканная остриями из обсидиана, в другой — атльатль, приспособление, позволявшее метать копье с удвоенной силой.

Снаряжение Курящей Лягушки, особенно головной убор и атльатль, разительно отличалось от костюмов и оружия прежних правителей майя. Линда Шил и Дэвид Фрейдел считают, что это были заимствования, пришедшие из Теотиуакана вместе с новым воинственным культом, в котором, по мнению Джона Карлсона, большое значение имела планета Венера. Теотиуакан, установивший впоследствии свою власть на всей территории Центральной Мексики, подчинив своих менее сильных соседей, вероятно, еще с I века н. э. завязал с двумя городами майя торговые отношения. Роспись на глиняной вазе из Тикаля, относящаяся ко времени триумфа правителя Тикаля, подтверждает наличие таких отношений: на ней изображена сцена встречи шести послов из Теотиуакана, которых легко распознать по их одежаниям, с одним представителем майя. Можно предположить, что из-за подобных контактов между городами-соседами легко могла вспыхнуть война, поскольку каждый город стремился контролировать торговые пути, ведущие в Теотиуакан.

Правда, никаких свидетельств о войне не найдено, но ясно, что когда так много поставлено на карту, с правилами не считаются. Во всяком случае, были захватнические набеги, в которых участвовали воины, не знавшие пощады, готовые даже с большого расстояния обрушить на противника смертоносный град копий. И после того, как Курящая Лягушка пленил правителя Вашактуна, ему показалось этого мало: он занял город и сам стал в нем править. Через год после победы Курящая Лягушка наследовал брату, но править Тикалем предпочел из собственного, завоеванного города. Археологи отмечают, что примерно с этого времени некоторые черты архитектуры, присущие только Тикалю, появляются и в Вашактуне.

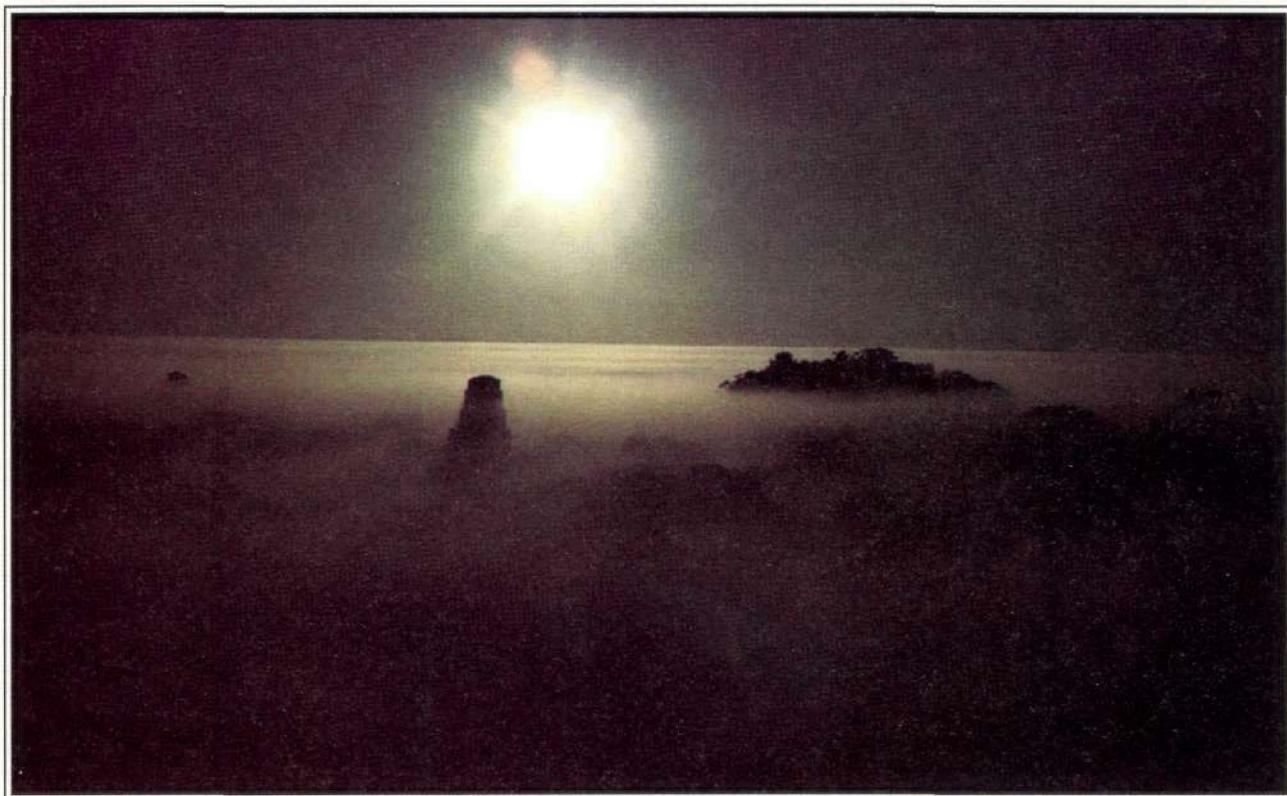
Тех, кто не погиб в бою и был взят в плен, ожидала страшная участь. В Вашактуне, в храме рядом со стелой, рассказывающей о подвиге Курящей Лягушки, археологи нашли пять скелетов женщин и детей, вероятно, жен или детей побежденного правителя, которых закололи, чтобы положить конец его династии. А в Тикале надпись, рассказывающая о победе, содержит иероглиф в виде божества человеческих жерт-

воприношений, в другом случае это божество представлено сидящим на троне из костей, а перед ним на блюде — отрубленная человеческая голова.

В течение двух столетий Тикаль оставался главным городом майя в районе центральных низменностей. Вероятно, он стремился усилить свое могущество, устанавливая связь с другими городами майя, такими, как Копан, расположенный на юго-востоке территории майя. В других городах устанавливались свои правящие династии, но, вероятнее всего, к Тикалю все относились с особым почтением: его династия, будучи самой старинной, символизировала связь с прошлым, с миром богов и предков, вдохновлявших любое общественное или политическое начинание. Казалось, цивилизация майя готовится вступить в фазу наивысшего расцвета.

ТУМАНЫ ВРЕМЕНИ РАССЕИВАЮТСЯ

И тысячу лет спустя после заката славы Тикаля вершины его храмов-пирамид высоко парят над кронами гигантских деревьев. Даже волны тумана, наплывающие с моря, не могут скрыть самую высокую из его башен — тысячеклетный Храм жрецов Ягуара (также известный как Храм III), вдымающийся на высоту 55 метров.

Эта постройка, относящаяся к “золотому веку” майя, стала символом мощи этой сложной, быстро развивающейся цивилизации. Раскопки, проводившиеся здесь в течение трех десятков лет, открыли для обзора не более четвертой части города, раскинувшегося на территории в 65 квадратных километров, с большим трудом отвоеванной человеком у джунглей. Но даже на этом сравнительно небольшом участке, в самом сердце Тикаля, находится более 3000 зданий и более 200 каменных монументов.

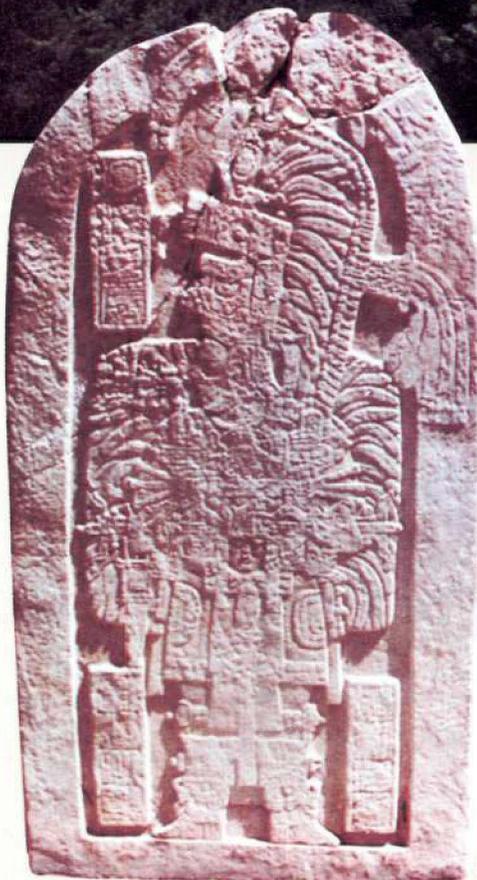
Такие архитектурные богатства, сосредоточенные в одном месте, говорят не только о мощи Тикаля, но и о его долго-

лети. Из первых “доклассических” построек, возникших 2600 лет назад среди ливневых лесов Северной Гватемалы, вырастает крупный торговый город — жемчужина “классической” архитектуры майя VIII века. Стелы, испещренные замысловатыми иероглифами, дворцы-лабиринты, колоссальные храмы, призванные показать могущество владык, резные и скульптурные изображения, рассказывающие о богах, о правителях и о военных победах, — все это ясно говорит нам о том, что главной движущей силой этого общества с четкой классовой структурой и самосознанием была идея власти — власти, замешанной на крови.

Когда Тикаль находился в зените славы, энергия и талант каждого человека, от крестьянина до правителя, были нацелены на то, чтобы поддерживать и преумножать славу города. Как знаменитые постройки Древнего Рима или Египта, храмы Тикаля — не просто символы гордой и могущественной цивилизации. Для майя они являлись средоточием власти.

Развалины Тикаля, словно помолодев на десять веков, белют на фоне вечнозеленого леса, обступившего их плотным кольцом. Светло-зеленый ковер посередине — Главная площадь, на которой высятся Храм I (слева) и Храм II (справа); на переднем плане — Северный акрополь с гробницами предков. На заднем плане видны дворцы Центрального акрополя.

Великий строитель и правитель Ах-Како, которому выпала честь представлять "золотой век" Тикаля, на этой стеле, введённой в 711 году н. э., предстает перед нами во всей своей красе. Голова его, которую украшает сложный головной убор из перьев, повернута направо, в руках он держит какие-то ритуальные предметы. На правом его запястье висит сумка с предсказаниями. Ах-Како поставил себе этот памятник на 29-м году правления.

Церемониальный центр Тикаля во всем блеске своего великолепия (IX век н. э.). Реконструкция канадского архитектора Стенли Лотена. Люди снуют туда-сюда между богато украшенными храмами Северного акрополя и Главной площади (посередине), члены правящей семьи и внавь бродят по залам Центрального акрополя (на заднем плане), каменное изваяние Ах-Како смотрит на них с вершины Храма I.

ВЕЛИКИЙ И СЛАВНЫЙ ГОРОД

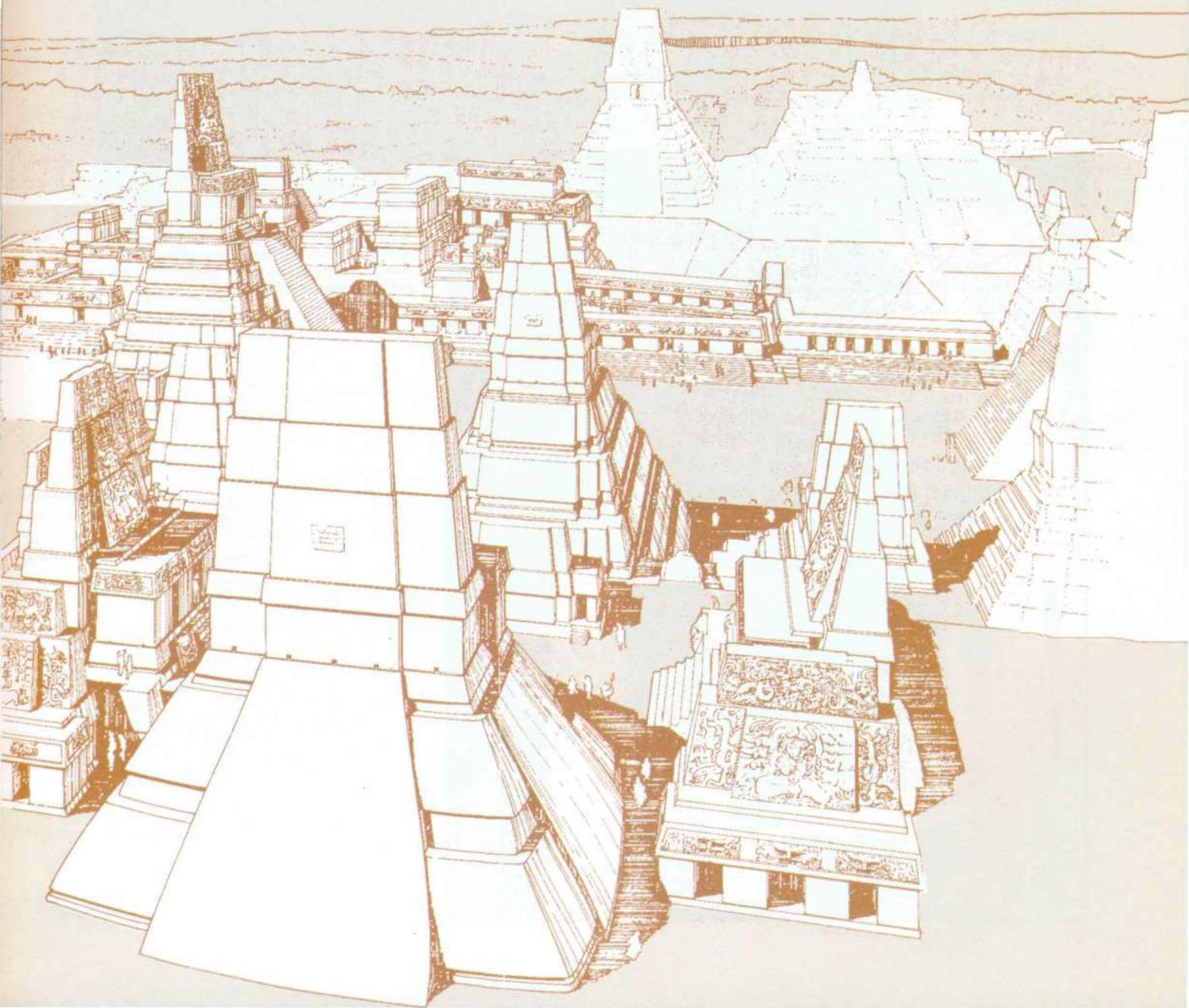
В 1961 году, прокладывая туннель под Храмом I в Тикале, археологи проникли в сводчатое помещение, внутри которого находился скелет, покрытый украшениями из нефрита, жемчуга, перламутра, а рядом лежали другие сокровища. Это была гробница Ах-Како, величайшего из правителей города. Со времени его вступления на престол (в 682 году н. э.) Тикаль в течение ста

лет был самым влиятельным городом в регионе.

За пятьдесят лет правления Ах-Како ритуальный центр города с Северного акрополя переместился на Главную площадь, где было начато строительство Храма I и Храма II. Щедро украшенные и очень высокие (выше 40 метров), храмы затмили своим величием прежние постройки и задали масштаб всех после-

дующих архитектурных сооружений майя.

Во времена правления сына Ах-Како, Правителя В (известного также под именем Яшкин), и внука — Читама, Тикаль был главным городом майя: численность населения в нем доходила до 40 000 человек. В Тикале было все: и гигантские храмы-пирамиды, и дворцовый комплекс, и площадки для игры в мяч, и рынок, и паровая баня.

В “ЦАРСКИХ ХОРОМАХ”

Благодаря раскопкам стало известно, что социальное расслоение в Тикале касалось в первую очередь жилища. В то время как простые общинники жили в разбросанных тут и там среди лесов поселках, правящая элита получала в свое распоряжение более или менее четко очерченное жизненное пространство Центрального акрополя, который к концу классического периода превратился в настоящий лабиринт из зданий, построенных вокруг шести просторных внутренних дворов на площади около 2,5 квадратного километра.

Жизнь во дворце имела как свои плюсы, так и минусы. Архитекторы Тикаля — под нажимом знати — постоянно занимались тем, что кроили и

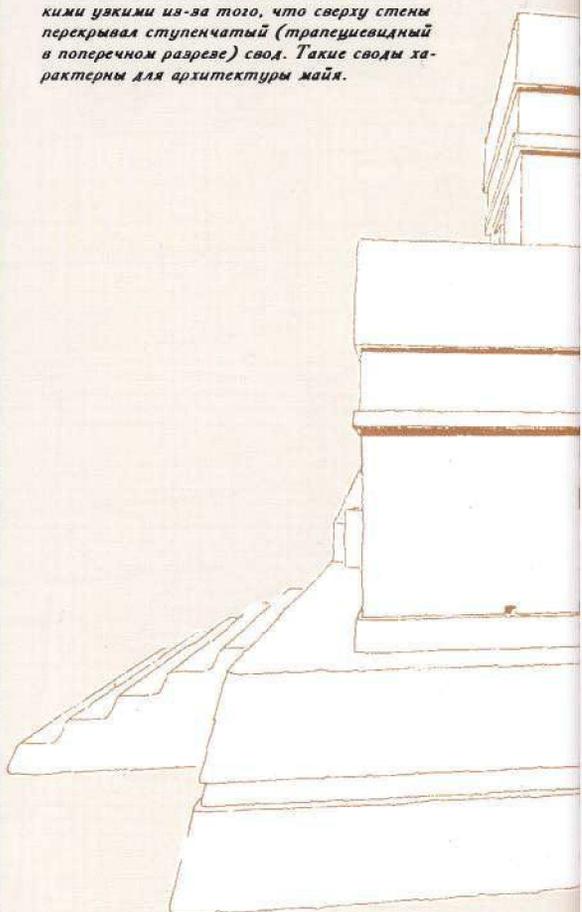
перекраивали помещения, заделывали дверные проемы, пристраивали новые лестницы и добавляли этажи. В безмятежные дни правления Ах-Како акрополь превратился в лабиринт из комнат и переходов, днем в нем было прохладно, ночью тепло.

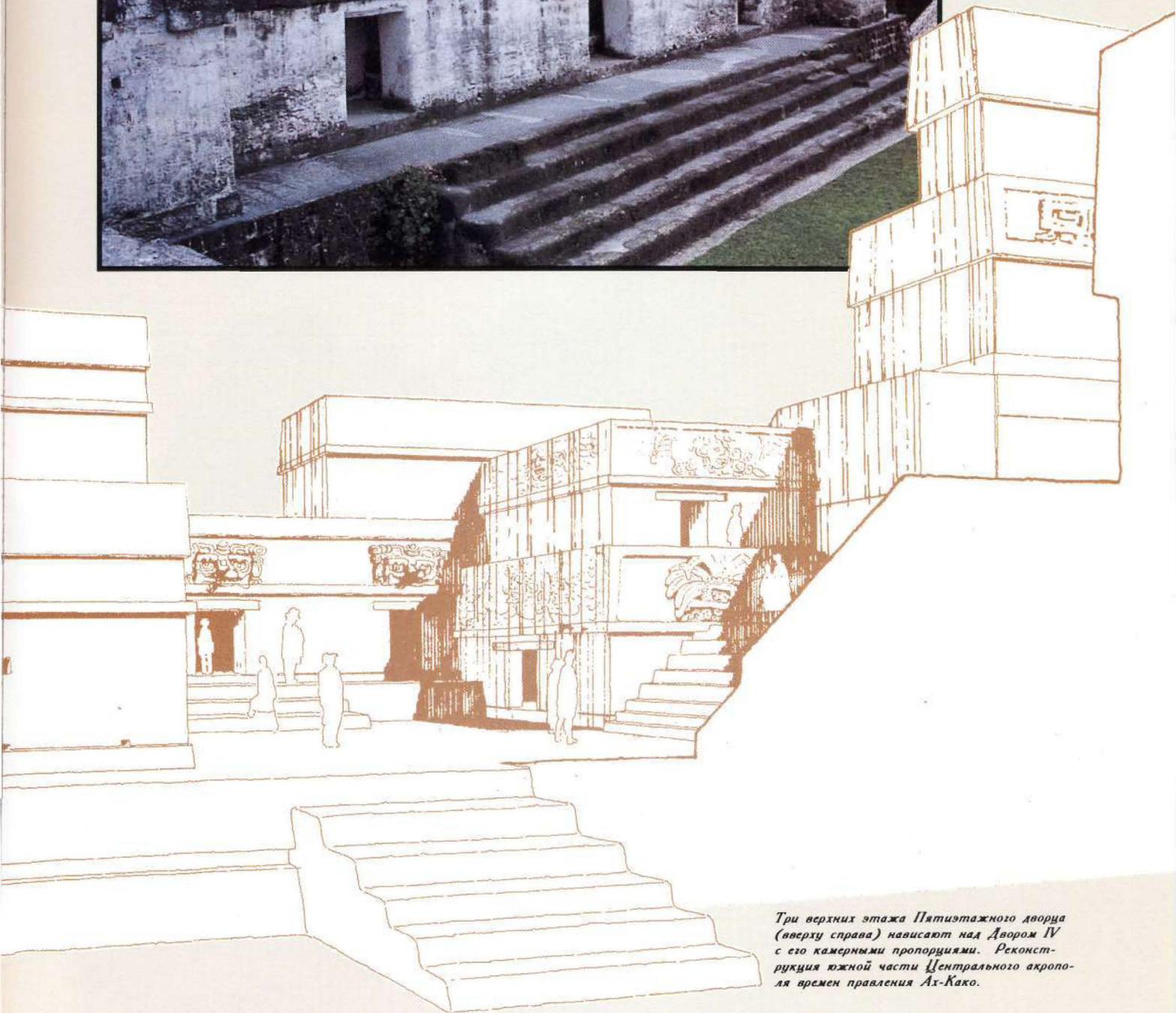
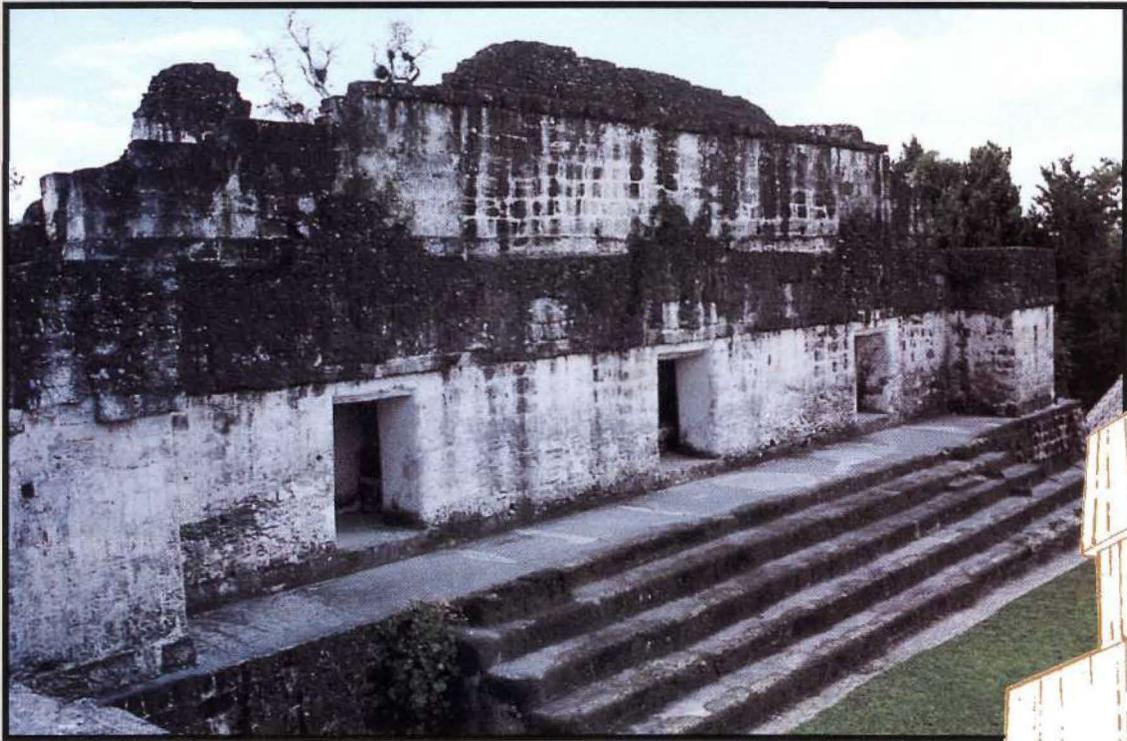
Здания состояли из одного-двух рядов длинных помещений, разделенных поперечными стенками на ряд комнат, каждая комната имела свой выход. “Дворцы” служили жилищем для важных персон, кроме того, здесь, вероятно, размещалась городская администрация. Есть предположение, что над крыльцом дома устраивался навес, который позволял жильцам проводить день на свежем воздухе, защищая их от дождя или палящего солнца.

Следы фрива, некогда опоясывавшего Дворец Теоберта Малера, сейчас едва заметны, от разноцветного навеса из хлопчатобумажных тканей, когда-то натянутого над входом, не осталось и следа. Внутри дворец прекрасно сохранился. Малер, один из первых исследователей Тикаля, смог довольно комфортно устроиться здесь во время своих экспедиций в 1895 и в 1904 годах.

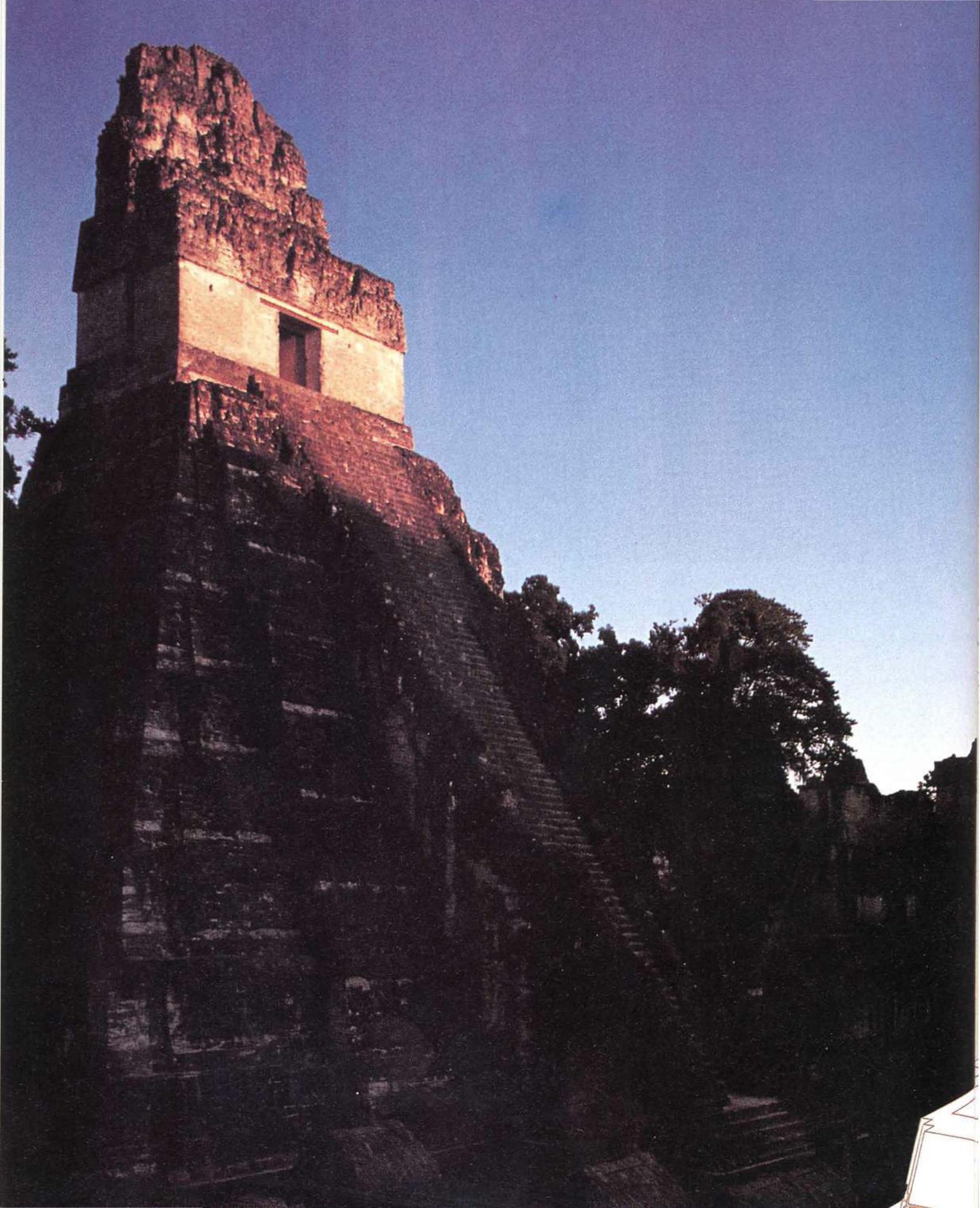

Здесь, в одной из комнат Пятиэтажного дворца, с подлинной каменной скамьей и уцелевшими балками из дерева, которое не могут повредить насекомые, вероятно, жил кто-то из знати. Комнаты были такими узкими из-за того, что сверху стены перекрывал ступенчатый (трапециевидный в поперечном разрезе) свод. Такие своды характерны для архитектуры майя.

Три верхних этажа Пятиэтажного дворца (вверху справа) нависают над Двором IV с его камерными пропорциями. Реконструкция южной части Центрального акрополя времен правления Ах-Како.

КРАЙ, ГДЕ ЦАРСТВУЮТ БОГИ

О былом великолепии Тикаля лучше всего говорят его гигантские храмы. Созданные для того, чтобы восхищать, эти высокие гробницы состоят из трех частей: из пирамидального основания с каменной лестницей, алтаря и "кровельного гребня" — декоративной детали, сложенной из камня и поднимающейся к небесам прямо с крыши алтаря.

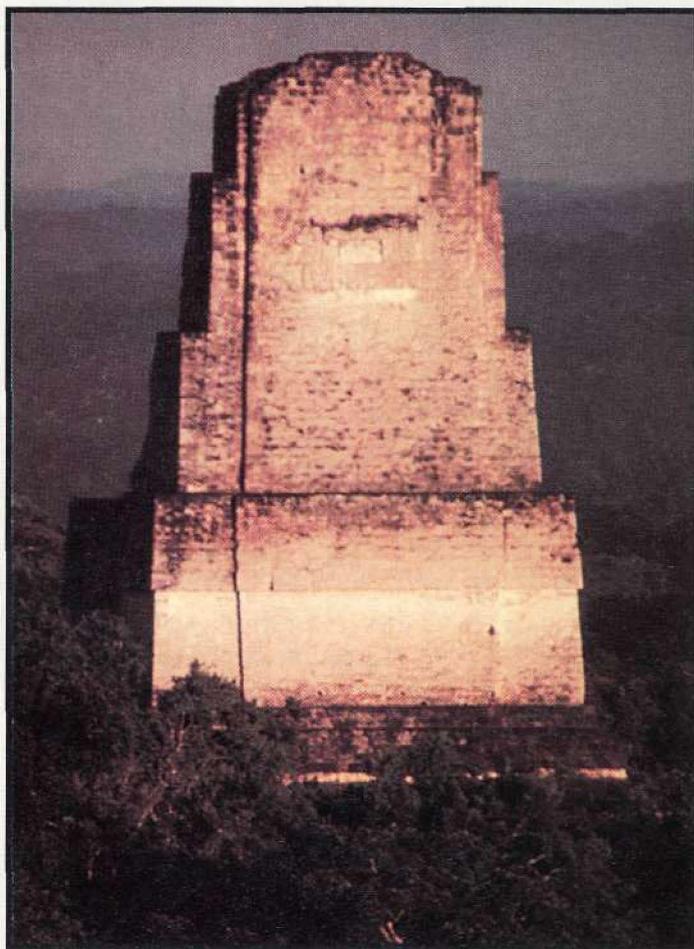
Лучи закатного солнца освещают Храм I, девять террас которого (9 — магическое число у майя) увенчаны кровельным гребнем.

Чтобы уменьшить вес массивного кровельного гребня, майя делали его полым; сводчатые глухие помещения в кровельном гребне видны на иллюстрации, показывающей Храм I в поперечном разрезе. Под гребнем, в святилище, одна за другой расположены три комнаты, в которых хранились культовые принадлежности и совершались обряды.

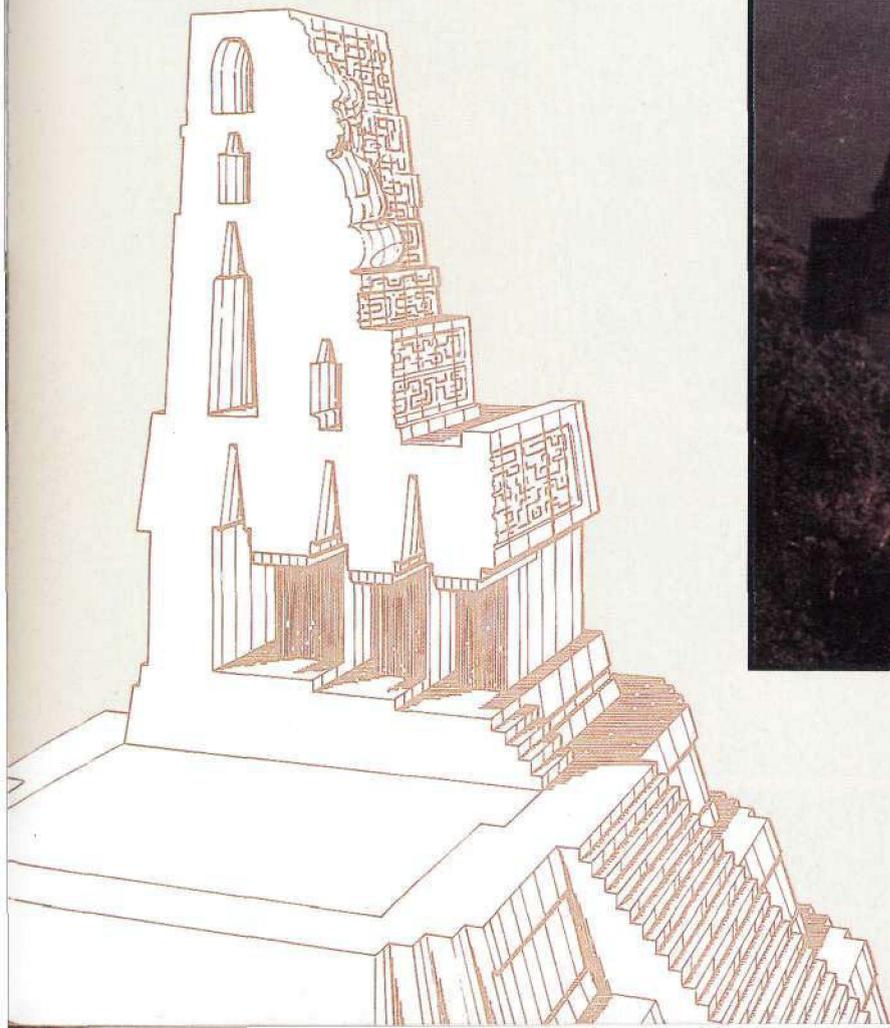
Вряд ли простой человек когда-либо взбирался по этим ступеням. По ним в сопровождении немногих избранных поднимался во время ритуалов верховный правитель, а толпа внизу пристально следила за ним. Наконец он исчезал в алтаре, чтобы в уединении совершить обряд. Затем он вновь являлся народу, облаченный в пышные одежды, чтобы вместе с народом начать поклонение богам, а может, и принести им страшную жертву.

Такие грандиозные спектакли, похо-

же, довольно регулярно устраивались во всех этих храмах, начиная с первого и кончая пятым, построенным в поздний классический период Тикаля. Рельефы были покрыты снежно-белым слоем штукатурки, окрашены в ярчайшие оттенки красного, зеленого, синего и желтого, так что рябило в глазах. В этих храмах была сосредоточена вся церемониальная жизнь города, но с 900 года н. э. центр культуры майя переместился в Чичен-Ицу, а храмы Тикаля остались стоять заброшенными, никому не нужными.

На кровельном гребне Храма III не сохранилось никаких скульптурных деталей, теперь он, как простой часовой, вачем-то сторожит лесную чащу. Считается, что этот храм был построен внуком Ах-Како.

РОК САМОВЛАСТЬЯ

Известный мексиканский археолог Альберто Луилье Рус, после четырех сезонов тяжелого и кропотливого труда в Храме надписей в Паленке, оказался на пороге крупнейшего археологического открытия. Археологи расчищали от каменных глыб и щебня длинный коридор, обнаруженный под полом в основании памятника. Неожиданно “идуший впереди всех рабочих вздрогнул: он почувствовал, что заступ его угодил в пустоту”. Рус велел продолжать раскопки, и впереди открылся узкий проход. Направив в щель свет электрического фонаря, Рус заглянул внутрь. Толстые известняковые натеки сверкающей сетью опутывали стены, придавая помещению совершенно сказочный вид.

“Из густого мрака возникла вдруг небывалая картина фантастического, неземного мира, — вспоминал впоследствии Рус. — Казалось, что это большой волшебный грот, высеченный во льду. Как бахрома огромного занавеса, висели изящные фестоны сталактитов, а сталагмиты на полу казались застывшими каплями гигантской оплывшей свечи. Все это напоминало заброшенную часовню. По ее стенам шествовали мелкорельефные фигуры из штука. Потом я посмотрел на пол. Его почти полностью закрывала огромная, прекрасно сохранившаяся каменная плита с рельефами. Едва переводя дух от восхищения, я торопливо рассказывал стоявшим за мной коллегам все, что видел своими глазами... но все это было так необычно, что они сначала не поверили мне, пока сами не убедились во всем, оттеснив

Могущественный правитель 18-Кролик смотрит на нас со стелы, найденной в общественном и церемониальном центре Копана. За время его правления искусство в этом великом городе стало крайне утонченным и сложным.

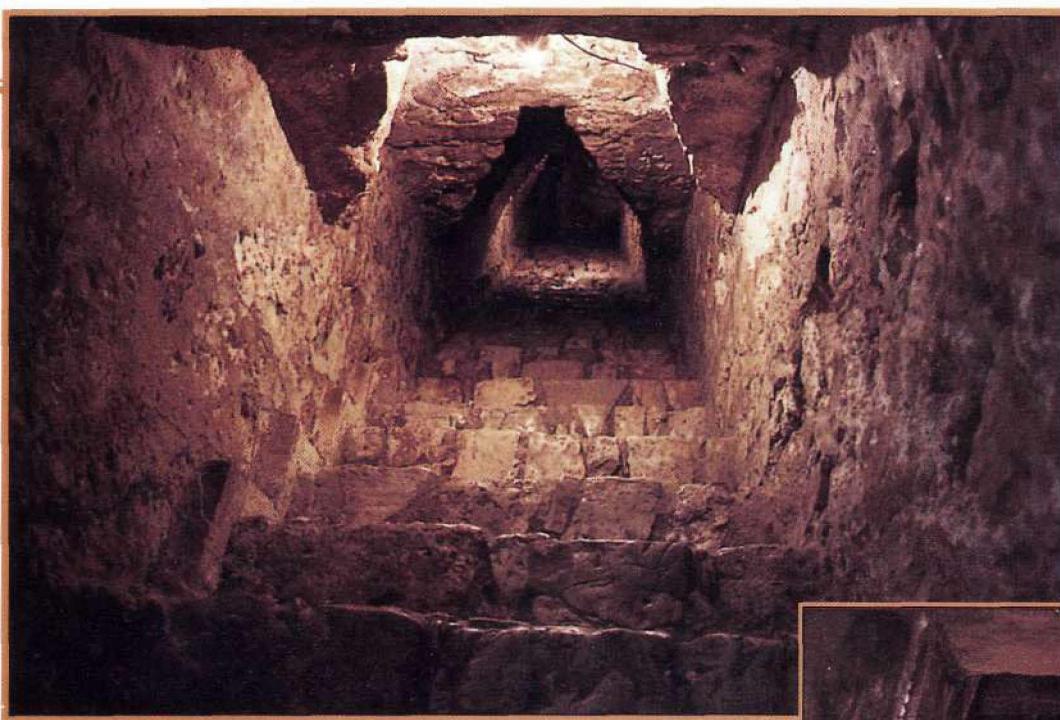
меня от “глазка”. И действительно, было чему удивляться! Ведь за истекшую тысячу лет мы были первыми, кто заглянул сюда”.

В 1949 году, приступая к раскопкам в Паленке, Рус и предположить не мог, что за тайна сокрыта в его каменных недрах. Ибо, как выяснилось, в этой удивительной подземной камере хранились не только предметы древней материальной культуры, ценные для историков, но также и саркофаг правителя майя, похороненного с величайшей пышностью. То, что пирамиды майя служили одновременно и мавзолеями, было очень важной новостью, позволившей ученым по-новому взглянуть на цивилизацию майя, особенно в ее высший, так называемый классический период развития. Эта находка, вместе с последующими открытиями, подтвердила, что в классический период для политической организации майя было характерно самовластие, и более того, подсказала ответ на самый, пожалуй, волнующий вопрос: что привело такую яркую и самобытную культуру, какой была цивилизация майя в классический период, к неожиданному и бесповоротному упадку.

В свое время открытие Альберто Руса стало настоящей сенсацией. И понятно почему. Десятки ученых до него работали в Храме надписей, изучая загадочные иероглифы, из-за обилия которых храм и получил свое название, но никому и в голову не приходило, что в глубине под ними, в толще пирамиды, скрыта погребальная камера.

За дворцом в Паленке, увенчанным необычной четырехэтажной башней, возможно обсерваторией, за дымкой тумана виднеется Храм надписей. Эта пирамида, самая внушительная из найденных на Американском континенте, служила одновременно и усыпальницей правителя майя по имени Пакаль, жившего в VII веке. Во времена своего наивысшего расцвета этот город поражал глаз яркостью и красотой рельефов из красного штукатурки, подкрашенных желтым, синим и зеленым.

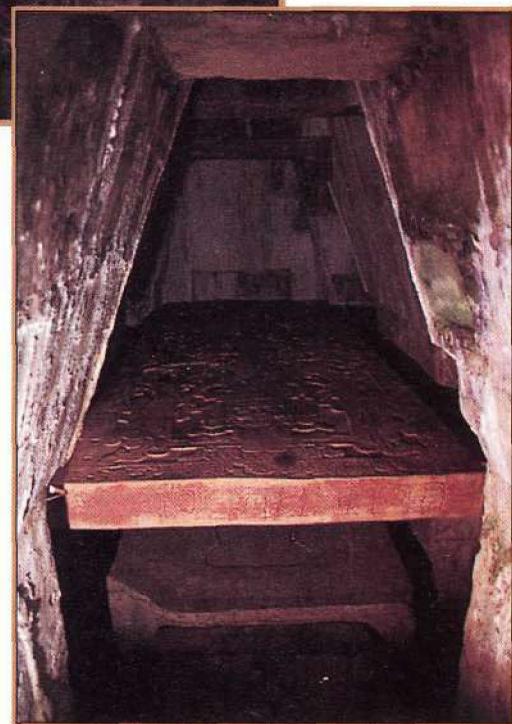

Даже сам Рус, с 1949 года возглавлявший археологическую экспедицию Национального института антропологии и истории Мексики, не сразу понял, на след какого удивительного открытия он напал. Первый сезон раскопок ничего особенного ученым не дал: казалось, им и дальше предстоит рутинная научно-поисковая работа.

Рус не раз обращал внимание на одну довольно странную деталь интерьера храма. В то время как в других храмах пол был обычно покрыт слоем штукатурки, в центральной комнате Храма надписей пол был сложен из каменных плит, без какого-либо защитного слоя сверху. Ровно посередине лежала самая крупная плита, с двумя рядами просверленных круглых отверстий, заткнутых каменными пробками. Ученые ломали голову, что бы это могло значить, но к единому мнению так и не пришли.

Рус стал размышлять о назначении этих отверстий. Снова и снова он рассматривал каменные плиты, надеясь разгадать эту загадку. И однажды, когда он внимательно осматривал место, где стена смыкалась с плитами пола, его вдруг осенило. Поставив себя на место сыщика-любителя, героя детективных историй, он так рассказывал об этом "расследовании": "У меня было такое чувство, будто я наткнулся на окуроч, оставленный злоумышленником на месте преступления: я нашел архитектурную деталь, которая послужила ключом к разгадке. Стены храма не кончались на уровне пола, они уходили глубоко вниз, а это означало, что когда-то некая постройка, находившаяся на более низком уровне, составляла единое целое с нынешним храмом". Что касается плиты с просверленными

Нырющая в подземелье Храма надписей каменная лестница с гладкими блестящими ступенями (наверху слева) — когда-то заваленная песком и камнями — уходит на 22 метра в глубину, к камере, где находится гробница Пакала (справа).

отверстиями, то, по всей вероятности, сквозь них пропускали веревки, с помощью которых можно было поднимать и опускать, как крышку люка, массивную каменную плиту. Заткнув отверстия пробками, строители, скорее всего, рассчитывали навсегда укрыть от посторонних глаз то, что было под ней.

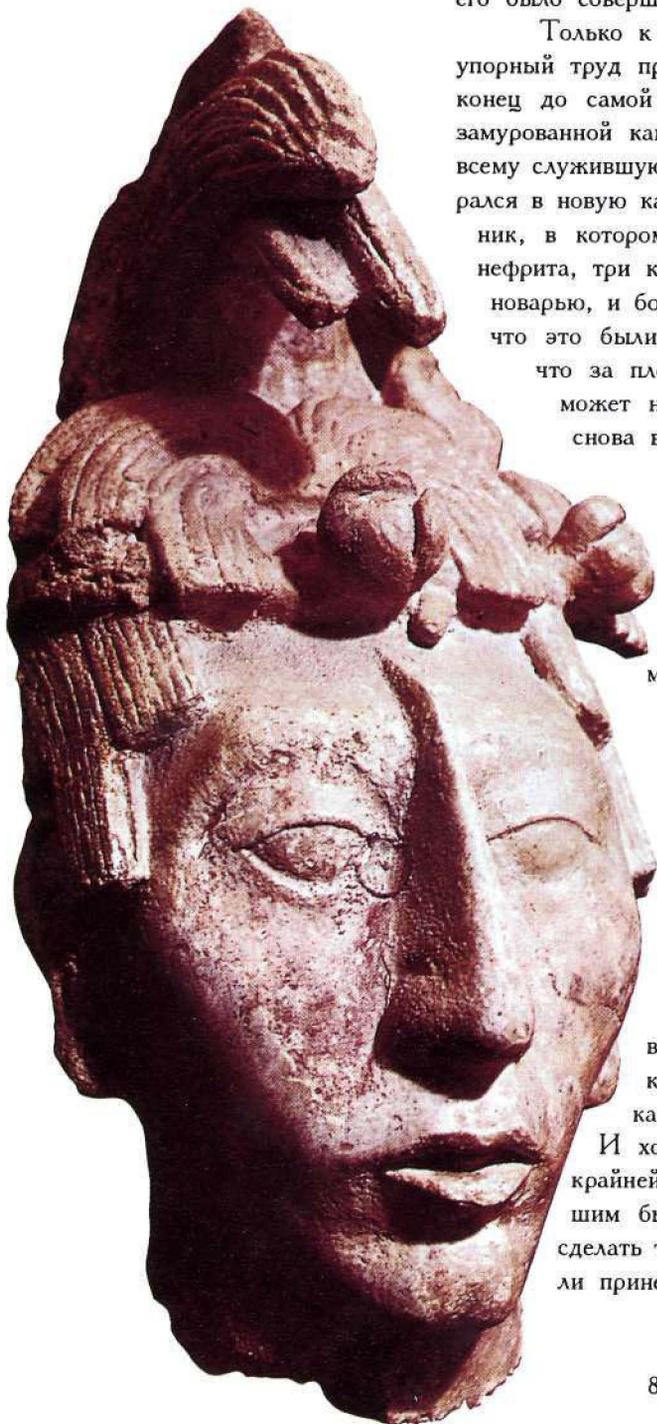
Тотчас же было решено проверить это предположение на практике. Копать стали рядом с центральной плитой, где плиты поменьше были разбиты или вывернуты (наверняка на этом месте задолго до ученых успели побывать кладонскатели). Сначала показалось, что ничего особенного там нет: нашли всего лишь неширокое отверстие, заваленное известняковыми глыбами и щебнем. Но, разобрав завал, ученые увидели ступени каменной лестницы, уводящей, по-видимому, в глубь пирамиды. Чтобы спуститься по ней, нужно было расчистить проход, плотно забитый камнями, песком и глиной. В жаре, духоте и в пыли подземелья работать было невероятно трудно. Порой путь преграждали гигантские глыбы, которые невозможно было сдвинуть с места. «Работа оказалась очень трудоемкой и трудной, — вспоминал Рус. — Приходилось сначала отваливать глыбы с прохода, а затем, с помощью веревок и блоков, поднимать их наверх. Так что за весь первый сезон мы спустились вниз всего лишь на 23 ступени, расчищая примерно по восемь ступеней в месяц».

Несколько сезонов тяжелой физической работы понадобилось, чтобы расчистить сводчатый каменный туннель с лестницей, уходящей на глубину 22 метров. Два довольно скромных на первый взгляд открытия увенчали этот монотонный труд. Во-первых, Рус нашел не-

На известняковой плите весом в 4500 килограммов, закрывающей гроб Пакаля, вырезаны мифологические сюжеты, изображающие правителя в момент его смерти. В самом центре рельефа мы видим Пакаля, проваливающегося в подземный мир, со всех сторон к нему тянутся головы драконов, длинные шеи которых напоминают щупальца. Позади него растет "мировое дерево", на вершине которого сидит Небесная Птица. По краю крышки идут рельефные изображения, представляющие ежедневное движение солнца с востока на запад, к ночи.

Один из двух скульптурных фрагментов, обнаруженных под гробницей Владыки Пакаля. — голова из штука (предполагают, что это портрет Пакаля), вероятно, лишь часть статуи, сделанной в натуральную величину. Вторая статуя могла изображать жену Пакаля или, может быть, представляла его самого в юном возрасте.

большую каменную коробку с парой ушных украшений из нефрита — очень ценного материала, который у майя часто ассоциировался с царской властью. Во-вторых, расчищая лестничный проход, археологи обнаружили в стене узкий полый канал, проходящий параллельно лестнице. Он вел куда-то к центру основания пирамиды. Назначение его было совершенно непонятно.

Только к концу летнего рабочего сезона 1952 года долгий и упорный труд принес свои первые плоды. Археологи добрались наконец до самой нижней ступени лестницы и, пробив отверстие в замурованной каменной стене, вошли в подземную камеру, судя по всему служившую коридором. Дальний конец этой узкой камеры упирался в новую каменную перегородку. В помещении был найден тайник, в котором лежали семь бусин и два ушных украшения из нефрита, три керамических блюда, две раковины, наполненные кинноварью, и большая жемчужина в форме слезы. Рус сразу понял, что это были ритуальные подношения богам. И еще он понял, что за плотно закрытым отверстием в дальней стене камеры может находиться что-то необычайно важное. И археологи снова взялись за лопаты.

Преодолеть последний барьер оказалось труднее всего. Вода, просочившаяся сквозь грунт, смешалась с известковым раствором, так что вся эта стена толщиной в три с половиной метра стала крепкой, как монолит. “Всю неделю мы разбирали каменную кладку, — вспоминал Рус, — иногда приходилось раскалывать камни, так крепко спаяны между собой были каменные блоки. Мы были словно заживо погребены в этом душном помещении, известка жгла пальцы, кожа на ладонях потрескалась, боль была почти невыносимая”.

Наконец стену пробили, но за ней шел новый коридор. В дальнем его конце, у самой стены-перегородки, помещался грубо обработанный каменный сундук, занимавший площадь в один квадратный метр. Подняв плиту, служившую крышкой, выдавший виды археолог содрогнулся, увидев там такое, о чем и помыслить не мог: внутри, под грудой камней и пыли, лежали шесть человеческих скелетов.

И хотя останки плохо сохранились, было ясно, что, по крайней мере, один из скелетов был женский и что погибшим было лет по 17—18. Из всего увиденного Рус мог сделать только одно заключение: “Несомненно, эти люди были принесены в жертву”.

Фотография, сделанная в конце 1952 года мексиканским антропологом Артуро Романо Пачеко. Впервые за 1300 лет с саркофага сняли крышку, под ней — кости Владыки Пакаля, освещенные светом электрической лампы (слева). На каждом запястье Пакаля было по браслету из 200 нефритовых бусин, а в левой руке, пальцы которой были унизаны нефритовыми кольцами, он сжимал шар, также выточенный из этого ценного камня (аниву).

Размышляя о своей находке, Рус предположил, что души людей, чьи скелеты были свалены в общую кучу на дне сундука, по всей вероятности, должны были охранять тело какого-то правителя майя, отошедшего в мир иной. Теперь оставалось найти это тело, которое, скорее, всего было где-то рядом. И предчувствие не подвело ученого. За каменным склепом с останками жертв была каменная стена (сквозь нее вскоре случайно проломился один из рабочих), а сбоку — что-то вроде низкой треугольной двери, заложенной гигантской глыбой. Эта “дверь” вела в дальнюю комнату (в нее можно было даже заглянуть через отверстие в стене), но целых два дня ушло на то, чтобы сдвинуть глыбу с места и освободить узкий проход. Наконец, 15 июля 1952 года Рус протис-

Череп Пакаля был покрыт составленной из 200 кусочков нефрита каменной маской с глазами из перламутра и обсидиана. Она плотно облегла лицо, с которого была снята кожа. Во рту маски помещен T-образный амулет — знак того, что Пакаль возносится к богам.

нулся в щель и сделал пять неуверенных шагов, пока нога его не ступила на ровный пол.

“Я вошел в эту таинственную комнату, — пишет Рус, — со странным чувством, естественным для того, кто впервые переступает порог тысячелетий. Я попытался увидеть все это глазами жрецов Паленке, когда они покидали склеп. Мне хотелось услышать под этими тяжелыми сводами последний звук человеческого голоса. Я силился уловить то загадочное послание, которое оставили нам люди столь далекой эпохи. Я надеялся отыскать ту призрачную нить, что, проходя сквозь непроницаемую завесу времени, связала бы ту далекую жизнь с нашей”.

Луч ручного электрического фонаря прорезал мрак подземелья, и археолог увидел огромную платформу, которую издали ошибочно принимал за пол камеры. Плита из желтого известняка, в Паленке обычно использовавшегося для особо важных работ, покоилась на высоком пьедестале, который подпирали шесть дополнительных каменных брусков. Поверхность платформы размером два на три с половиной метра была покрыта четким неглубоким рельефом, который до сих пор считается лучшим образцом каменной резьбы майя. Это было изображение украшенного драгоценностями человека, падающего прямо в открытую пасть какого-то чудовища, — сцена эта трактуется как путешествие души умершего в подземный мир — Шибальбу.

Осмотрев плиту, Альберто Рус просверлил отверстие в одном ее углу и определил, что под ней — пустота. Сначала археолог думал, что этот массивный постамент представляет собой алтарь, но теперь он осмелился предположить, что это крышка саркофага. Через какое-то время его рабочие с помощью автомобильных домкратов и толстых досок стали понемногу приподнимать пятитонный брус. Когда плита поднялась настолько, что сквозь образовавшуюся щель можно было увидеть, что находится под ней, ученые разглядели внутри еще одну известняковую резную плиту весьма причудливых очертаний. “На концах ее с двух сторон было по два круглых

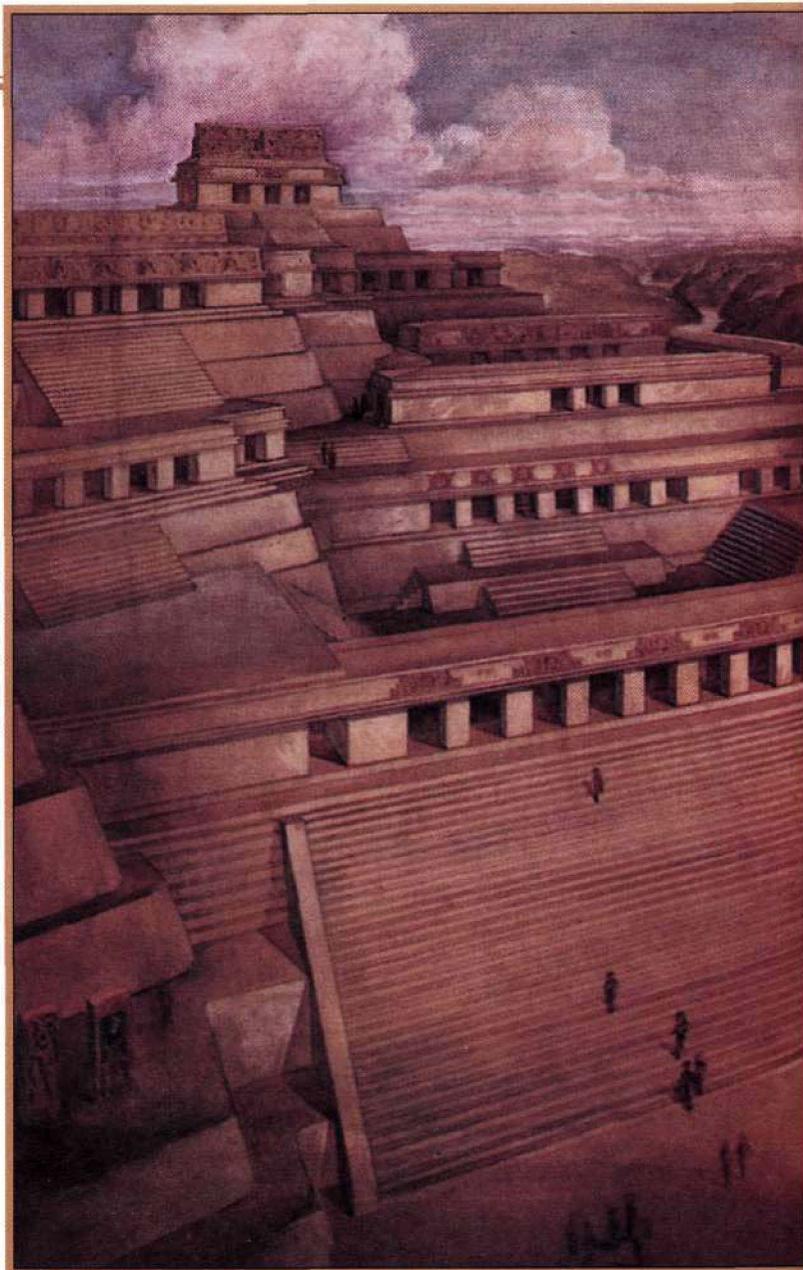
отверстия, заткнутых каменными пробками, — в точности как на плите, что была наверху, в полу храма, — пишет Рус. — Но теперь мы знали, что это отверстия для веревок”.

“Мы очень волновались, принимаясь за работу, — признается археолог. — Каждый раз, когда резная крышка поднималась на сантиметр-другой, мы просовывали под край очередной слой досок, чтобы вся эта глыба не рухнула, если случайно домкрат соскользнет. Когда мы подняли ее сантиметров на 40, я не мог больше ждать — мне не терпелось узнать, что внутри”.

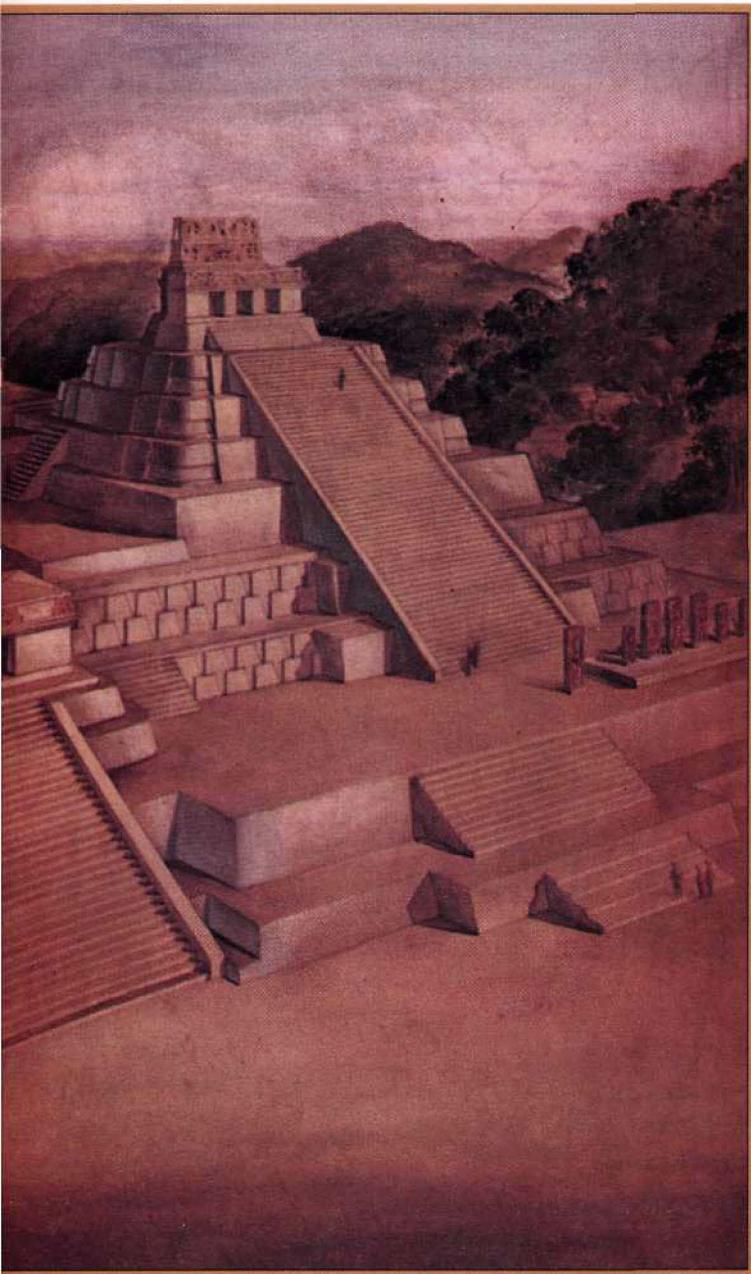
Пока коллеги с беспокойством следили за его действиями, Рус пролез под крышку сквозь значительную к тому времени щель и улегся на внутренней плите. Там, словно зажатый между двумя жерновами, он стал проводить первые исследования. Вынув каменную пробку из выбранного наугад отверстия в нижней плите, он заглянул в дырочку.

“Сначала мне показалось, — писал он, — будто я вижу мозаику, сложенную из кусочков зеленого, красного и белого цвета. Постепенно они стали приобретать определенные очертания: зеленый был цвет нефритовых украшений, красным были окрашены зубы и кости, а также некоторые части маски”. Теперь было ясно, что четыре года не были потрачены впустую. “Я видел погребальную маску того, кому предназначалось все это: и гробница, и лестница, и сама гигантская пирамида с венчающим ее храмом”.

Только сейчас, оказавшись как бы один на один с человеком, который, судя по всему, был самым могущественным из правителей Паленке, Альберто Рус наконец понял важность своего открытия. Раньше ученые и не подозревали, что пирамиды майя, как и египетские, были местом погребения владык и знати. Даже сам Рус поначалу думал, что его находка представляет собой редчайшее исключение, уникальный случай в истории майя. Со временем, однако, и в других городах майя были найдены гробницы, устроенные в пирамидах, и каждый новый случай подтверждал, что целая армия инженеров, художников, каменщиков и рабочих принималась за невероятно трудное дело, чтобы в результате отдать последний долг одному-единственному человеку.

“Небольшой город Пьедрас-Неграс отличается обилием и превосходным качеством скульптурных памятников”, — писала ученый-майянист Татьяна Проскурякова, автор цветной реконструкции акрополя в этом “классическом” городе майя на территории Гватемалы. Ступенчатые пирамиды, внутренние дворики и храмы отдаленно напоминают гражданские и культовые постройки в другом городе — Копане.

Позже, получив возможность подробно изучить останки, Рус отметил, что погребение производилось с небывалой пышностью. Скелет был чуть ли не полностью покрыт драгоценными камнями и украшениями. Поперек грудной клетки лежало искусно сделанное нагрудное украшение, состоящее из 189 кусков гладко отполированного нефрита. На костях пальцев висели кольца, запястья свободно окружали браслеты, а череп венчала диадема из маленьких нефритовых дисков. Нефритовый кубик был положен на ладонь правой руки, нефритовый шарик — на ладонь левой, вероятно, они должны были указывать на высокое положение умершего. Были с точностью соблюдены все тонкости погребального обряда майя. В соответствии с давней традицией, известной майянистам по другим источникам, в рот умершему вложили нефритовую бусину, чтобы человек мог в загробной жизни покупать себе еду.

У изголовья саркофага Рус обнаружил изваяние в виде змеиногочерепа с зияющей темной дырой внутри. Оказалось — это выходное отверстие того самого странного канала, обнаруженного в стене подземного хода с лестницей. Этот полый канал, длинный и узкий, соединял гробницу с храмом. Рус предположил, что эта конструкция задумана как звуковод, чтобы жрецы могли выкрикивать в нее свои заклинания, думая, что лежащий в склепе их слышит. С тем же успехом информация могла “передаваться” и в обратном направлении: жрецы как бы выслушивали послания из мира духов. Археологи назвали это приспособление “психологическим телефоном” — каналом связи между реальным миром и царством мертвых.

Одна за другой раскрывались тайны этой гробницы, и только один вопрос так и оставался без ответа: кто этот благородный человек, чей уход из мира живых был обставлен с такой пышностью? Ответ на этот вопрос нашли лишь через 15 лет — после нескольких удачных попыток расшифровки надписей. В конце 1960-х, на основе фонетического прочтения серии надписей в храме и на гробнице, Дэвид Келли из Университета Калгари и Флойд Лаунзбури из Йельского университета заявили, что имя этого человека — Пакаль (это слово означает “щит”) и что он был

верховным правителем Паленке почти семьдесят лет, с 615 по 683 год н. э.

Никто из ученых не оспаривает тот факт, что в этот период городом правил Пакаль и что именно он воздвиг монумент, но идентифицировать останки оказалось невероятно трудно. Альберто Рус отметил, что анализ костей в саркофаге указывает на то, что возраст умершего — сорок лет, в то время как правителю Пакалю, когда он умер, было скорее под восемьдесят. Другие ученые считают, что такие методы оценки ненадежны и что останки действительно принадлежат Пакалю. В 1977 году, спустя четверть века после сенсационного открытия в Паленке, Альберто Рус так подытожил все эти споры. «Не важно, в чем наши мнения расходятся, — заявил он, — все мы идем по одному пути: мы хотим как можно больше узнать о человеке, лежащем в гробнице. Никто не станет отрицать, что время его правления было одним из самых великих периодов в истории доколумбовой Америки».

Такое единодушное мнение сложилось у ученых не только из-за внушительных размеров самой гробницы — это подтверждали многочисленные чудеса архитектуры, найденные к тому времени на территории Паленке и относящиеся к указанному историческому периоду. Строительное рвение Пакаля привело к созданию как минимум трех храмов и большого дворцового комплекса. Сын Пакаля Чан-Балам, или Змей-Ягуар, проявил не меньшее усердие, закончив строительство отцовской усыпальницы, а также построив новые храмы, известные ныне как храмы Креста, Лиственного креста и Солнца. Но что важнее всего — скульптурные изображения и иероглифические надписи, которыми изобилуют эти сооружения, дают нам представление о том, что правители и послушный им народ считали главным. После изучения всех памятников складывается впечатление, что в этот период произошли некоторые изменения в роли, которая отводилась правителю, и эти-то изменения косвенно указывают на причину краха такой, казалось бы, благополучной цивилизации, какой была цивилизация майя в «классический» период.

В четырех разных местах в Паленке Пакаль и его наследник воздвигли так называемые царские реестры — стелы с записями о

Один из редчайших предметов из обтесанного камня был найден в Копане. Этот кремень, напоминающий шпата, вполне мог быть символом небесной или другой высшей власти. Археолог Рикардо Агурсия из Гондураса обнаружил его в древнем храме, который был засыпан и лежал в основании нового сооружения. Сама по себе такая находка — редкость, поскольку майя обычно разрушали старые здания, прежде чем на их месте начать новое строительство. Дополнительную ценность этой находке придает и то, что кое-где на камне сохранились клочки налипшей ткани.

членах правящей династии, прослеживающимися ее корни вплоть до 431 года н. э. По-видимому, эти двое были очень озабочены доказательством своего законного права на власть, и причиной тому были два случая в истории города, когда правитель получал право престолонаследия по материнской линии. Так произошло с Пакалем. Поскольку у майя право на этот престол передавалось обычно по отцовской линии, Пакаль и его сын были вынуждены внести в это правило некоторые коррективы.

В Храме надписей при Пакале появились иероглифы, согласно которым его мать, Зак-Кук, была непосредственно связана с Первой Матерью, богиней, создавшей богов и первых царей майя. Надписи также гласили, что день рождения Пакаля совпадает с днем рождения Первой Матери, что должно было свидетельствовать о непосредственной, личной связи правителя с богиней. По мнению ученых, пытавшихся истолковать эти тексты, Пакаль стремился доказать, что власть его — от богов и что она более весома, нежели его весьма проблематичное наследственное право. Как мы убедились на примере других городов, обоснование божественности царской власти не было чем-то необычным для майя. Но в случае с Пакалем подобное обоснование носило глубоко личный характер.

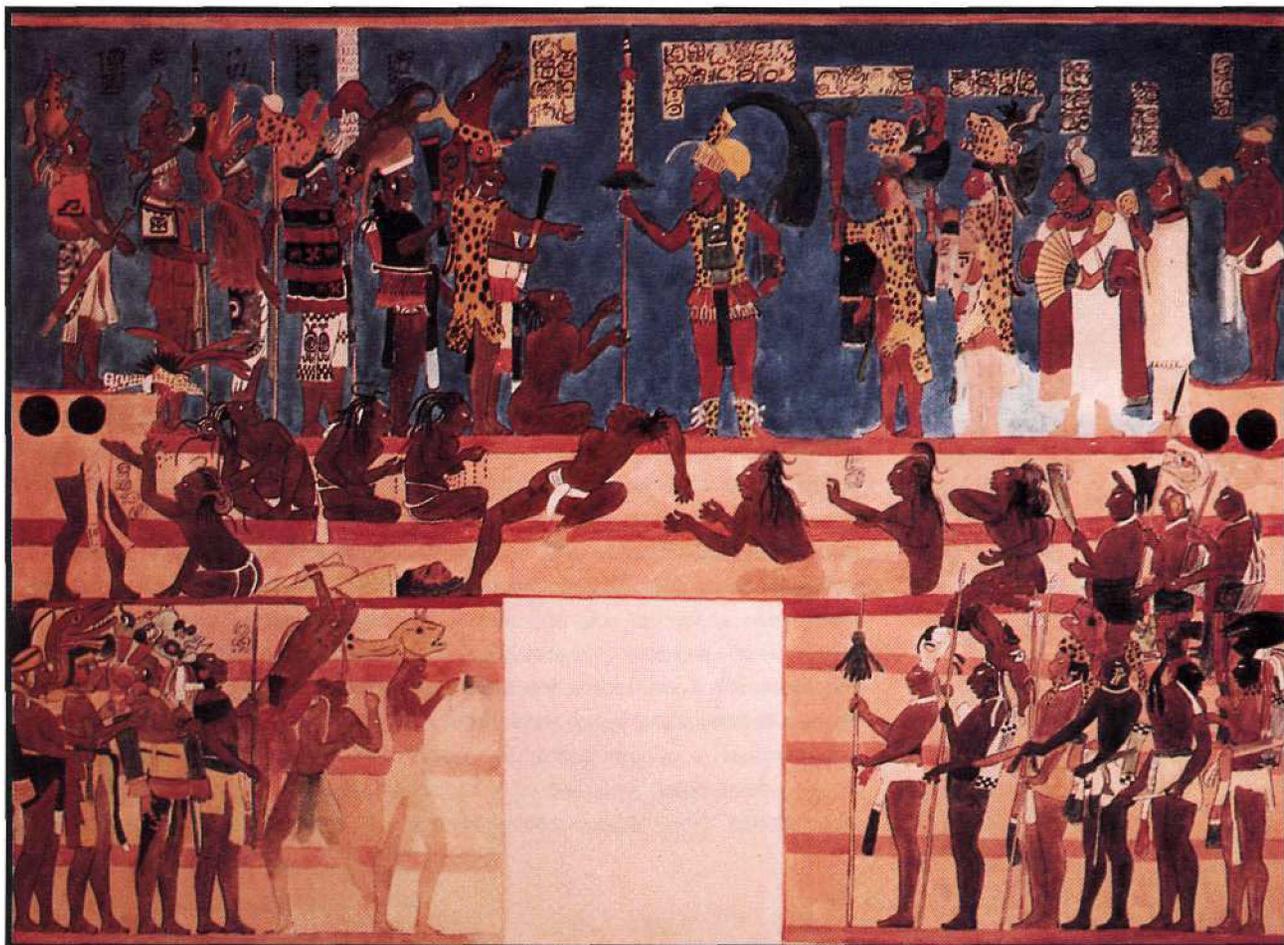
Чан-Балам, когда пришел его черед, пошел еще дальше. На каждом из трех храмов, построенных во время его правления, двумя параллельными колонками идут пространные иероглифические тексты, причем в одной колонке рассказывается о событиях, происходивших со дня создания мира Первой Матерью, а в другой эти события связываются с историей Паленке, включая рождение Пакаля, назначение его сына наследником престола и восшествие Чан-Балама на престол. Налицо еще одна попытка узаконить власть правителя, связав его жизнь с жизнью богов. Но еще более важными представляются нам скульптурные образы, помещенные на стенах храмов. На рельефах, покрывающих стены внутренних помещений храмов, Чан-Балам изображен в простой одежде — он смотрит на человека поменьше ростом, стоящего по другую сторону “мирового древа”, обозначающего центр мироздания. На нескольких внешних рельефах Чан-Балам изображен в полном царском облачении. Кто изображен по другую сторону от “мирового древа”, пока точно не установлено, но некоторые полагают, что это Пакаль и что рельеф этот изображает путешествие Чан-Балама в Шибальбу, которое, как верил народ, правитель совершал каждый раз, когда уединялся в храме для ритуального кровопускания. Внутренний рельеф рассказывает о том, как он в подземном мире получает право на власть от своего умершего отца, а внешний рельеф изображает его после этого путешествия, в образе законного правителя.

Некоторые ученые, правда, считают, что меньшая фигура — это тот же Чан-Балам, но в юности, в момент назначения его на-

следником престола, но каково бы ни было точное значение этих изображений, бесспорно одно: и отец и сын явно старались подчеркнуть свою индивидуальную значимость. Это тем более достоверно, если верить словам специалиста по эпиграфике Линды Шил, что мемориальные доски показывают процесс “непосредственной передачи тайной сущности царской власти”. Две изображенные фигуры словно говорят: принадлежность к династии зависит не только от родственных связей, но и от авторитета личности. И в самом деле, некоторые из рельефов Храма Солнца показывают Чан-Балама в образе воина, подчеркивая, что он сражается за государство, а возможно, это напоминание о каком-то реальном боевом подвиге правителя.

Имело ли все это какое-то отношение к последующему краху империи майя? (В Паленке, к примеру, конец наступил примерно через сто лет после правления Чан-Балама.) Для ответа на этот вопрос ученые обратились к истории других городов, поднявшихся примерно в то же время, что и Паленке, и узнали много нового о могущественных правителях городов-государств. И кое-где удалось найти грозные признаки грядущих перемен.

Этот акварельный рисунок сделан в 1946 году, вскоре после того, как в 120 километрах от Паленке был обнаружен город Бонампак. Акварель воспроизводит настенную роспись в одном из крупнейших зданий города. Такие изображения заставили ученых изменить сложившееся к тому времени представление о майя как о сузубо мирном народе. Сцены отражают события, происходившие между 790 и 792 годами н. э. Пленики, в набедренных повязках, подвергаются пыткам и обезглавливанию у ног прекрасно одетых мужчин и женщин — представителей правящей элиты Бонампака.

Почти одновременно с находкой Альберто Руса в Паленке, подтверждающей, что народ майя глубоко почитал своих правителей, было сделано другое важное открытие — в Бонампаке, городе майя, удаленном от Паленке на сто с лишним километров к северу. Прекрасно сохранившиеся настенные росписи внутри храма в Бонампаке живописуют кровавые сцены войны, кровопускания, жертвоприношения (см. предыдущую страницу), призванные увековечить одно событие: как царь представляет народу своего сына и преемника. Рисунки эти в свое время поразили многих, ведь раньше никто не подозревал о существовании столь страшных обрядов у майя. Теперь маятник общественного мнения качнулся в другую сторону: народ майя стали считать жестоким и кровавым. Но все эти жестокости были всего лишь одной, правда неприглядной, стороной жизни майя, но такую неприглядную сторону можно найти почти в каждой культуре. Взятые не отдельно, а в соответствующем историческом контексте, эти, несомненно, варварские акты воспринимались как священные, призванные, по мысли майя, поддерживать миропорядок, а кроме того, они были необходимы для укрепления власти правителя. Пытаясь понять, что же случилось с обществом майя, ученые задают себе такой вопрос: а может быть, эта холодная, упорядоченная массовая жестокость (как в ритуальных войнах, главной целью которых было поймать человека и принести в жертву) вдруг почему-либо вырвалась из-под контроля?

На раскопках в Копане археологи, изучающие закат “золотого века” цивилизации майя, узнали множество удивительных подробностей, касающихся культуры этого периода. Плодородную долину реки Копан люди заселяли еще в 1100 году до н. э., и долгое время жизнь здесь буквально была ключом. Но начиная с 300 года до н. э. (в то время, когда набирали силу такие города, как Серрос, Эль-Мирадор и Тикаль) в Копане строительство почему-то приостановилось на четыреста пятьдесят лет, а существующие здания опустели. Затем люди вновь заселили эти места, и в последующие 600 лет здесь вырос обновленный город, известный сейчас под именем Копан.

В самом центре города высоко над землей вздымался трехъярусный акрополь, с прекрасными храмами-пирамидами и многочисленными гравированными стелами. Центральную часть площади перед Главным акрополем занимал белокаменный храм, построенный в VIII веке нашей эры, украшенный яркими цветными скульптурами. К нему вела лестница, ступени которой были покрыты рельефами. Каждая из 72 ступеней была украшена иероглифами — аналогов этому гигантскому каменному кодексу пока не существует. Даже и в полуразрушенном виде этот архитектурный ансамбль производит неизгладимое впечатление.

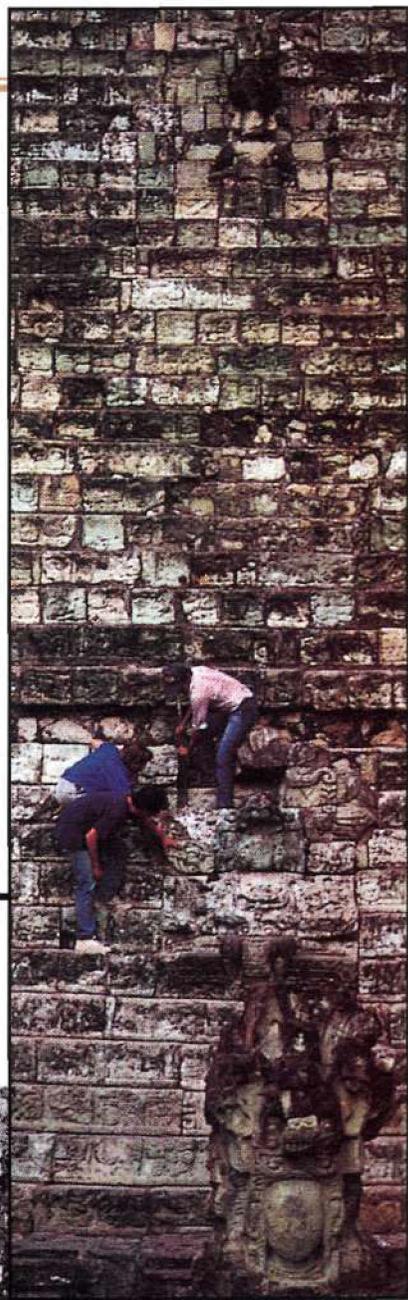
В отличие от других городов майя Копан страдал из-за недостатка известняка, необходимого для строительства культовых и жи-

лых сооружений, месторождений его поблизости не было. То небольшое количество известняка, какое удавалось заставить, шло в основном на изготовление известкового раствора, защитным слоем покрывавшего полы, а также фасады зданий. В качестве скрепляющего материала строителям приходилось использовать обыкновенную грязь — ею и скреплялись зеленоватые куски вулканического туфа. Из-за этого элегантные сооружения Копана плохо сохранились, хотя сам туф оказался более прочным, чем известняк, из которого строили здания в других городах. До того, как начались реставрационные работы, большинство зданий в Копане были почти совсем разрушены в результате землетрясений и оползней и, оплетенные снаружи ветвями тропических растений, казались не творением человека, а каким-то чудом природы.

Город словно бросал вызов современным археологам. Уильям и Барбара Фэш и Руди Лариос, начавшие археологические и восстановительные работы (проект “Копанский акрополь”), составили ядро группы, которая занялась изучением архитектурного наследия Копана. Восстанавливая фасады зданий, они словно складывали гигантскую головоломку из более чем 30 000 скульптурных фрагментов. В 1987 году супруги Фэш заметили, что археологи, работавшие на этом месте до них, невольно усложнили им задачу. “Мы обнаружили в одной общей куче фрагменты пяти или шести различных зданий. Видимо, прежние археологи, едва начав работу, сдались, посчитав задачу невыполнимой. У майя каждый храм нес в себе что-то новое, поэтому не было двух похожих. Мы разбираем фрагменты, понимая, что каждый храм уникален”. К 1992 году было восстановлено четыре храма.

Очень хорошо удалось восстановить площадку для игры в мяч, в комплекс которой входят несколько

Сделанная в 1895 году в Копане, левая фотография показывает, как с помощью лебедки и шкива археологи начинали растягивающуюся на сто лет работу по восстановлению Лестницы иероглифов, названной так потому, что на ней было найдено около 1250 иероглифов, излагающих историю правящей династии. На фотографии, сделанной в наши дни (справа): археологи расставляют по местам плиты с иероглифами.

скульптур в форме головы попугая (символ царской власти, больше нигде в Копане не встречающийся). Ученые до сих пор точно не знают правил игры, которая не раз происходила на этой и других подобных площадках по всей Мезоамерике. Росписи на керамике подсказывают, что игроки должны были подбрасывать тяжелый каучуковый мяч так, чтобы он ударялся о поверхность покатых каменных стен и не падал в центр поля, причем отбивать мяч можно было только боками и ягодицами. Порой игра шла не на жизнь, а на смерть: побежденного приносили в жертву богам. Некоторые рельефные изображения показывают, что иногда “живым мячом” становился знатный пленник, связанный в комок, — его либо скатывали с лестницы, либо в продолжение игры гоняли по полю до тех пор, пока у него не ломался позвоночник. Но такие случаи были, несомненно, очень редки, иначе бы их не стали специально увековечивать в камне.

Вероятно, игра в мяч была для майя не просто спортом, а видом ритуала, во время которого заново разыгрывались драмы, принадлежащие миру богов. Ведь герои-близнецы, как мы знаем, играли в мяч с богами подземного мира. Устраивая эти игры, а может быть, даже участвуя в них, правители как бы помогали поддерживать движение солнца и луны, а также и других небесных тел.

На этой арене в течение 400 лет разыгрывались кровавые игры. Площадка для игры в мяч в Копане, показанная в отреставрированном виде, находится в южной части огромной церемониальной площадки. Рядом — Лестница иероглифов, поднимающаяся на высоту 27 метров. Каменные фигуры, изображающие правителей Копана, размещались на лестнице по вертикальной оси.

Многие надписи и стелы Копана показывают, что городом в течение четырех столетий, начиная с V века н. э., правила одна династия. Благодаря такой стабильности город приобрел вес и влияние. Один из важнейших памятников, которому ученые дали условное имя Алтарь Q, стоит на большой пирамиде, построенной в конце VIII века последним правителем Копана. На всех четырех сторонах каменного алтаря мы видим портреты шестнадцати членов этой династии. Все они в пышном облачении, и каждый из них, скрестив ноги, восседает на иероглифе, обозначающем его имя. Шестнадцатый правитель, строитель пирамиды и алтаря, изображен лицом к лицу с основателем династии — его фигура как бы замыкает династический круг.

Основатель династии, правитель Яш-Кук-Мо (Голубой Кетцаль-Попугай), пришел к власти в 426 году н. э., судя по дате на алтаре и на стеле, прославляющей более позднего правителя. Он, очевидно, начал строительство первого большого храма в Копане, и ему город обязан своим возрождением после долгих лет таинственного запустения. Хотя он не был самым первым правителем в этом городе, авторитет его, судя по всему, был очень велик, и все следующие за ним правители считали необходимым вести именно от него отсчет своей царской линии. Уильям Фэш назвал его “копанским Джорджем Вашингтоном”.

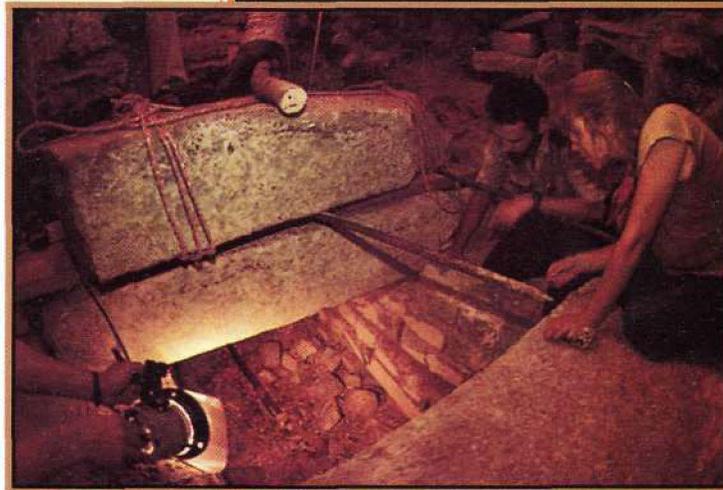
Из пятнадцати его царственных потомков дольше всех прожил энергичный Дым-Ягуар, взошедший на престол в 628 году и правивший 67 лет. Прославившийся как Великий Подстрекатель, Дым-Ягуар привел Копан к небывалому расцвету, сильно расширив его владения, возможно с помощью территориальных войн, какие вели между собой Тикаль и Вашактун. Знатные люди, служившие при нем, вероятно, становились правителями покоренных городов, как Курящая Лягушка при Лапе Великого Ягуара. За время правления Дыма-Ягуара тысячи новых поселков подпали под власть Копана, и численность городского населения достигла примерно 10 000 человек. Вокруг акрополя строились новые храмы и дворцы для элиты, а в остальных кварталах деревья вырубались и поля, на которых испокон веку выращивали кукурузу, застраивались домами новых горожан, которых становилось все больше и больше. Земледельцев оттесняли все дальше от границ города, и, поскольку город отбирал у них пахотные земли, им приходилось обрабатывать участки на склонах гор.

При Дыме-Ягуаре строительство монументов не ограничивалось пределами церемониального центра. По традиции, вершины пирамид

ПРОНИКНУТЬ В ТАЙНИК ВРЕМЕН

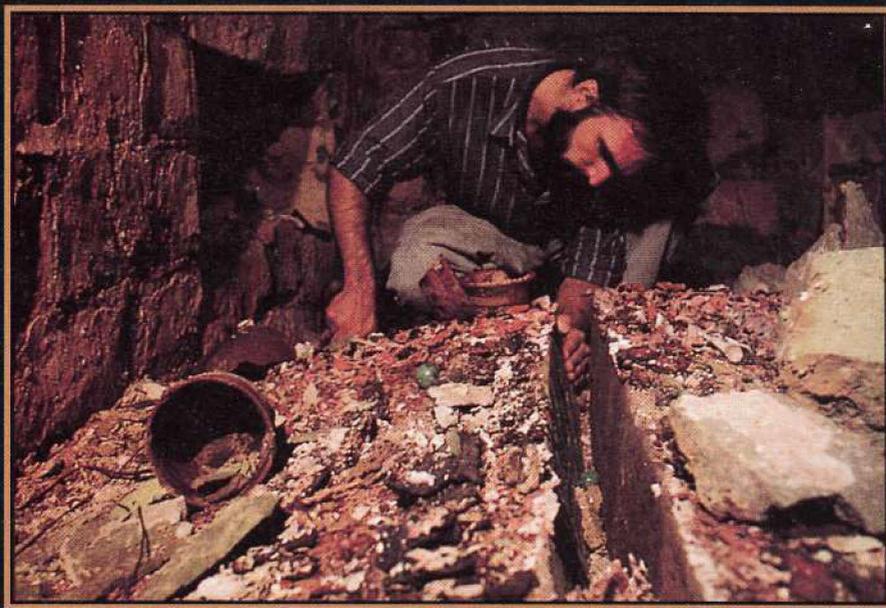
“Это, должно быть, царская гробница”, — решил Уильям Фэш, руководитель археологической экспедиции “Копанский акрополь”, увидев погребальную камеру, упрятанную в недрах Строек-26, пирамиды, поддерживающей знаменитую Лестницу иероглифов. Находка оказалась значительной: в камере лежал скелет, окруженный кучей драгоценностей, какими украшали только знатных лиц. Рядом был найден скелет 12-летнего мальчика, вероятно принесенного в жертву во время церемонии погребения. Но кто был этот человек, похороненный с такими почестями?

Антрополог Ребекка Стори, сопоставив некоторые данные, сообщила, что останки принадлежат человеку, который в своей жизни не знал тяжелого физического труда. Никаких наследственных признаков врожденной болезни замечено не было. Но предположение о том,

Пытаясь установить, кто же был похоронен в гробнице, руководитель экспедиции Уильям Фэйш внимательно рассматривает погребальные предметы, лежащие так, как они были найдены. Зеленые шары — куски нефрита, когда-то они были частью ожерелья. Серьги (наверху), длиной чуть более 6 сантиметров, тоже выточены из нефрита.

что это правитель Копана, отпало после того, как был определен возраст умершего — от 35 до 40 лет. Таким образом, он не мог быть ни 18-Кроликом, ни Дымом-Ягуаром, в период правления которых была сооружена эта гробница. Оба прожили примерно до 60 лет. Тем не менее среди погребальных талисманов из нефрита, раковин с шипами и керамических изделий (на обратной стороне страницы) были обнаружены некоторые "подсказки": несколько сосудов с краской и чаша с изображением писца или, возможно, бога — покровителя писцов "классического" периода майя. На Юкатане в XVI веке на почетную должность писца (который вел запись исторических со-

бытий, переписывал ритуальные тексты и документы, связанные с землевладением) назначали младшего сына правителя. Если таков же был и древний обычай, то в гробнице лежит не правитель, а скорее всего второй его сын — может быть, сын Дыма-Ягуара, величайшего из правителей Копана.

Другие предметы, найденные в гробнице: небольшой круглый сосуд, доверху наполненный сухим красным пигментом, и чаша с изображением сосуда для кисточек в виде головы писца позволяли археологам определить не только род занятии, но и вероятное происхождение человека, для которого был сооружен этот склеп.

Участница экспедиции Барбара Фэйш, по разрозненным фрагментам восстановившая внешний вид многих скульптур в Копане, заглядывает в гробницу, с которой только что был поднят первый из 11 каменных блоков, покрывавших древнее захоронение.

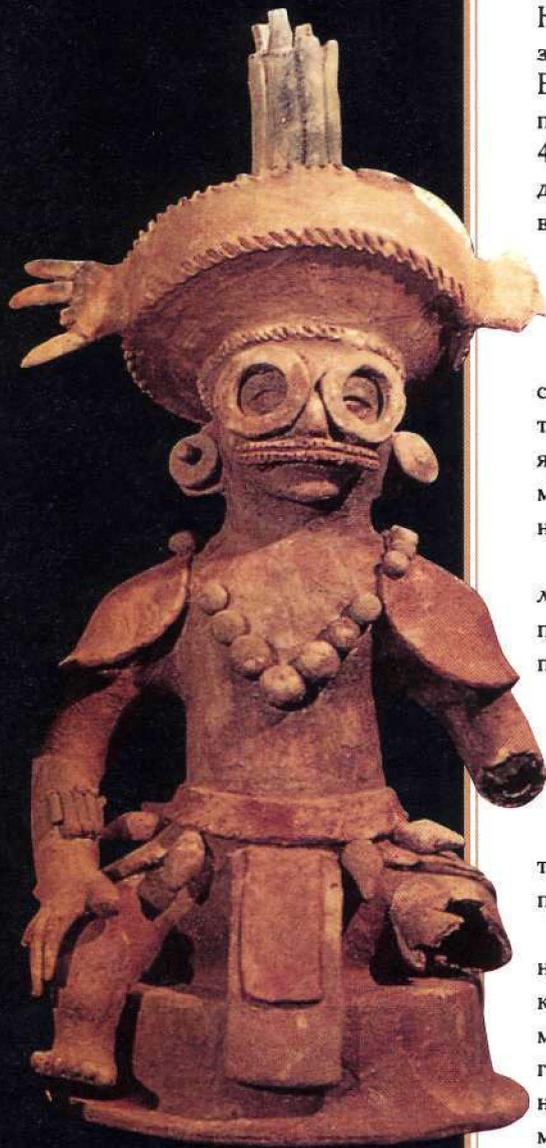

Из таких фрагментов (слева), обнаруженных в разных частях гробницы придворного писца под Лестницей иероглифов, археологам удалось составить глиняные фигурки — и четыре из двенадцати выглядят теперь как новенькие. Полагают, что это скульптурные портреты (в половину натуральной величины) представителей правящей династии

Копана, предшественников Дыма-Ягуара (захоронение было сделано в его время). Фигурка с глазами в кругах — это Яш-Кук-Мо, основатель копанской династии. Фигурки служили крышками цилиндрических сосудов, вероятно заполненных пеплом. Сосуды были разбиты с ритуальной целью, во время церемонии погребения. После этого гробницу замуровали.

и внутренние дворники городских площадей предназначались для проведения церемоний, во время которых царь общался с духами потустороннего мира. Но Дыму-Ягуару этого показалось мало. За время своего правления он всю долину усталил памятными стелами, явно показывая, что отныне весь город будет служить ему личной ритуальной площадкой.

Его политика наложила серьезные обязательства и на его преемников. Когда к власти в 695 году пришел его сын, 18-Кролик, Копан быстро рос вширь, распространяя свое влияние на соседние земли. Новый царь, названный, видимо, с учетом заслуг родителя, Великим Объединителем, сделал все возможное, чтобы закрепить прежние успехи и удержать завоеванное. В лучшие годы своего 43-летнего правления 18-Кролик контролировал территорию около двух с половиной сотен квадратных километров, и совершенно очевидно, что за это время в состав города-государства вошли не только земли майя, но и сопредельные владения других народов. При 18-Кролике было осуществлено строительство двух торговых дорог, протянувшихся от центра города к окраинным поселкам. При нем была также создана художественно-скульптурная галерея, посвященная правящей династии. Целая армия архитекторов, скульпторов и летописцев работала в центре Копана, превращая его в яркий символ величия правителей майя. “В его правление, — замечает Уильям Фэш, — скульптура и иероглифика Копана достигает наивысшего расцвета”.

Неумеренное честолюбие правителя преследовало одну цель — лишний раз подтвердить, что он является не только государем Копана, но и центральной фигурой во всей вселенной. Однако сами по себе эти пышные демонстрации могущества 18-Кролика могли быть вызваны глубокой внутренней обеспокоенностью. Есть свидетельства, что представители высшего сословия больше не верили в божественность его власти: несколько стел и памятников этого периода прославляют доблесть не правителя, а отдельных вельмож. Располагая средствами и привлекая к работе лучших мастеров, эти люди осмелились позаимствовать даже символы и образы, прежде употреблявшиеся лишь для характеристики государей.

И тем не менее нарастающая активность верхушки общества не смущала царя: у него и без того было много забот. Ближе к концу правления 18-Кролика ему пришлось подавлять настоящий мятеж. Во время правления отца Кролика небольшой соседний город Киригуа находился под властью Копана. Исполняя обязанности господина в своем доминионе, 18-Кролик в 725 году самолично посадил в Киригуа правителя по имени Кауак-Небо. Но, очевидно, тому вскоре надоела роль вассала, и через 13 лет он выступил против 18-Кролика. Была ли между ними действительно

схватка один на один, сейчас точно не известно, но факт остается фактом: 18-Кролик подвергся самому страшному унижению: он попал в плен и был доставлен в Киригуа на позорную казнь. 3 мая 738 года могучий царь 18-Кролик был обезглавлен своим бывшим вассалом.

Его смерть нанесла сокрушительный удар по копанской правящей династии. В обществе, где принято было обожествлять властителей, позорная смерть одного из них могла привести к необратимым последствиям для всей страны. Так или иначе, правящая династия Копана, вероятно, еще раньше испытывавшая недоверие элиты, так и не сумела вернуть себе утраченные позиции.

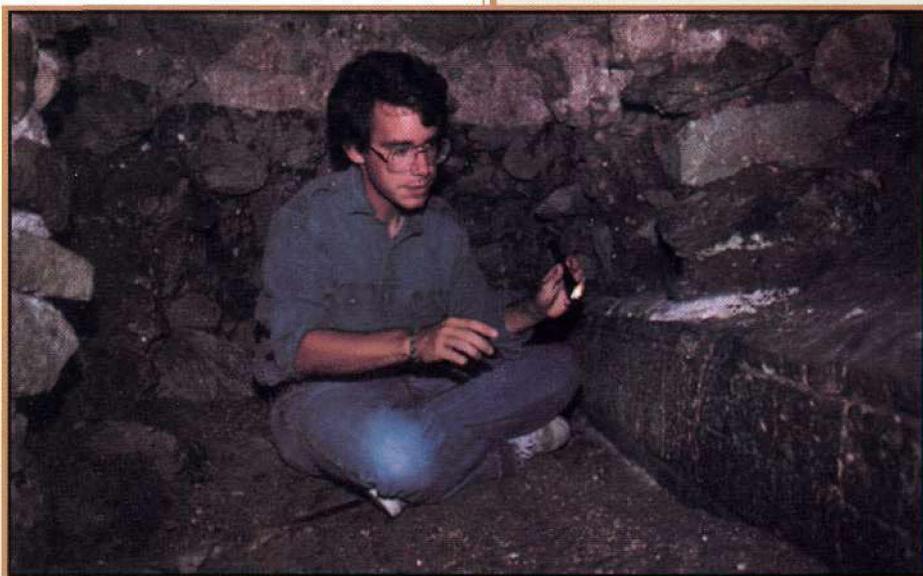
И тем не менее наследники 18-Кролика начали активную кампанию, надеясь восстановить славу династии Яш-Кук-Мо. Пятнадцатый правитель, Дым-Раковина, взойдя на престол в 749 году, вознамерился укрепить династию при помощи брачного союза и взял себе жену из рода правителей Паленке. Дым-Раковина завершил строительство храма-пирамиды со знаменитой Лестницей иероглифов. Ее изящные надписи свидетельствуют о том, что преемник 18-Кролика извлек серьезный урок из недавней трагедии: упоминания о всех прежних 14 царях Копана не только показывают связь правителя с движущими силами мироздания, но также представляют его в образе воина, в одной руке которого — щит, в другой — копье. В текстах подчеркивается, что государству могут угрожать реальные опасности и что правитель должен быть сильным и смелым защитником своего владения. Сама форма текста, в отличие от записей более раннего времени, содержит в себе недвусмысленное суровое предупреждение: иероглифы словно выходят из пасти Змея Всевидения — символа, означающего переход из мира живых в мир мертвых и обратно. Этим создатель надписей словно хотел сказать, что все грозные правители прошлого могут когда-нибудь вернуться на землю.

В 1987 году эпиграфик Дэвид Стюарт, студент Принстонского университета, получивший признание за свои научные разработки еще в школьные годы, нашел в нижней части Лестницы иероглифов глиняный горшок, в котором лежали необычные ритуальные предметы, вероятно, под-

НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ ТАИНСТВЕННЫХ ЗНАКОВ МАЙЯ

Торжественно отмечая в 695 году 20-летие своего правления, 18-Кролик воздвиг в Копане прекрасное сооружение — храм, известный сейчас под нейтральным названием Строеие-22. Кому оно посвящалось, долгое время было неизвестно, пока ученый-майянист Дэвид Стюарт (внизу) не расшифровал иероглифическую надпись с посвящением, сделанную на ступени в одном из помещений здания. Гений эпиграфики — науки чтения древних надписей, — Стюарт с детства ездил с родителями на раскопки и в 10 лет успешно расшифровывал иероглифы, а в 18 лет (в 1984 году) был удостоен почетной стипендии за свои научные достижения.

Иероглифы, начертанные вокруг каменных масок в каждом углу Строеия-22, прочитанные Стюар-

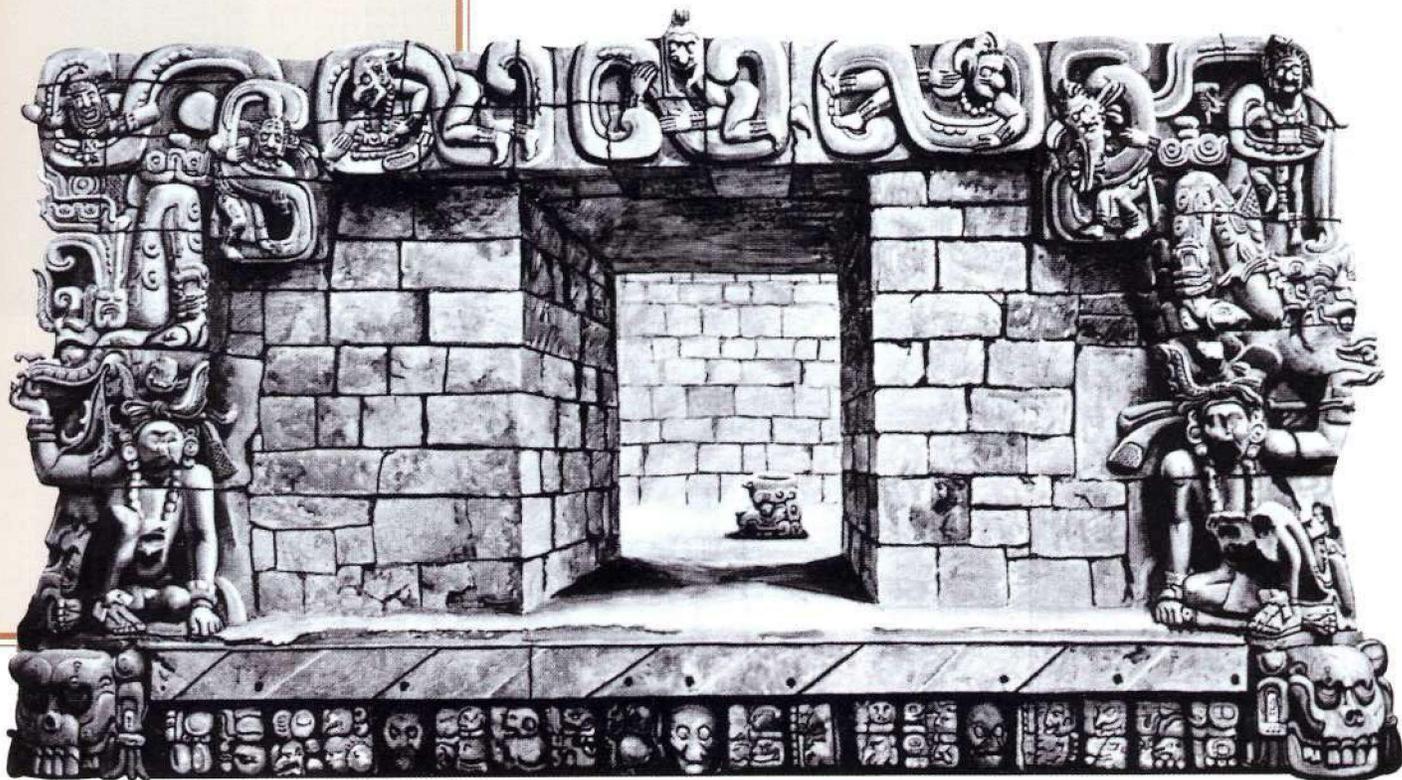
том как “горные чудовища”, доказывают, что храм представляет собой священную гору. Вход в святилище, где 18-Кролик, вероятно, производил ритуальное кровопускание, обрамляют знаки неба, земли и подземного мира (внизу), образующие сложную космограмму. Один из символов космограммы, изогнутая в виде буквы S змея, как принято было думать, означал кровь, но Стюарт прочел этот знак как “тучи”. Различие в значениях оказалось не таким уж существенным, поскольку ритуал кровопускания завершался сжиганием окровавленных листов бумаги. Клубы дыма были похожи на дождевые тучи, а боги, видя это, в ответ посылали людям дождь.

Этот рисунок, изображающий ревной портал у входа в святилище, сделан в 1885 году во время первых раскопок в Копане, начатых группой ученых под руководством Альфреда Мадсли. Рисунки оказались настолько точными и подробными, что с их помощью ученые могли начать расшифровку письменности майя.

ношения богам. Стюарт, которому в то время исполнился 21 год, с раннего детства увлекался расшифровкой иероглифов майя, и ему не потребовалось много времени, чтобы понять: эти предметы свидетельствуют о том, что Дым-Раковина в 756 году совершал здесь тайный обряд освящения храма. Ритуальные предметы легли в основание храма. Среди них были два куска нефрита — талисманы, триста лет переходившие из поколения в поколение, пока их не зарыли в храме, каменный нож, раковина с шипами, наполненная иглами ската и морского ежа, а кроме того, среди этих предметов лежала кучка угля и пепла. По всей вероятности, иглы использовались для ритуального кровопускания, проводившегося при освящении храма, а уголь и пепел — это все, что осталось после сожжения бумаги из древесной коры, смоченной кровью правителя Дыма-Раковины.

Особый интерес представляют найденные там же причудливые фигурки, высеченные из кремня, известные под названием “кривляки”. Индейцы майя ценили кремень и обсидиан не только потому, что из них можно было сделать орудия труда и оружие с очень острыми краями, но еще и потому, что верили в магическую силу этих камней, будто бы образованных от удара молнии о землю. На удивление тонко обработанные, эти кремни представляют семь человеческих профилей, вероятно, это изображения предков, которых просили благословить новую постройку.

К сожалению, энтузиазм Дыма-Раковины, проявленный при строительстве этого великолепного памятника, разделяли далеко не

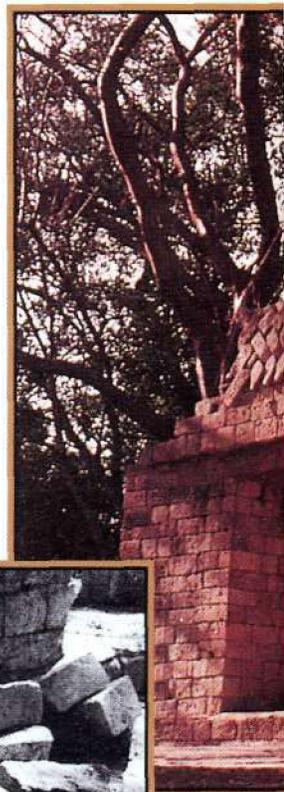

все. Строители водрузили тяжелые плиты Лестницы иероглифов и крупные камни всего фасада пирамиды прямо на сухую, ничем не скрепленную земляную насыпь. Некоторые ученые видят причину такой небрежности исполнения в недостатке энтузиазма у строителей, а может быть, дело было в том, что знать не поддержала правителя в этом его начинании. Как бы там ни было, в ближайшие столетия величайшее достижение эпохи правления Дыма-Раковины, которое должно было стать вечным напоминанием о могуществе его династии, превратилось в беспорядочную грудку камней.

Вскоре после этой отчаянной попытки увековечить несуществующее величие вся цивилизация майя вступает в полосу разброда и шатания. В Копане, как и в любом другом городе, показателем этого служит прекращение царского правления. Последний правитель Копана, Яш-Пак, пришедший к власти в 763 году, также пытался вдохновить горожан, затеяв новую строительную кампанию. И действительно, при нем появилось несколько новых храмов и других памятников, в том числе знаменитый Алтарь Q. На одной из скульптур Яш-Пак представлен в образе могучего воина, на поясе которого висят отрубленные человеческие головы — трофеи, добытые им в бою.

Некоторые ученые считают, что такой воинственный образ — всего лишь поза, призванная скрыть истинное положение правителя, власть которого существенно пошатнулась. Археологические находки говорят о том, что в течение некоторого времени территория Копана была поделена на 12 подведомственных участков, которыми управляли представители знати, образовавшие совет старейшин, созданный как вспомогательный орган управления, но ставший со временем почти самостоятельным. Барбара и Уильям Фэш, восстановив скульптурные изображения и письменные характеристики вельмож, сохранившиеся на ДOME совета (см. иллюстрации на развороте) и других памятниках, дали этому явлению название “децентрализованное управление”. Царская власть изживала себя, а вместе с ней уходили в прошлое и лучшие дни цивилизации майя.

Другой немаловажной проблемой, с которой столкнулся правитель Яш-Пак, была нависшая над городом угроза экологи-

ческой катастрофы. Когда-то этот край был богат природными ресурсами, славился обилием воды и плодородием почвы, но за несколько веков интенсивного возделывания земли на холмах и на горных склонах истощились, и сельское хозяйство уже не могло удовлетворить потребности сильно возросшего населения города (в нем насчитывалось свыше 20 000 жителей). Город не мог прокормить себя, и земледельцам приходилось расчищать все новые и новые участки леса и выращивать урожай на скудных, неплодородных почвах. На огромной территории (30 километров в поперечнике) были вырублены все деревья. Как показал анализ костных останков, 90 процентов горожан страдали от недоедания и сопутствующих болезней.

Несмотря на кризис, Яш-Пак старался упрочить положение династии, но едва ли население, силы которого были на исходе, могло поддержать его в этом. Вероятно, в поисках выхода он решил с выгодой для себя поделиться частью своих привилегий, посвящая дворцы и гробницы отдельным знатым семьям, но даже и такие щедрые жесты, по-видимому, не смогли уберечь властителя от разочарования его подчиненных.

И все же каким-то образом Яш-Паку удалось удержаться у власти до самой своей кончины в 820 году. Вероятным его преемником считается У-Сит-Ток, о нем известно только то, что он “принял прав-

ление”, но долго ли он правил, неизвестно: резной алтарь, посвященный его “коронации”, остался недостроенным — вероятно, это связано с лишением его властных полномочий. Династия, начало которой за четыре века до того положил Яш-Кук-Мо, перестала существовать.

Город к тому времени тоже переживал кризис, о чем свидетельствует прекращение строительства и отсутствие каких-либо следов активной жизнедеятельности в центре Копана. Некоторые семьи еще продолжали жить в долине, не желая расставаться с именем, кое-кто продолжал возделывать небольшие участки плодородных земель, еще

Традиционный символ царской власти у майя — тканый мотив, перекликающийся с мотивом циновки, на которой когда-то восседали правители Копана, — украшает восточную часть Дома совета, построенного в 746 году преемником 18-Кролика, правителем по имени Дым-Обевьяна. Хотя впадный вход (камни которого, лежащие лесенкой, видны на фотографии слева) был разрушен во время пожара еще в древности, его было нетрудно восстановить по образцу уцелевшего фасада.

СВЯЩЕННЫЕ ПЕЩЕРЫ ДОС-ПИЛАСА

Древним майя не нужно было обладать богатым воображением, чтобы представить пещеры, которыми славится местная земля, воротами в подземное царство. Пещеры почитались как святилища, в их мрачные глубины люди спускались для беседы с богами.

Археолог Джеймс Брэди из Университета Вандербилта облазил десятки пещер в районе Петешбатун в Гватемале, изучая все, что в них находил: от ритуальных сосудов до алтарей. Из-за того, что по утрам над отверстиями некоторых пещер поднимался легкий туман, майя считали, что из них выходит дождь, и потому пещеры были связаны в их представлении с плодородием и с грозной силой богов. В некоторые из них лет пятьсот не заходил ни один человек, а однажды из темноты донеслось недовольное рычание ягуара, так что исследователю оставалось только спасаться бегством.

сохранившиеся кое-где на окраинах. Археологи Дэвид Уэбстер и Уильям Сандерс из Государственного университета Пенсильвании уверены, что на территории города к концу первого тысячелетия еще оставалось несколько тысяч жителей. Но дни былой славы прошли. К концу IX века центр Копана совсем обезлюдел. И в последующие века единственными людьми, изредка появлявшимися здесь, были паломники, приходившие поклониться священным гробницам. Иногда они поднимались по крошащимся ступеням на самую вершину акрополя, чтобы оставить богам свои подношения.

Почти все крупные города майя, такие, как Паленке, Тикаль и другие, в скором времени постигла та же участь. К концу X века "классическая" цивилизация майя в южной и центральной равнинной зоне практически исчезает с лица земли. Это стало, по словам археолога из Пенсильванского государственного университета Роберта Шерера, "одной из величайших культурных потерь в истории человечества". И по сей день ученые не пришли к единому выводу о том, что послужило причиной упадка цивилизации майя. Большинство исследователей согласны с тем, что здесь имело место сочетание двух факторов: во-первых, захватнические действия враждебных племен и, во-вторых, истощение природных ресурсов. Предметом ожесточенных споров остается пока вопрос, было ли истощение природных ресурсов

Самой интересной оказалась пещера, называемая Эль-Дуэнде, что по-испански означает "призрак". Она долго, несколько столетий, была местом жертвоприношений, о чем можно судить по керамическим предметам и человеческим костям, плотным ковром устилающим ее пол на довольно протяженном участке. Некоторые останки лежат в ней еще с тех времен, когда соседний город Дос-Пилас был обычным селением (а расцвет его, как известно, приходится на VII век н. э.). Обилие пещер в этих краях навело ученого на мысль, что, выбирая место для поселения, майя считали одним из главных достоинств местности наличие пещер.

Пещера Эль-Дуэнде представляет собой разветвленную сеть камер и переходов, прорытых в подножье холма, которому снаружи придан вид пирамиды. Внизу течет подзем-

ная река. Гора, водный поток и подземный мир — сочетание этих трех символов, исполненных глубокого религиозного смысла, делали Эль-Дуэнде тройне священной в глазах майя. Об этом свидетельствует камень, найденный у самого входа в пещеру (слева). Очевидно, после того как Дос-Пилас пал (вероятно, от набегов соседних племен), жители города пытались сохранить святилище Эль-Дуэнде, разобрав каменные постройки и закрыв вход в пещеру огромными и тяжелыми каменными блоками. Такое намеренное разрушение ценных построек с единственной целью — сохранить святилище — было актом отчаяния, но вместе с тем это отчасти подтверждает предположение ученых о том, что крах цивилизации майя наступил вследствие повсеместного распространения жестокости и анархии.

причиной или следствием кризиса власти и связанного с ним общественного конфликта. В Копане первопричиной трагедии можно считать падение монархии, но и здесь нет полной уверенности, что на исход трагедии не повлияли разные привходящие обстоятельства, о которых умалчивает летопись.

Археолог Артур Демарест из Университета Вандербилта нашел доказательство, по его мнению, проливающее свет на туманные события "классического" периода. Его поразительные находки стали новой сенсацией в майянистике и повлекли за собой очередную серию оживленных дебатов.

Демарест проводил раскопки в малоизвестном городе Дос-Пилас, который находится

примерно в ста километрах к юго-западу от Тикаля. Весной 1991 года он и его коллеги копали туннель в основании разрушенной пирамиды, рассчитывая найти захоронение, как это сделал за 40 лет до того в Паленке знаменитый Альберто Рус. Первые две шахты оказались неудачными, их завалило землей, но в апреле археологам удалось проникнуть в глубину пирамиды. Ниже уровня подземного хода была обнаружена камера, в которую удалось заглянуть, проделав несколько отверстий в полу туннеля. Структура пирамиды была настолько рыхлой, что работать приходилось с крайней осторожностью, поминутно ожидая обвала. Вот что чувствовал Демарест, впервые заглянув в образовавшееся отверстие: "Смотрю и мечтаю: вот бы сжаться и как-нибудь пролезть внутрь. Но передо мной — огромная каменная глыба, которая вот-вот рухнет и всех нас придавит".

Но постепенно, действуя с большой осторожностью, археологи расширили отверстия и проникли в камеру, действительно оказавшуюся гробницей. Внутри они обнаружили скелет человека лет сорока в царском головном уборе из нефрита, морских раковин и жемчуга. Рядом лежали обсидиановые лезвия, явно предназначавшиеся для ритуального кровопускания, прекрасно сохранившиеся керамические изделия и пиршественные подносы с иероглифическими надписями.

Демарест считает, что это гробница жившего в начале VIII века царя Дос-Пиласа, известного под именем Правитель-2, поскольку

иероглифы его имени до сих пор не прочитаны. Известно, что этот таинственный правитель был одним из тех царей Дос-Пиласа, что вели захватнические войны и стремились к расширению своих владений.

За время царствования правителей Второго, Третьего и Четвертого Дос-Пилас раздвинул свои границы, охватив в общей сложности территорию в 4 тысячи квадратных километров, за сравнительно короткое время сделавшись самым большим городом-государством майя. Такое упорное стремление к захвату чужих территорий, вероятно, было вызвано желанием контролировать главные торговые пути. Но, как и в Копане, правители Дос-Пиласа не смогли удержать завоеванное, и в 761 году город пал. Церемониальная площадь превращается в поле битвы, а храм, окруженный наскоро вырытым глубоким рвом и высоким валом, становится чем-то вроде крепости. Город Дос-Пилас окружают несколькими рядами высоких стен, одна из которых проходит прямо по территории бывшего дворца и таких старых построек, как Лестница иероглифов. Фортификационные работы проводились в страшной спешке: некоторые части оборонительных сооружений наскоро скреплялись каменными блоками, выломанными из старых пирамид и храмов.

Десятки сломанных копий, найденных около вала, свидетельствуют о том, что бои шли и на территории ритуального центра. Неглубокие могилы, принадлежащие простым людям, говорят о том, что жители до последней капли крови защищали свои земли. Майянист Дэвид Фрейдел говорит: "Верховная власть пала, и все разлетелось вдребезги. Началась анархия. Следствием войны стал всеобщий хаос".

Демарест полагает, что накопившаяся в обществе враждебность и, как следствие этого, падение общественного строя привели к экологической катастрофе, положившей конец этому этапу цивилизации майя. Сам метод ведения военных действий у майя коренным образом изменился, и огромная территория была ввергнута в хаос, вероятно отразившийся и на экологической обстановке. И хотя до сих пор ученые спорят, что было причиной, а что следствием, важность самого открытия, сделанного Демарестом, признают все. Несомненно, что общество майя дошло до такого уровня жестокости, какой трудно было себе вообразить.

Но несмотря на все увеличивавшиеся масштабы катастрофы, майя еще не перевернули последнюю страницу своей истории. Севернее, на Юкатане, оставались города, которым еще только предстояло просиять славой. И тем не менее цивилизация майя прошла высшую стадию своего развития, ей никогда уже не подняться на прежнюю высоту. Могучие пирамиды, с вершины которых правители майя правили мирозданием, окутал туманный покров вечности.

ЗЕРКАЛО НАРОДА

Майя смотрели на мир со смешанным чувством восхищения и ужаса. По их представлениям, космос состоял из трех уровней: Верхнего мира, небесного, Срединного мира, земного, и Подземного мира, где обитают умершие. Миропорядок поддерживался только благодаря взаимной щедрости, проявляемой богами и людьми. Иными словами, боги одаривали майя пищей, потомством, солнечным светом, дождем и прочими благами жизни только в ответ на признание, уважение и поклонение. Знать и правители от имени всего народа совершали ритуалы, необходимые для того, чтобы земной и потусторонний миры всегда находились в согласии.

Развитие цивилизации майя происходило одновременно с эволюцией строго регламентированного классового общества. Правители, чья родословная, как принято было считать, восходит к богам, руководили горожанами во всех начинаниях — от сельскохозяйственных работ до военных походов. На самой вершине общественной пирамиды стоял

верховный правитель. Правитель в представлении майя был связан с иными мирами и потому считался наместником божества на земле. Хотя в основном наследственной считалась лишь отцовская линия, царские семьи порой вступали в выгодные союзы путем заключения браков, а знатные женщины могли подняться до самой высшей ступени общественной лестницы.

Убранство священной царской особы говорило не только о богатстве правителя, но и о сверхъестественной власти, которой он обладал. Одежания знати, а также их слуг и пленников представлены на терракотовых фигурках (на этой и следующей страницах), найденных в захоронениях на острове Джайна, расположенном в Мексиканском заливе недалеко от побережья Юкатана. Мужчина и женщина (наверху) явно принадлежат к высшему сословию. Круглые диски у них на груди — по-видимому, круглые зеркала, считавшиеся символами власти и высших достоинств: верховного правителя майя называли “зеркалом народа”.

ДВОРЦОВЫЙ БЫТ

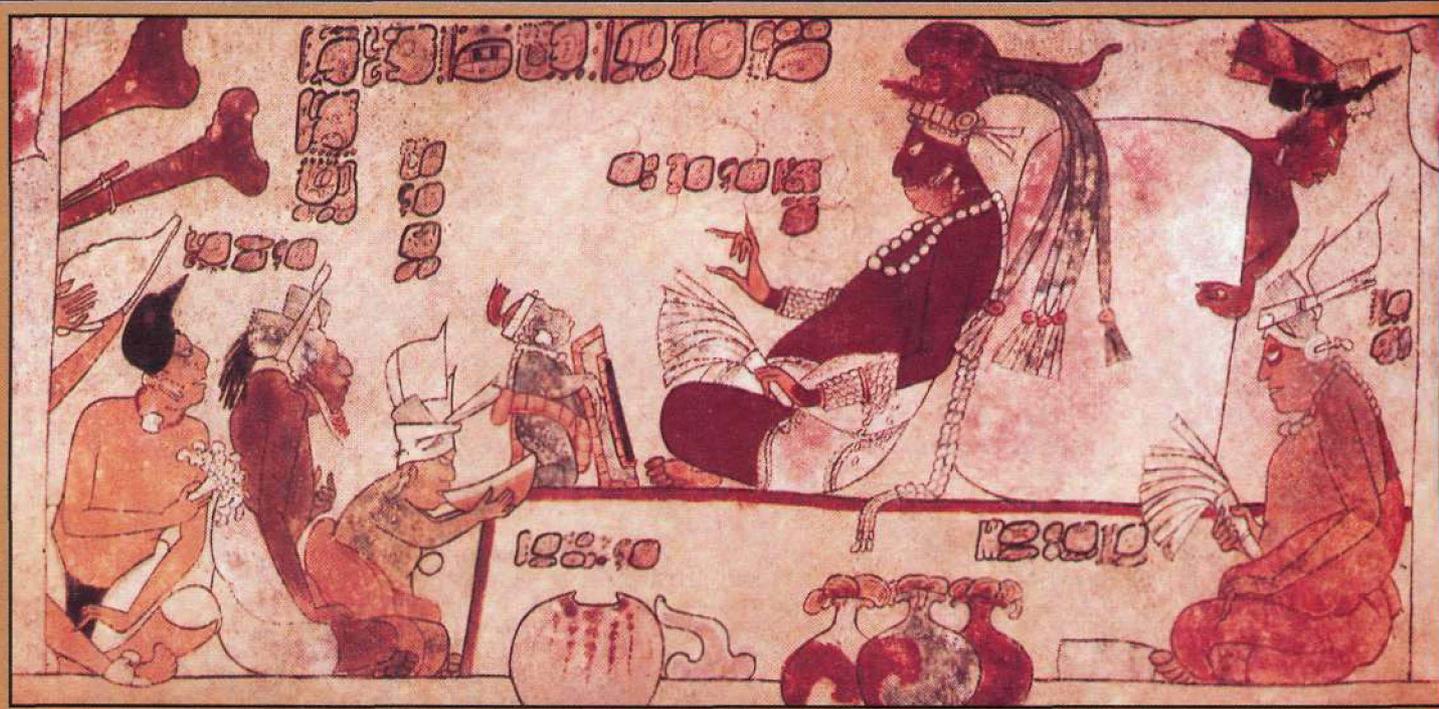
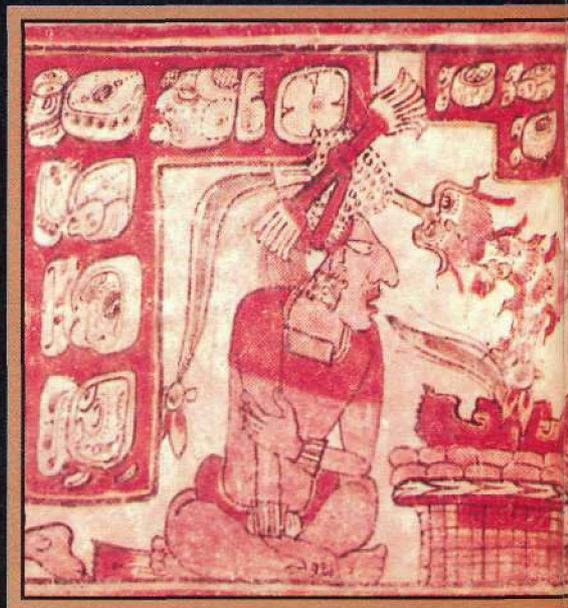
К началу “классического” периода майя наследственное право на власть воспринималось как нечто само собой разумеющееся. Высокое положение, конечно, ко многому обязывало, но и выгоды сулило немалые. Высокий социальный статус, данный по праву рождения, на всю жизнь обеспечивал знатному человеку материальный достаток, надежный кров, а также почет и уважение народа.

В центре города специально было выделено место для построек, представлявших собой жилища знати и административные здания. Так было, например, в Копане и Тикале, где царская фамилия насчитывала до ста человек, а кроме них во дворцах временно находились придворные, музыканты, писцы и ремесленники.

Рисунок на вазе, развернутое изображение которого помещено внизу,

дает представление о прелестях дворцовой жизни. Под звуки деревянных труб и раковины (слева) два представителя царского дома, с букетом цветов и веером, застыли в ожидании приказаний. Два карлика, слуги для особых поручений, сидят у ног правителя. Сам он, в пышном головном уборе и в украшениях из драгоценных камней, сидит, прислонившись к большой подушке, и, по-видимому, смотрит в зеркало, любезно подставленное карликом.

Мебели во дворцах было мало, в основном это были встроенные скамьи и платформы, а также переносные столы и табуреты. Тем не менее росписи, ювелирные и керамические изделия, ткани и скульптуры, сохранившиеся с тех давних времен, говорят нам о том, что дворцовые ритуалы обставлялись со всевозможной изысканностью.

Этот знатный вельможа надменно глядит на свое окружение — видимо, он твердо верит в незыблемость своего поло-

жения. Его дородная фигура, замысловатый головной убор, тяжелое ожерелье, не говоря уже о необычайно длинных ног-

тях, — все это подтверждает, что правители майя жили в неге и роскоши, ни в чем себе не отказывая.

Правитель майя, сидя на троне, принимает почетных гостей. Каждый из них, в знак уважения, держит себя за локоть. Кроме того, гости принесли с собой подарок — отрез ткани (его мы видим в руках человека свиты, стоящего на коленях справа).

Судя по широким жестам и решительному выражению лица, этот вельможа произносит вдохновенную речь — может быть, исполняя какой-то дворцовый ритуал. Фигурки из обожженной глины с острова Джайна показывают представителей высшего сословия в равнообразных ситуациях, подчеркивая при этом особенности поведения и внешнего облика людей.

МУЗЫКА И ТАНЦЫ РАДУЮТ БОГОВ

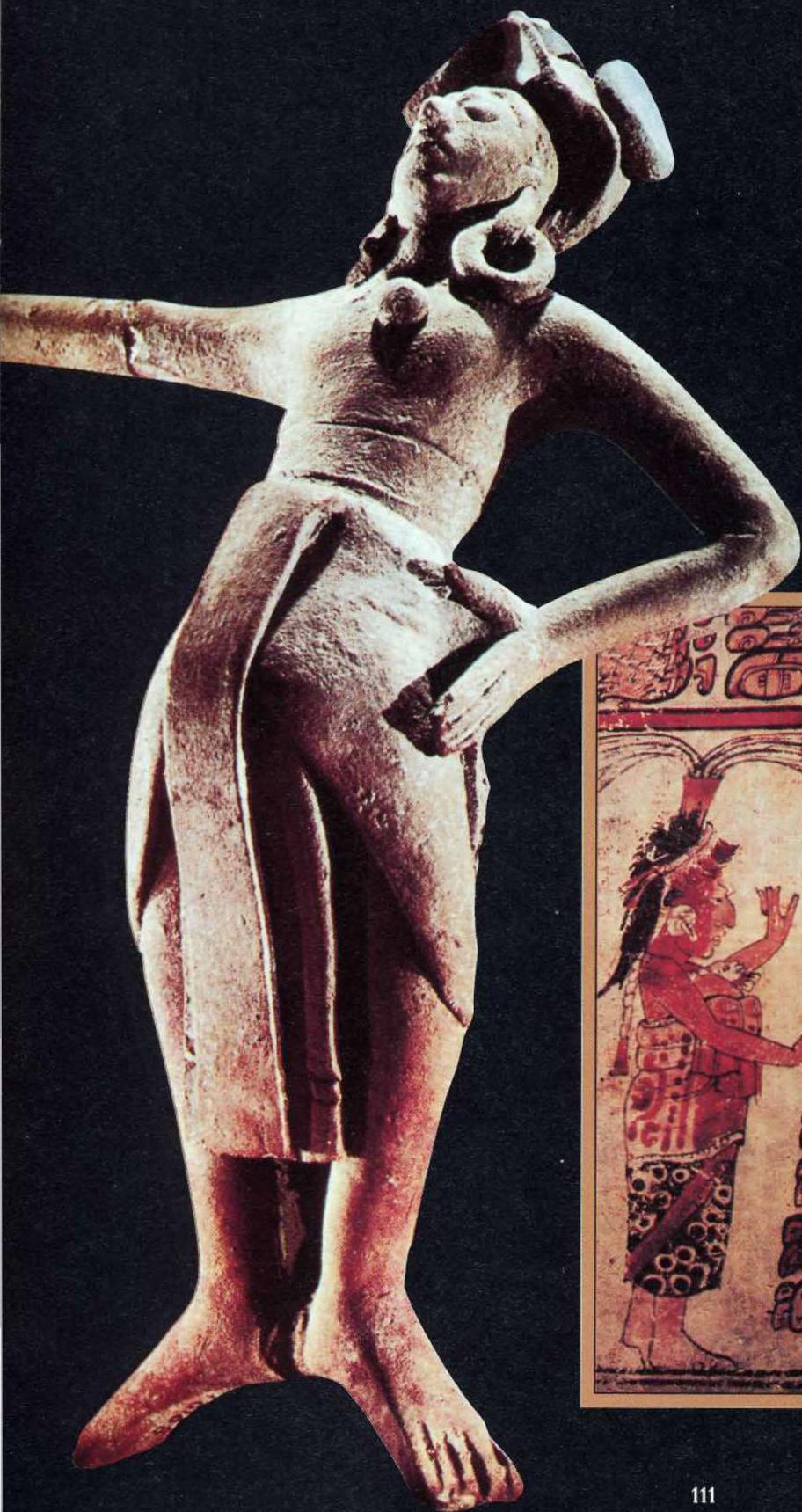
Музыка и танец были неотъемлемой частью жизни майя, с их помощью люди выражали свою благодарность богам. Звуками музыки и хореографией сопровождалась все массовые мероприятия: мирные и военные походы, охота и полевые работы, культовые церемонии. Танцоров и музыкантов мы видим на стенах дворцов, на расписных вазах и других памятниках майя, но, к сожалению, мы не можем услышать звучавшую тогда музыку или предста-

вить себе ритм движений танцовщиков.

Мы видим шествие музыкантов, бьющих в барабан, дующих в большие витые раковины, дудки и свистки. Танцовщики выступают парами, поодиночке или группами. Барабаны у майя были деревянные, глиняные или сделанные из целого черепашого панциря. Свои трубы майя делали из морских раковин или длинных высушенных тыков, насаженных на деревянные трубки. Дудки и свистки делались из дерева или оленьих костей.

Охотники, вооруженные трубками для выдувания стрел, празднуют успешное окончание охоты на оленя: они направляются домой, победно трубя в раковины. В наши дни их отдаленные потомки выменивают набедренные повязки и трубки-стрелометы на джинсы и охотничьи ружья.

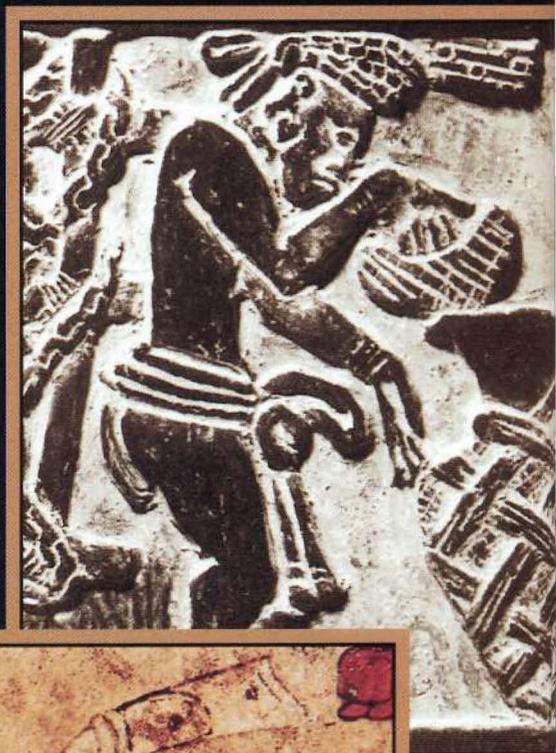
Эта элегантная пара готовится танцевать (внизу). Художник, выполнявший роспись на вазе, дал только намек на движение (левая нога женщины чуть приподнята). А скульптура с острова Джайна (слева) — само движение. Мы видим, как некий правитель до самозабвения погрузился в стилию танца.

Эта глиняная фигурка знатного вельможи, пристрастившегося к выпивке, в набедренной повязке и с кувшином в руке, явно наводит на мысль о том, что майя находили повод для возлияний и помимо ритуальных праздников.

Зловещие птицы летят над вопящим человеком, погруженным в транс, — такой ритуал изображен на рельефном керамическом сосуде. В ритуале участвует помощник (слева); он готовит настой, который будет введен с помощью клизмы (справа). Во время ритуалов в тело человека вводились разнообразные наркотические вещества, но самым сильным средством, вызывавшим видения, был дурман из сока одного местного растения.

Майя курили наркотики, добываемые из разных растений. На этом рисунке знатный человек держит в зубах горящую сигарету.

ту. Майя курили и нюхали дикорастущий табак, который был крепче культивируемых сортов.

В ПОГОНЕ ЗА ПРИЗРАКАМИ

Таинственная связь между живыми людьми, богами и предками достигалась во время разнообразных ритуальных актов, которые должны были дать возможность выхода из мира людей в мир духов. Участники ритуальных действий специально доводили себя до такого состояния, когда в помутившемся сознании возникают видения, что означало для них выход в иной мир. Майя употребляли настой из сока некоторых растений, в том числе ядовитых и содержащих галлюциногенные вещества, чтобы вызвать видения, но главным образом для того, чтобы достичь состояния, предшествующего главному сакральному действию: кровопусканию.

Поводов к этому действию у майя было достаточно. Каждое сколько-нибудь значительное событие — рождение или смерть, сев кукурузы или

восшествие на престол — требовало неизменного подношения богам. Кровопускание было не просто символическим актом: люди показывали богам, что приносят им в жертву самое дорогое, что у них есть.

Фигурка справа изображает человека, который совершает обряд кровопускания. Его головной убор, ушные украшения и набедренная повязка говорят о том, что он принадлежит к высшему сословию, а веревка, висящая у него на шее, как у пленника, — это знак наказания. Прокалывая свои гениталии (в иных случаях прокалывали язык или мочки ушей), он ждет, пока капли крови не смочат кусок древесной бумаги. Когда бумага намокнет, он сожжет ее, и облачка дыма, поднимаясь к небу, станут пищей богов.

Пышные наряды игроков в мяч, изображенных на вазе, указывают на чисто церемониальный характер игры. Однако

при этом игра была небезопасной: на игроках видны приспособления, сделанные, вероятно, из дерева и кожи, которые

защищали туловище от удара мяча, весившего приблизительно четыре килограмма.

ИГРА НЕ НА ЖИЗНЬ, А НА СМЕРТЬ

Игра в мяч, ставшая популярной в "классический" период майя, была не просто невинным развлечением. На специальных каменных площадках, устроенных рядом с основными культовыми сооружениями города, участники этого состязания воспроизводили мифологический сюжет о героях-близнецах, игравших в мяч с богами подземного мира. И точно так же, как в мифическом предании, где речь шла о выборе между жизнью и смертью, в реальном состязании проигравшего иногда приносили в жертву.

Правила игры до нас не дошли, но детальные изображения игроков в мяч

дают нам некоторое представление об игре. Тяжелые "латы" закрывали руку от запястья до локтя, колени и среднюю часть туловища, защищая от ударов тяжелого каучукового мяча, который был бы похож на футбольный, будь он полый внутри. Художники майя предпочитали статические позы, но даже и по таким рисункам видно, что нужна была недюжинная сила, чтобы вести игру. На этом рисунке один из игроков занял оборонительную позицию, а второй пригнулся к земле, чтобы не дать мячу коснуться каменного пола площадки.

Довольно долго археологи старались по возможности уйти от непри-

ятной мысли о том, что игра в мяч содержала в себе элементы жертвоприношения, и тем не менее изображения и надписи майя гласят, что иногда это были игры со смертельным исходом. Пленников, имя и положение которых записано иероглифами, заставляли выступать против другой команды рабов или против местной знати. Кровавый конец игры мог выглядеть по-разному: проигравшего забивали до смерти тяжелым мячом или отрубали ему голову. Иногда проигравшего туго связывали и, сделав из него живой мяч, спускали по ступеням храмовой лестницы или гоняли по площадке.

По контрасту с левой фигурой, на этом игроке в мяч вообще нет ничего похожего на специальный костюм. Он одет как обычный пленник, только в руке сжимает мяч. По некоторым признакам (капли крови на лице, кусок ткани, перекинутый через руку, обрванные волосы, разбитый нос) можно представить себе, что этот человек проиграл и, возможно, вскоре расстанется с жизнью.

Благородный участник игры в мяч отдыхает, его фигура при этом полна достоинства и сосредоточенности — что довольно странно, если вспомнить о жестокостях этого вида спорта. Облеченный в набедренную повязку из шкуры ягуара, в правой руке он держит какой-то каменный снаряд. Майя знали несколько видов игры в мяч, и, судя по снаряжению, это была одна из неизвестных нам игр.

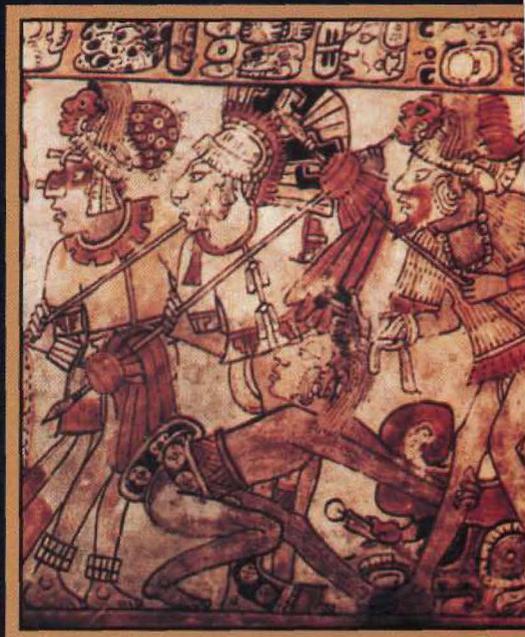
ВОЙНА ПРАВИТЕЛЕЙ

Отсутствие каких-либо следов внешних военных конфликтов и оборонительных укреплений позволили археологам XX столетия сделать вывод, что майя, в отличие от ацтеков, вели мирный, чуть ли не идиллический образ жизни. Но более близкое знакомство с искусством и литературой майя привело к новому пониманию этого общества, где люди думали не только о том, как бы поиграть в мяч, но часто затевали войны и приносили своим богам кровавые жертвы. Военные походы майя носили ритуальный характер, это были необычные войны, для них характерны пышность приготовлений, короткий период самого сражения и огромное количество пленных.

Перед каждой схваткой был период повышенной религиозной активности, во время которого люди старались заручиться помощью богов. Затем воины

облачались в специальные наряды: надевали громоздкие головные уборы с перьями, платье из ягуаровых шкур, увешивали себя разными драгоценными украшениями, амулетами и т. п. При этом оружие брали с собой самое простое: копья, ножи, дубины и мечи.

Воюющие ставили перед собой цель захватить как можно больше пленных, а не убивать врагов на полях сражений, поэтому правители майя, сражавшиеся вместе со своим войском, полагались на стратегию и хитрость в той же степени, как на грубую физическую силу. Попавшие в плен простолюдины становились рабами, а у знатных пленников отбирали пышные одежды и украшения, наносили им увечья и выставляли напоказ, перед тем как принести в жертву жестоким богам. И все это делалось ради всеобщего блага!

Правитель собирается на войну, ему помогают знатная женщина и ее служанка. Женщина протягивает воителю трофейную голову, служанка держит щит. Иерог-

лифы над ее головой читаются как "сосуд с какао", а значит, сосуд, на котором изображена эта сценка, предназначался для хранения ценных какао-бобов или напитка

какао. Может быть, этот сосуд был специально сделан и положен в гробницу для того, чтобы умерший правитель пользовался им в загробной жизни.

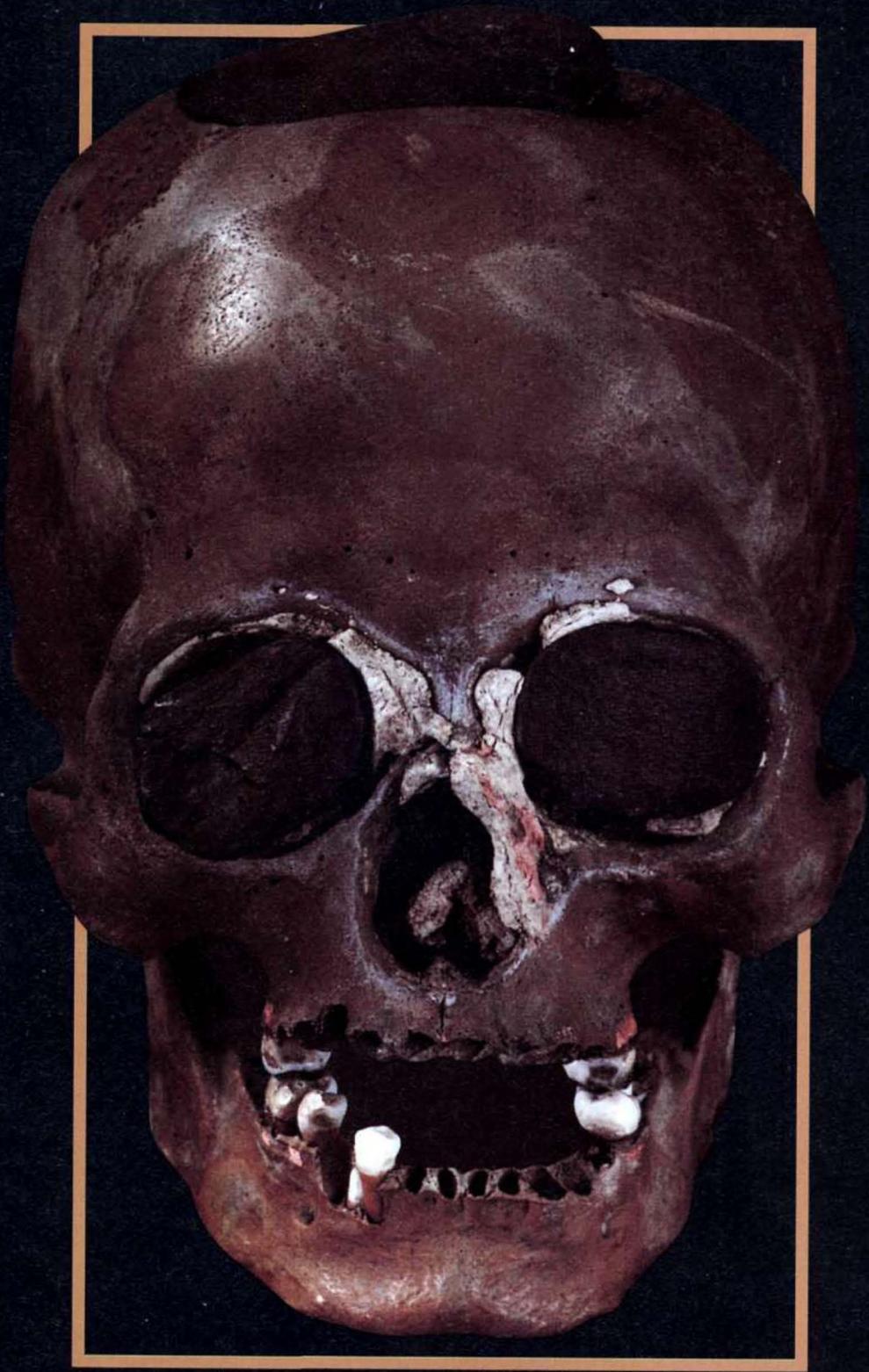
Солдаты майя "классического" периода вступают в бой, вооружившись копьями и облачившись в специальные воинские одеяния, увешанные головами-трофеями. Пленник (слева) схватился за

ногу захватившего его воина, который крепко держит пленного за волосы (знак поражения), и, оборачиваясь назад, умоляющим взглядом смотрит на своих соотечественников.

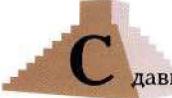

Пленник, которого приносят в жертву (внизу, вид сбоку и сверху), кричит от невыносимой боли. С него сняли скальп, вынули внутренности, а руки и ноги покалечили. К его спине привязаны деревянные поленья, которые вскоре запылают.

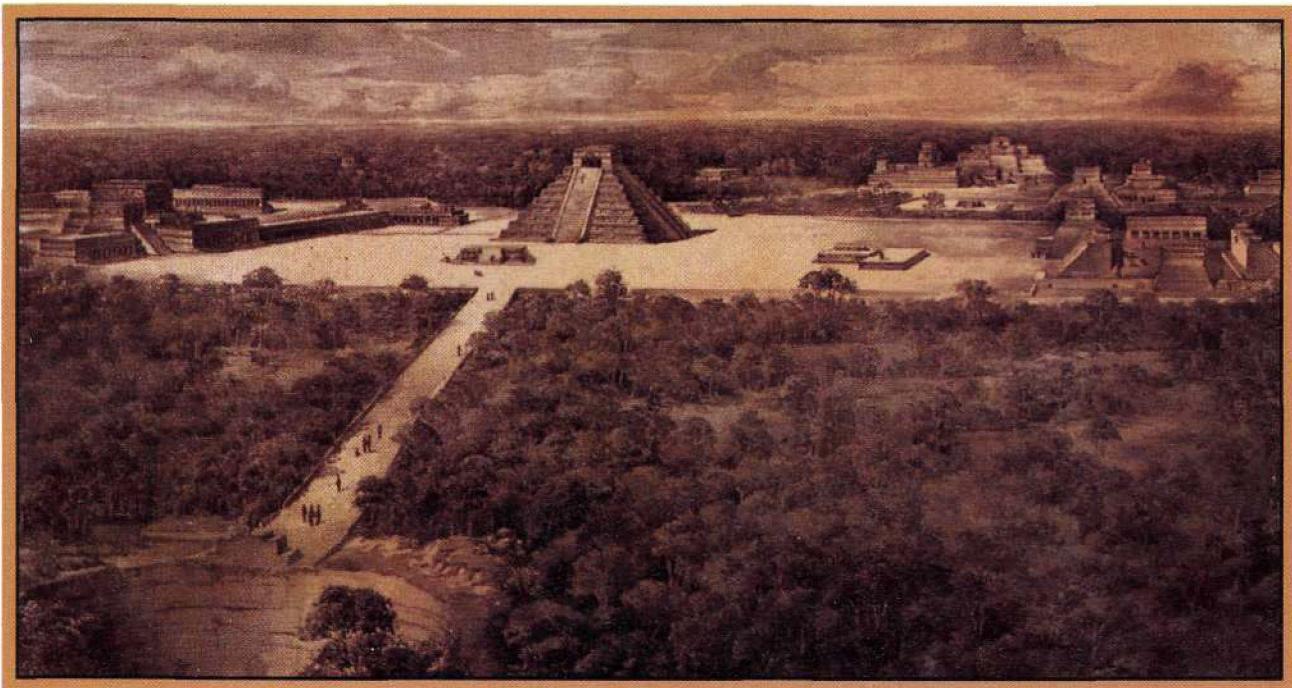

ЗЛАТЫЕ ДНИ ЮКАТАНА

 С давних времен о священном колодце в городе Чичен-Ица идет дурная слава. Чичен-Ица — излюбленное место паломников и исследователей. Джон Ллойд Стефенс в своих странствиях по Юкатану добрался и до этих мест и, с трудом преодолевая необъяснимое отвращение, долго смотрел в темно-зеленые стоячие воды овального карстового колодца, уходящего на глубину 20 метров. Стефенс, чьи красочные и точные описания городов майя по праву заслужили высокую оценку читателей, почему-то мало рассказал о знаменитом “сеноте” (карстовой воронке); в его пространственных путевых заметках о нем всего один абзац. Этот естественный водоем, типичный для Юкатана, представляющий собой овальное углубление в слое известняка (до 60 метров в поперечнике), оказался “самым большим и жутким из всех виденных нами прежде, — писал Стефенс. — Его неровные стены отвесно уходили вниз, а выросшие на камнях деревья так густо оплели оком, что вода под их кронами была совсем темной; в глубокой тиши казалось, что некий дух молчания витает над колодцем. Все здесь было пронизано тайной, и невольно вспоминались сообщения о том, что некогда колодец в Чичене был местом паломничества и что в него бросали живых людей, принося их в жертву богам”.

Первые упоминания об этом появились в XVI веке, вскоре после того как испанцы высадились в Новом Свете. “Был у них обычай, — писал епископ де Ланда об индейцах майя, — бросать в этот колодец живых людей, и они верили, что люди те не погибают, хотя никто их больше не видел”. По словам другого испанского хро-

Археолог-любитель Эдвард Томпсон, отважившийся спуститься на самое дно Колодца жертв, извлек из темных глубин эту курильницу, сделанную из черепа молодого мужчины. Несмотря на то, что сосуд пролежал под водой 400 лет, внутри хорошо сохранились остатки ароматической смолы.

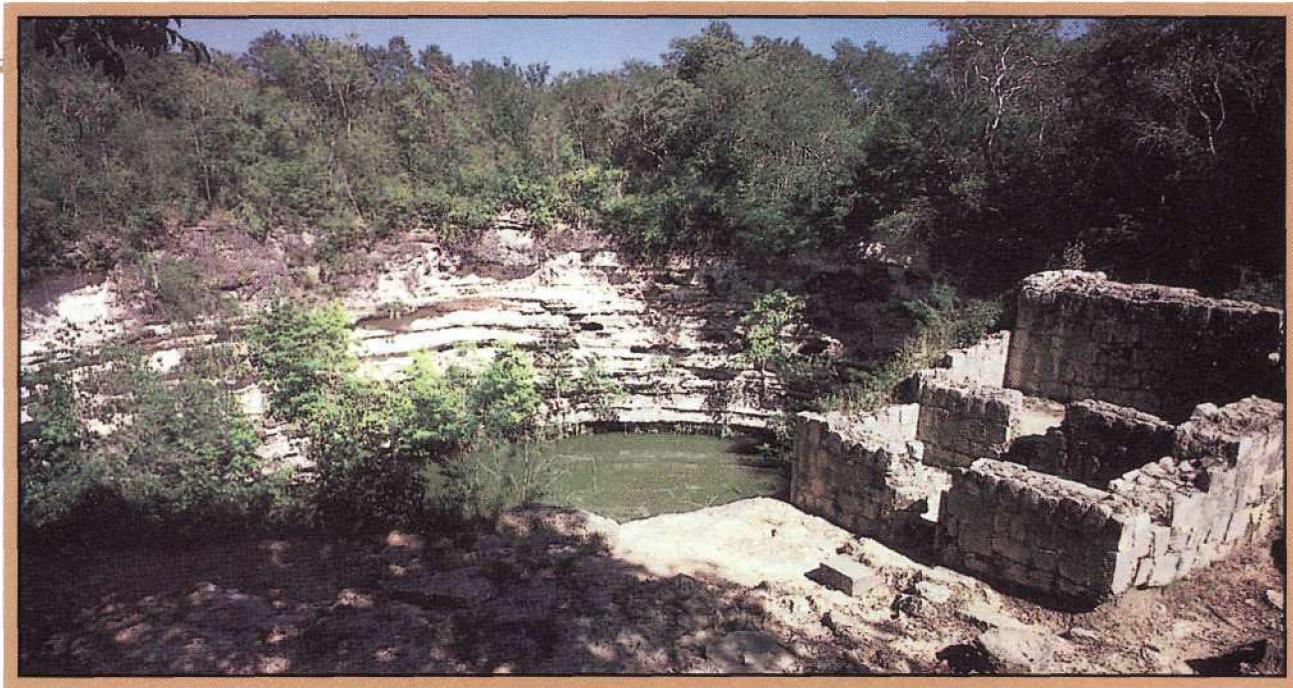

ниста, правители майя кидали в колодец “принадлежащих им женщин”, наказывая им разузнать у подземных богов, будет ли следующий год благоприятным. Человеческие жертвоприношения совершались, по-видимому, во времена засухи, голода или в разгар эпидемии чумы — люди надеялись умиловать грозных богов. Но одно из замечаний де Ланды особенно заинтересовало его современников, а затем и более поздних исследователей. Он писал: “Также бросали туда и многое другое, например, самоцветные камни и вещи, какие считали наиболее ценными. И если бы было в их стране золото, то в этом колодце должна бы находиться большая часть его, так велико было почтение, которым индейцы окружали это место”.

“Священный сенот”, или Колодец жертв, как его называли испанцы, сулил двойную выгоду тем смельчакам, кто отважился бы проникнуть в его глубины: им предоставлялась возможность не только выяснить, правду или нет говорят о жертвоприношениях, но также и захватить со дна себе в награду кое-что поинтереснее костей. Первым решил попытать удачи француз Дезире Шарнэ, в конце XIX века объехавший большую часть Юкатана. В 1882 году он прибыл в Чичен-Ицу с двумя землечерпалками, намереваясь вычерпать ил и грязь, толстым 11-метровым слоем лежащие на дне колодца и занимавшие чуть меньше половины его объема. Но неправильно рассчитав высоту утеса, равно как и глубину колодца, он так и не смог приступить к намеченным работам. За ним настала очередь Эдварда Томпсона.

Томпсон был одним из последних великих археологов-любителей. Он родился в 1856 году в Ворчестере, штат Массачусетс, в семье железнодорожного агента и получил инженерное и экономиче-

Татьяна Проскурякова, представившая эту реконструкцию Чичен-Ицы 1100 года н. э., особо подчеркнула связь “Священного сенота” (или Колодца жертв) с городским церемониальным центром. Насыпная дорога соединяет колодец (на переднем плане слева) с площадью, на которой стоит Храм Кукулькана (другое название — Эль-Кастильо).

Сегодня слоистые известняковые берега и мутно-зеленая вода "Священного сенота" выглядят так же зловеще, как в описаниях Джона Ллойда Стефенса. Остатки каменной постройки на самом краю обрыва, представленные на реконструкции Проскуряковой в виде ступенчатой платформы, могли быть тем самым местом, откуда жертву сбрасывали вниз.

ское образование, но тайны прошлого не давали покоя его воображению. Первой его попыткой сказать новое слово в майянистике была статья, опубликованная в 1879 году, в которой он доказывал, что майя и другие индейцы являются потомками оставшихся в живых жителей Атлантиды (с этой точкой зрения он впоследствии расстался). Его заметили два престижных исследовательских центра: Американское антикварное общество в Ворчестере и Музей Пибоди в Гарварде. Довольно быстро ему удалось убедить эти два солидных учреждения подписать программу археологических исследований на Юкатане, а сам он с их помощью получил назначение на место консула США в Мериде на Юкатане. И в 1885 году он прибыл в Мерида, чтобы начать изучение памятников майя, продолжавшееся 40 лет и обогатившее науку разнообразной и ценной информацией о различных сторонах жизни майя.

Из всех памятников архитектуры майя Томпсону больше всех нравился город Чичен-Ица, расцвет которого приходится на время между 1000 и 1200 годом (южные города майя "классического" периода к тому времени уже давно постигла печальная участь). В 1894 году Томпсон купил гасиенду, на территории которой находились развалины этой "северной жемчужины" древней архитектуры, и сразу же начал обдумывать план, как добраться до содержимого колодца. Добраться до дна он мог тремя способами, ему предстояло выбирать, что лучше: вычерпывать ли грязь со дна, выкачать ли воду или самому нырять за сокровищами. Возможность выкачать воду отпадала, поскольку стенки колодца были сложены из очень пористого известняка и поверхностные воды быстро наполнили бы его снова. Так что оставалось или черпать, или нырять, или и то и другое вместе.

Он решил сначала очистить дно, а затем уже, если понадобится, и нырять, но прежде всего необходимо было где-то раздобыть денег, закупить и доставить на место оборудование и, разумеется, научиться нырять. Он приобрел землечерпалку, кран-подъемник с девятиметровой стрелой и ручную лебедку, а затем стал брать уроки подводного плавания у одного бостонского водолаза по имени Эфраим Никерсон. Со временем он стал, по его словам, “довольно сносным водолазом, хотя бывают и лучше”.

В начале марта 1904 года все приготовления были позади: кран надежно укреплен на высоком берегу водоема, четыре индейца стояли у лебедки, а Томпсон смотрел, как под водой исчезает кукла — муляж, сделанный

наподобие человека и весивший примерно столько, сколько весит взрослый человек. Эту куклу специально бросили с обрыва в пропасть, чтобы определить, где следует искать останки настоящих жертв. Металлический ковш, покачившись над колодезем, бесшумно скользнул под воду. Через несколько минут трос натянулся и вода вокруг него забурлила, ковш подняли на берег и опрокинули. Томпсон стал рассматривать содержимое, но ничего интересного не увидел. “То же самое можно найти в любой выгребной яме”, — посетовал Томпсон на первую неудачу.

Так продолжалось примерно с неделю, и Томпсону стало казаться, что еще немного — и его поднимут на смех. Наконец в одно ненастное утро из ковша выпали два предмета, слегка напоминающие по форме страусиные яйца. Это были желтые комки смолы, как верно сообразил Томпсон. Такую смолу индейцы майя поджигали во время жертвоприношений. Томпсон отколупнул кусочек и поджег — воздух наполнился сладким ароматом, напоминающим запах ладана.

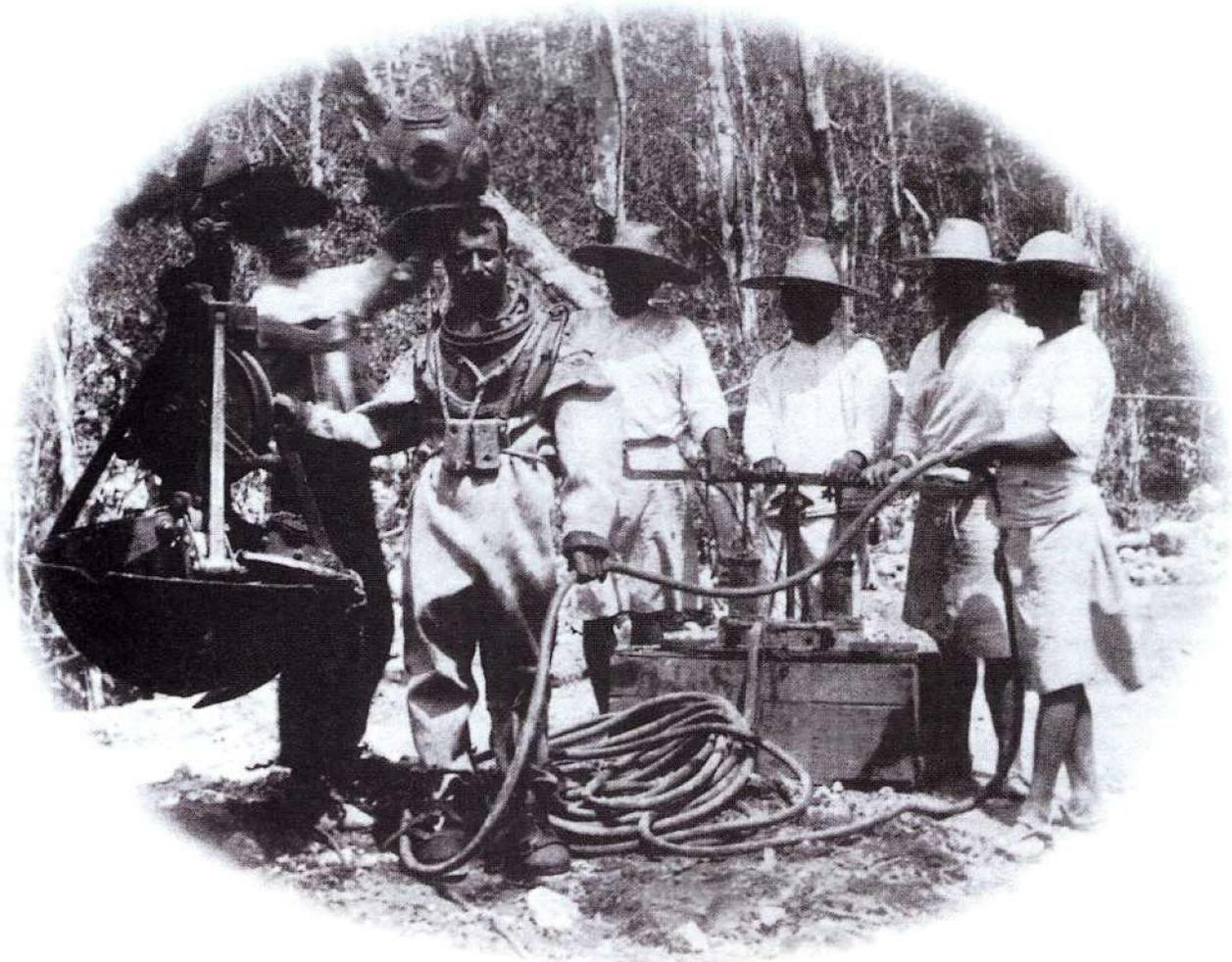
В другой раз из ковша извлекли два предмета, оказавшиеся останками человека: это был обломок плечевой кости и фрагмент кости

Рабочие, нанятые Томпсоном, управляют-ся с землечерпалкой, установленной на краю “Священного сенота”. Работы продолжались семь лет, в течение которых со дна было поднято более 30 000 предметов, представляющих археологическую ценность. В результате поисковых работ 1961 года (с применением более сложной техники) ученые собрали новую коллекцию из 4000 образцов.

пальца. Потом были подняты какие-то деревяшки, покрытые резьбой, глиняные черепки и кусок нефрита. С тех пор землечерпалка каждый раз приносила им что-нибудь любопытное: сосуды на трех ножках — триподы, наполненные смолой или каучуком, деревянные орудия, вазы, обсидиановые ножи, попадались даже копьеметательные снаряды, назначение которых станет известно лишь после того, как исследователи начнут изучать фрески и рельефы других памятников майя. Однажды индейцы, разбиравшие содержимое ковша, вдруг как по команде отпрянули назад, показывая пальцами на черную змею с белым кольцом на шее, притаившуюся в грязи. При ближайшем рассмотрении это оказалась, как пишет Томпсон, каучуковая змейка, точная копия “маленькой, но смертельно ядовитой гадюки”.

В конце концов со дна подняли череп — до блеска отмытый, хорошо сохранившийся, скорее всего девичий. Следующей находкой, неприятно поразившей Томпсона, стала “пара изящных маленьких женских сандалей; очевидно, их носила когда-то прекрасная благородная дама. И не отмытые добела кости и черепа, не какие-то там редкости, а именно эти сандалии внезапно донесли до моего сознания весь ужас этой древней трагедии, этой абсолютно бессмысленной,

Водолаз готовится к погружению на десятиметровую глубину на дно колодца. Когда Томпсон в 1909 году впервые исследовал дно этого колодца, у него было похожее снаряжение, состоящее из непромокаемого костюма, медного шлема, весившего 14 килограммов, и ботинок на кованых железных подметках. Несмотря на долгие тренировки, у Томпсона при погружении закладывало уши.

хотя и совершенной с благими намерениями жертвы”. Землечерпалка работала исправно, доставляя наверх все новые черепа и кости, которых, по словам Томпсона, было “великое множество” (правда, систематический анализ показал, что это останки 42 жертв). Ровно половину из них составляли взрослые — 13 мужчин и 8 женщин. Вторую половину составляли юные жертвы — 7 детей в возрасте от 10 до 12 лет, а остальные еще младше. Все это подтверждало слова де Ланды о том, что “есть и такие, кто от избытка рвения отдают своих детей” в жертву. Находки Томпсона опровергли бытующее мнение о том, что жертвами были только юные девушки. Но не оставалось никаких сомнений в том, что Колодец жертв получил свое название не случайно.

Но как же насчет уверений де Ланды о том, что темные глубины таят в себе несметное количество золота? Через девять месяцев с начала операции со дна были подняты первые находки подобного рода, правда, часть изделий была из меди: статуэтки, крошечные бубенчики, кольца, чашки, сосуд и фрагменты церемониальной маски. Золото и медь, так же как обсидиан и нефрит, были на Юкатане привозными, их доставляли из других областей Центральной Америки. Присутствие в колодце таких ценных предметов лишний раз подтвердило, насколько важны для майя были ритуальные жертвоприношения.

Эти золотые украшения для глаз и рта с чеканным орнаментом в виде знаменитого пернатого змея и фигур подземного царства были подняты Томпсоном со дна “Священного сенота”. В IX веке н. э. из золота, привозимого в Чичен-Ицу из южных областей Центральной Америки, майя делали украшения, рисунком своим напоминающие рельефы на стенах местных храмов.

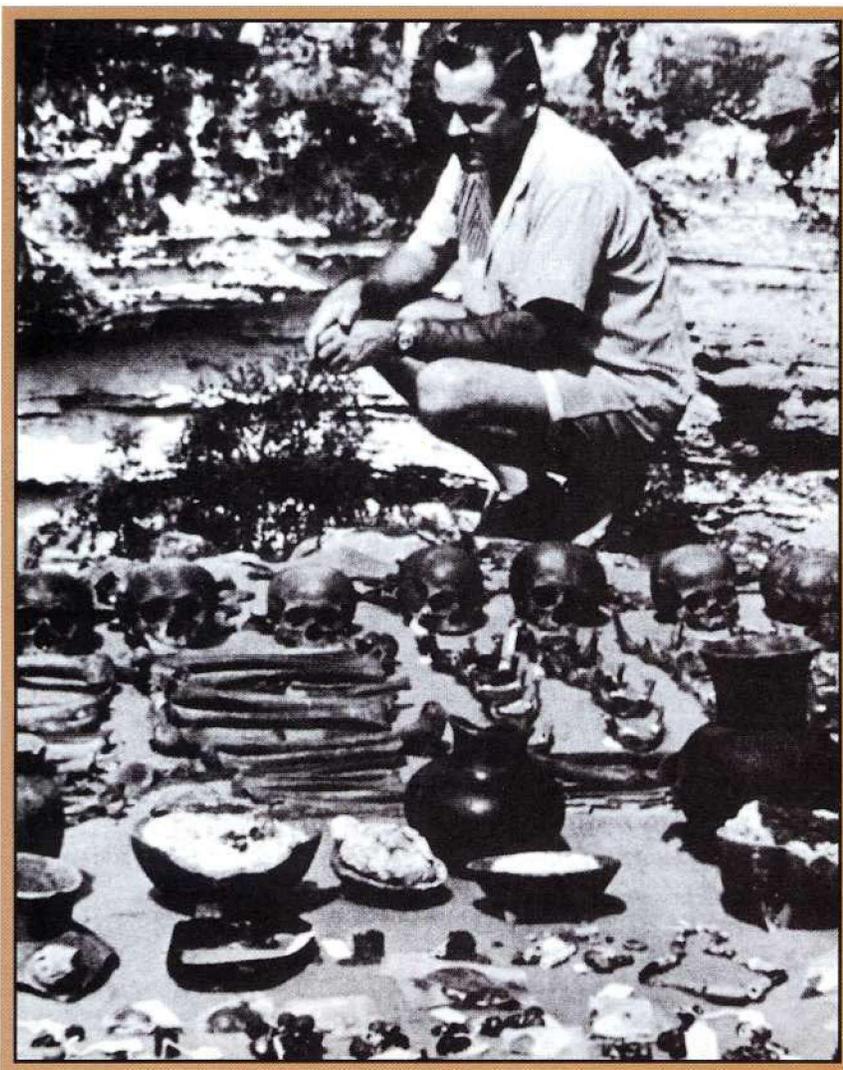
Работы по расчистке дна продолжались с небольшими перерывами еще несколько лет. Наконец, в 1909 году Томпсон решил, что одной землечерпалкой, “без помощи рук”, теперь не обойтись. Пришло время нырять.

Снаряжение его было довольно неуклюжим: костюм из резиновой ткани, на голове — тяжелый медный шлем с плоским стеклянным окошком. Вместе с Томпсоном нырял его помощник, профессиональный охотник за морскими губками. Этот опытный ныряльщик с Багамских островов показал местным индейцам, как обращаться с дыхательной трубкой — спасительной нитью подводников. Но когда Томпсон ступил на веревочную лестницу, чтобы начать свое первое погружение, члены команды всем своим видом выказывали ему сочувствие. “Каждый из них с очень серьезным видом пожимал мне на прощанье руку, — вспоминал Томпсон. — Они словно говорили последнее “прости”, не надеясь

увидеть меня вновь. Затем, отпустив веревку, я пошел на дно, как свинцовое грузило”.

Пока шло погружение, вода меняла свой цвет от желтого до зеленого, пока наконец не стала совсем черной, так что не помогал даже свет ручного фонаря. Томпсон вдруг с волнением подумал, что до него здесь “не бывало ни одной живой души — все попадали сюда уже мертвыми”. Пятидесятирехлетний Томпсон двадцать лет ждал этого часа, и вот наконец свершилось! “Я очень хорошо помню свои ощущения: как я нащупывал в темноте странные мелкие предметы вроде монет, орешков и колечек, — рассказывал он впоследствии своим коллегам. — Набрав два-три десятка, я дал сигнал и начал подъем. Еще не освободившись полностью от водолазного костюма, я сунул холодную руку в сумку, из которой все еще вытекала вода, и вынул из нее прекрасные кольца, золотые медальоны с резьбой и филигранью, поразив-

Ф. Кирк Джонсон, инициатор третьего этапа подводных работ на дне “Священного сенота”, осуществленного в 1967 году, смотрит на ряды человеческих костей, черепов, керамических и прочих изделий, поднятых со дна колодца. Находить предметы стало легче после того, как в воду добавили хлор, на время уничтоживший мелкие водоросли и сделавший ярко-зеленую воду прозрачной.

тельные по замыслу и исполнению". Он напал на настоящий клад, тем более ценный, что имел и археологическое значение.

Предметы, которые Томпсон поднял со дна священного колодца и передал музею Пибоди, составили целую коллекцию. Никогда еще на одном месте не удавалось найти сразу столько предметов, относящихся к культуре майя. Золотые маски, медный диск, украшенный резными фигурками, каменная статуэтка, которую Томпсон сравнил с роденовским "Мыслителем", каменные ножи и топоры, которыми, вероятно, убивали жертв, — все это позволило лучше понять жизнь людей, населявших Чичен-Ицу. Произведения искусства, продемонстрировав эстетическое своеобразие древней культуры, подробно рассказали о ритуалах майя, изделия из металла — о торговых связях народов, ткани, прекрасно сохранившиеся на глубине благодаря отсутствию кислорода, дали представление о том, как одевались люди. Более того, ученые установили, что надписи на двух нефритовых кольцах, найденных в колодце, относятся к 690 и 706 годам н. э., а это значит, что люди бросали в сенот фамильные драгоценности или сокровища, позанствованные из гробниц "классического" периода, а может быть, это знак того, что на территории Чичен-Ицы люди стали селиться намного раньше, чем возник город.

В майянистике времен Томпсона принято было разделять историю майя на два периода: "Старую империю" на юге, просуществовавшую до X века, и "Новую империю" на Юкатане, с вероятной столицей в Чичен-Ице. Но после того как ученые больше узнали о системах летосчисления майя, стали лучше разбираться в архитектурных стилях, накопили достаточно много археологических данных обо всем регионе — только тогда стало ясно, что никакого строгого разделения на северную и южную, старую и новую культуру у майя не было, что цивилизация майя непрерывно развивалась в пределах культурно-географического единства — континуума. Радиоуглеродный метод датировки и прочие свидетельства показали, что на Юкатане города существовали задолго до того, как пали великие центры в Гватемале и Гондурасе, кроме того, некоторые типичные черты искусства и ремесел юга наблюдаются и в искусстве северных городов. Большинство современных ученых считают, что никакой внезапной миграции населения с юга на север не было и что, несмотря на закат славы южных городов — Копана, Тикаля и Паленке, — две культурные области некоторое время сосуществовали бок о бок.

Но тем не менее было существенное различие между северной и южной культурами. Северяне, бесспорно игравшие важ-

ную роль на последнем историческом этапе развития майя, построили пять-шесть крупных городов, помимо Чичен-Иццы. Это были церемониальные или административные центры, такие, как Кобá и Майяпан, а также города-спутники — Ушмаль, Кабах и Сайиль — в холмистой местности под названием Пуук. Эти города находятся на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга (не больше 25 километров), возвышенность Пуук на Юкатане изобилует поселениями. Стефенс и Казервуд, путешествуя то пешком, то верхом, иногда могли в один день набрести на три таких города.

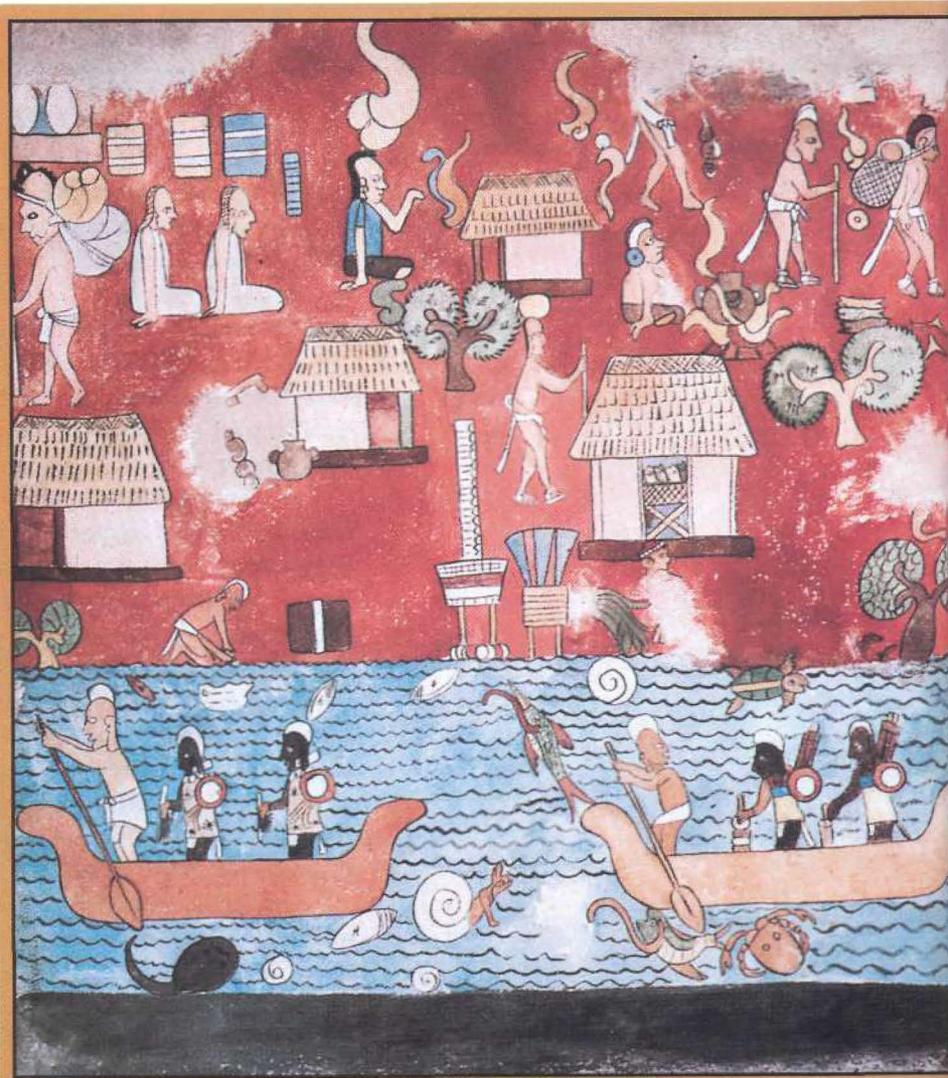
Некоторые города Юкатана были соединены дорогами, через них пролегли торговые пути, ведущие к старым, южным центрам майя. Археологи считают, что жизнь северных городов была подчинена земным, практическим интересам. Там сложился особый архитектурный стиль и собственные исторические традиции, зафиксированные в “Книгах Чилам-Балам”. Эти книги, затранскрибированные латиницей во время испанского завоевания, были чем-то вроде летописи народа. Каменные рельефы и надписи указывают на то, что некоторые северные города и управлялись не так, как южные: вместо одного всемогущего правителя, чья власть передавалась по наследству, на севере иногда правила группа лиц знатного происхождения.

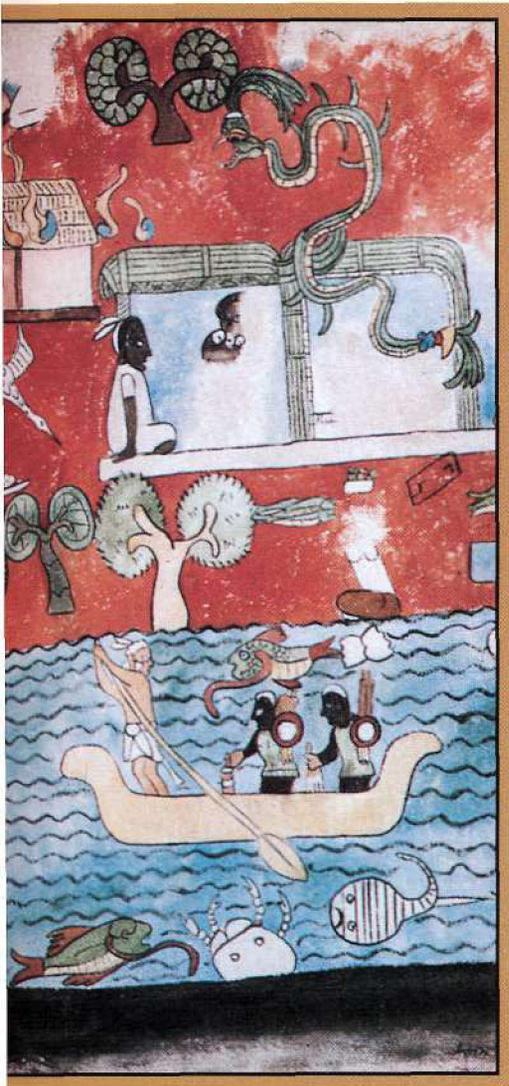
Юкатанские майя, по-видимому, вели между собой более жестокие войны по сравнению с теми, что велись их собратьями на юге. Хотя подробные описания конкретных сражений отсутствуют, известно, что воины из Чичен-Иццы сражались против воинов из Ушмаля и Кобы, а позднее люди из Майяпана напали на Чичен-Иццу и разграбили ее. В последние десятилетия накануне испанского завоевания общество майя выродилось в горстку враждующих между собой городов-государств.

По мнению ученых, на поведении северян сказалось влияние других народов, вторгшихся на территорию майя. Не исключено, что вторжение происходило мирным путем, хотя это и маловероятно. Например, епископ де Ланда слышал от людей, что в Чичен-Ице одно время правителем был Кукулькан, пришедший с запада, и что люди, которых называли “ица”, напали на этот город и захватили его. Известно, что Кукульканом майя называли божественного правителя Кецалькоатля из пантеона тольтеков — народа, населявшего центральные районы Мексики за несколько веков до того, как туда пришли ацтеки. На основании этого ученые предположили, что Кукулькан — тольтекский правитель, который занял Чичен-Иццу во время большого завоевательного похода. В самом деле, один из текстов “Книг Чилам-Балам” приводит дату появления Кукулькана в Чичен-Ице: 987 год.

Но в данном случае вполне доверять источнику нельзя. Этот исторический документ представляет собой смесь фактов и вымысла, да и достоверность дат, как оказалось, весьма проблематична. В “классический” период и раньше майя пользовались для записи событий так называемым длинным счетом, при котором каждый из дней, образующих 20-дневные месяцы, 360-дневные годы и 20-летние периоды — “катуны” и 400-летние периоды — “бактуны”, отсчитывался от “нулевого года” майя. Поскольку ученые смогли подсчитать, что начало это совпадает с 3114 годом до н. э., то определить нужную дату можно путем простого арифметического вычисления. Но по неясным причинам северяне отказались от календаря “длинного счета” в пользу более простого “короткого счета” — системы, основанной на повторяющемся цикле из 13 катунов. В исторических хрониках та или иная дата соотносится лишь с катуном, при этом остается неизвестным, к какому именно циклу катунов она принадлежит — так при написании года мы часто опускаем век. Поэтому, что и когда происходило на Юкатане, можно лишь предполагать, но нельзя сказать наверняка.

Таким образом, вопрос о том, действительно ли тольтеки вторглись на Юкатан и завоевали его территорию, можно решить, только принимая во внимание другие источники, более достоверные, чем “Книги Чилам-Балам”. Ученые, рассмотрев резные фигуры, барельефы и настенные росписи Чичен-Ицы и других городов Юкатана, заметили в них большое сходство с памятниками тольтекской культуры в городе Тула в Центральной Мексике. Некоторые особенности изображения пернатого змея, ягуара, а также воинов говорят о тольтекском влиянии. Далее, росписи на стенах в Чичен-Ице представляют собой сцены сражений, где солдаты в тольтекской одежде наносят поражение воинам, в которых нетрудно узнать майя. Что это значит, до сих пор не вполне понятно. Раньше ученые видели в этом подтверждение версии о тольтекском завоевании, но сейчас многие скло-

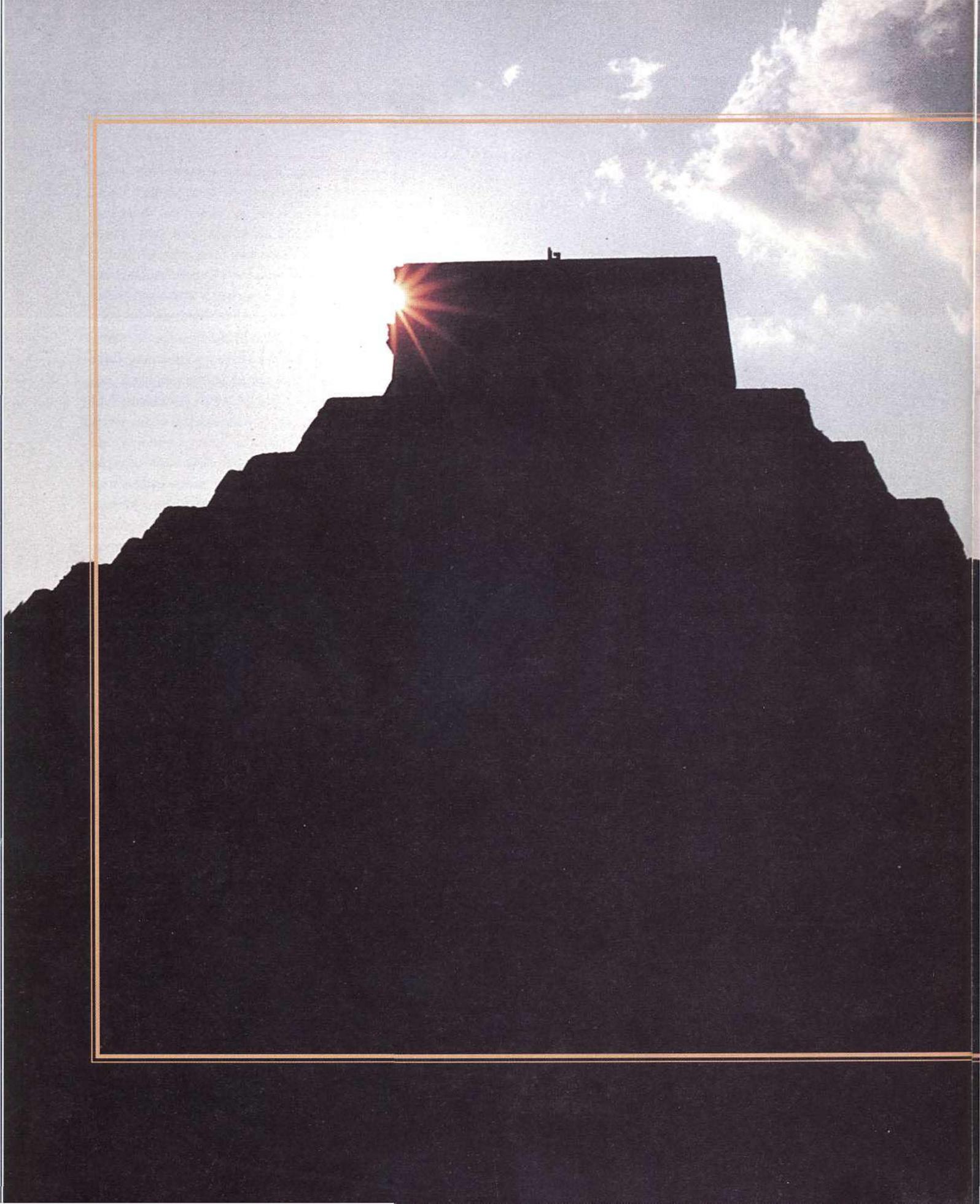
Сельские жители майя перетирают кукурузные зерна, варят еду или идут на полевые работы, в то время как их предполагаемые враги в полном боевом снаряжении курсируют в лодках вдоль побережья Юкатана. По этой копии настенной росписи одного из храмов Чичен-Иццы можно судить об успехе иностранного вторжения: пернатый змей над крышей храма (справа) выполнен в тольтекском стиле.

няются к мнению, что здесь изображены стычки между “мексиканскими майя” — ица — и теми, кто оказывал им сопротивление из Чичен-Иццы.

Вопрос об истории Чичен-Иццы долго вызывал научные споры, зато о величии этого города никто никогда не спорил. Огромная площадь застройки (26 квадратных километров), величественная архитектура и великолепная скульптура говорят о том, что город этот был главным культурным центром майя последнего периода. Его название было в числе тех немногих, которые Джон Ллойд Стефенс знал еще до приезда в Мексику. Но как он смог убедиться, прочитанное им ранее было лишь отдаленным намеком на то, что ему посчастливилось увидеть на месте. Город оправдал его ожидания, “являя глазам зрелище, которое даже после всего увиденного нами ранее вызвало в нас чувство изумления”.

Стефенс как мог старательнее подсчитывал и описывал главные строения: 24-метровый Эль-Кастильо, или замок, как его называли первооткрыватели-испанцы, с четырьмя крутыми лестницами по бокам; большая площадка для игры в мяч, крупнейшая в Мезоамерике, которую Стефенс, нью-йоркский житель, назвал “гимнастическим залом или теннисным кортом”; Караколь, или обсерватория, явственно округлой формы — некоторые ученые считают, что ее, возможно, использовали жрецы-астрономы майя (см. с. 132—133); Храм воинов, который с двух сторон стерегут 200 каменных колонн, на которых вырезаны изображения воинов — по словам Стефенса, назначение этой постройки “непостижимо”. Вероятно, он успел разглядеть и ряд человеческих черепов, вырезанных на платформе рядом с площадкой для игры в мяч, и множество скульптур чакмоолей (это полулежащие каменные изваяния с чашей посередине туловища — говорят, в эти чаши клали сердца принесенных в жертву людей). В общем, путешественник признался, что был ошеломлен при виде этой древней столицы. Его поразили и масштабы строительства, и совершенство исполнения.

Сильное впечатление произвел на него комплекс для игры в мяч. Как он часто делал во время своих походов по стране майя, Стефенс записал практически все размеры: длину стен, идущих параллельно по обе стороны поля (274 фута, или 83,5 метра), расстояние между ними (120 футов, или 36,5 метра) и размер разрушенных храмов, стоящих по сторонам корта. Он измерил каменные кольца, которые, как полагают, служили мишенью в игре (размещались на высоте 20 футов — 3 метра — от земли, четыре фута — 1,2 метра — в диаметре, отверстие для мяча диаметром 1 фут 7 дюймов — 0,5 метра). Стефенс ссылается на описание игры, приведенное испанским историком Антонио де Геррерой, который видел, как в нее играют в Мексике, при этом Стефенс проявил проницательность, заметив, что “сходство между аренами в Мехико-Сити

НЕБЕСНАЯ КНИГА ЖИЗНИ

Жрецы майя с давних времен вели наблюдение за небесными телами, обожествляя их. В небесных знамениях жрецы угадывали волю богов: грозит ли народу бедствие, какова будет судьба правящей династии, когда лучше начать сельскохозяйственные работы, когда вступать в брак, когда совершать обряды.

Распознавать и читать небесные знаки помогала жрецам астрономическая наука. Тайные знания о светилах жрецы записывали в кодексах, из которых до наших дней дошло лишь четыре, и те во фрагментах. Они свидетельствуют о сложной календарной системе майя, связанной с движениями солнца, луны и планеты Венера.

Наблюдения за движением небесных тел позволили майя

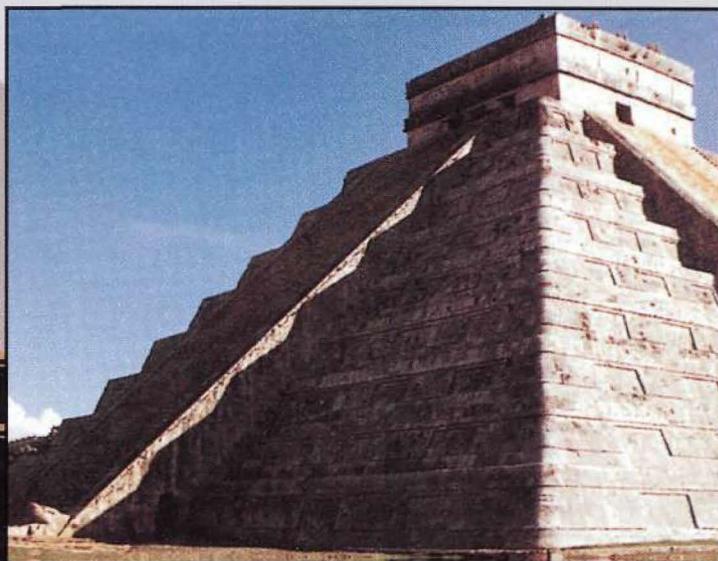
Страх майя перед солнечными затмениями отразился в этом иероглифе из Дрезденского кодекса. Небесный змей на этой пиктограмме пожирает солнце, перечеркнутое знаком смерти — скрещенными костями.

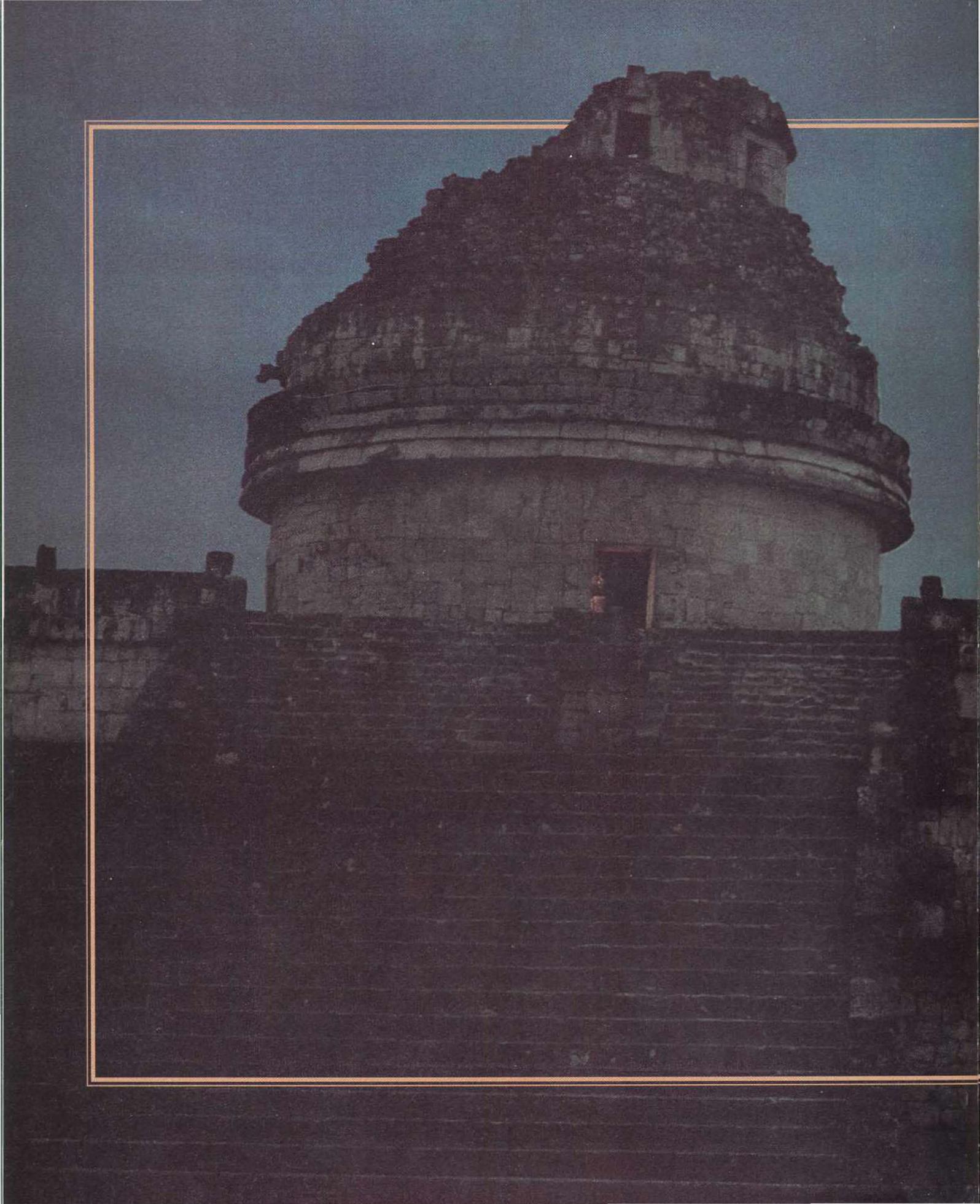
создать не только солнечный календарь из 365 дней, но также с большой точностью определить лунный месяц (с погрешно-

стью до 23 секунд в современном исчислении). Накопленные знания применялись в архитектуре и искусстве.

Но самым жизненно важным календарем, определявшим чуть ли не каждый шаг в жизни человека, был астрологический, или ритуальный, календарь, состоявший из цикла в 260 дней. Современные ученые не могут точно объяснить происхождение этого календаря, некоторые считают, что в основе его лежит период развития человеческого плода — от зачатия до рождения. Точно так же, как сегодня некоторые люди пользуются предсказаниями гороскопа, древние майя определяли по ритуальному календарю благоприятные дни для всевозможных занятий.

Когда в день весеннего или осеннего равноденствия солнце клонится к закату, кажется, что по ступеням пирамиды Эль-Кастильо (слева) в Чичен-Ице сползает змей. Косые лучи солнца падают на ребро четырехгранной пирамиды — получается своеобразная игра света и тени, которую, вероятно, древние майя воспринимали как знак, посланный богом Кукульканом — Пернатым Змеем. Современные майя торжественно отмечают такие дни.

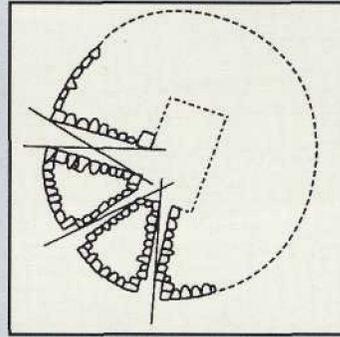
СВЕТ С ВЫСОКОЙ БАШНИ

Знание астрономии давало правителям и жрецам уверенность, что они могут контролировать смену времен года и своевременное наступление других событий, связанных с природными циклами. Выстроенные для демонстрации небесных явлений башни, такие, как Караколь в Чичен-Ице (слева), внушали простым людям благоговение.

До недавнего времени Караколь считали обсерваторией, но сейчас археологи убеждены, что это сооружение — не что иное, как храм, посвященный Кукулькану как богу ветра. Архитекторы устроили

Богиня Иштаб, которую иногда принимали за божество луны, с закрытыми глазами и с пестлей на шее, возможно, представляет в этом иероглифе лунное затмение.

На плане показаны три сохранившихся окна в Караколе. Визирные линии направлены к точкам появления светил над горизонтом. Линия В делит пополам солнечный диск на закате в дни равноденствия. Линии А и С проведены к северной и южной границам захода Венеры, а линия D показывает направление на южный магнитный полюс.

оконные проемы в круглой башне таким образом, что в определенные часы через них проходит свет Венеры и солнца (вверху). В дни праздников эти небесные тела, почитавшиеся как божества, появлялись в оконных проемах, как бы в знак своего благоволения к людям.

Яркая планета Венера, появляющаяся на ночном небосклоне раньше солнца и заходящая следом за ним, почиталась как божество войны. Жрецы-астрономы считали ее одновременно и утренней, и ве-

черной звездой. Точно рассчитав ее 584-дневный период обращения, они создали сложный календарь, в котором использовались одновременно солнечный, ритуальный и венерианский циклы. По нему, вероятно, жрецы определяли время войн и жертвоприношений. Этот большой календарь состоял из 104 лет, 65 периодов обращения Венеры и 146 периодов созревания человеческого плода. По нему можно было через каждые 173,3 дня предсказывать солнечные и лунные затмения, что простым майя казалось настоящей магией.

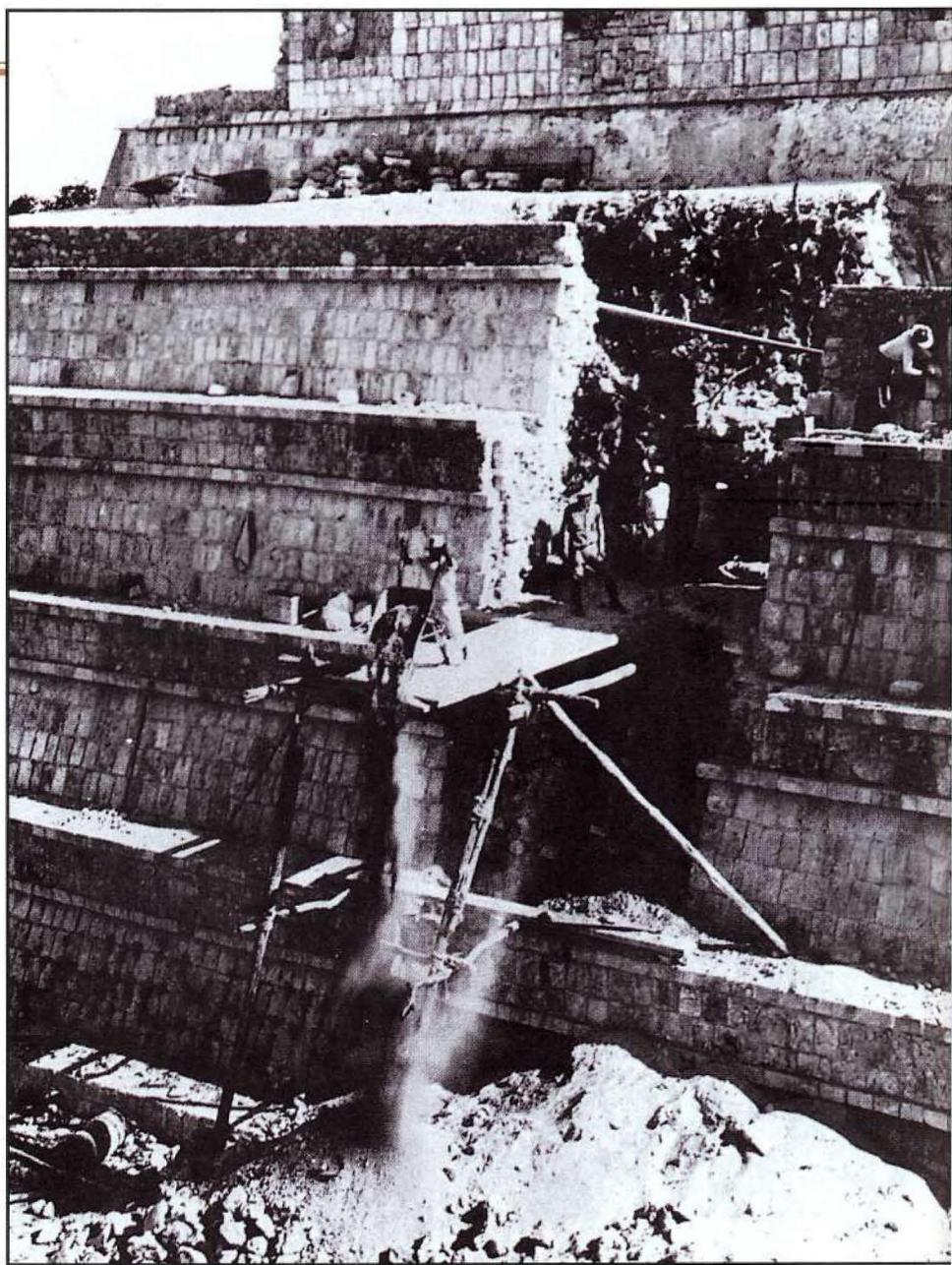
Скелетообразная Венера — утренняя звезда — обезглавливает пленника, показывая, что настали благоприятные дни для войны или жертвоприношений. Рисунок из Кодекса Гролье.

и в Чичен-Ице предполагает некоторую близость между теми, кто построил города на Юкатане, и жителями Мексики". И в этом он оказался прав.

Первый систематический археологический осмотр Чичен-Ицы провела 10-летняя экспедиция, начатая в 1924 году Вашингтонским институтом Карнеги. Руководителем экспедиции стал известный американский ученый Сильванус Г. Морли. Морли придерживался того мнения, что в X веке н. э. на Юкатан вторглись племена майя, находившиеся под сильным мексиканским влиянием, происходили они, вероятно, из Тулы. Его коллега Дж. Эрик С. Томпсон позже высказывал мнение о том, что иноземное влияние на Юкатан исходило от агрессивных племен — торговцев и мореплавателей — майя-путун или майя-чонталь, чьи земли располагались на побережье залива Кампече в нынешнем мексиканском штате Табаско. Он нашел в туманных хрониках майя намек на то, что "путун", скорее всего, второе название племени ица, а де Ланда упоминал о войнах этого племени как о захватчиках Чичен-Ицы. Они-то, вероятно, и дали городу его полное имя. Фрески с

изображением победы тольтекских воинов над воинами-майя Томпсон объяснил так: тольтеки были торговцами, сопровождавшими ица во время их вторжения. Ица, по мнению Томпсона, это носители тольтекской традиции, они-то и привнесли в культуру местных юкатанских майя новые художественные каноны и воинственный мексиканский дух.

Хотя дату предполагаемого вторжения племен тольтеков-ица назвать практически невозможно, сейчас принято считать, что это происходило поэтапно в конце IX—X веке н. э., одновременно с

В Чичен-Ице рабочие раскапывают толщу пирамиды под Храмом воинов, в которой, как в матрешке, был спрятан другой, меньший храм. Чтобы внешняя постройка не рухнула, археологи укрепили внутренние помещения железобетонными колоннами и стальными перемычками.

закатом южной цивилизации майя. Большинство надписей в Чичен-Ице относятся к 800-м годам и содержат упоминание о нескольких славных и, по-видимому, имевших равную власть правителях, один из них, вероятно, военачальник. В течение X века власть тольтеков-ица, скорее всего, крепла, и город украсили новые постройки, стиль которых представлял собой смесь элементов архитектуры тольтеков и майя.

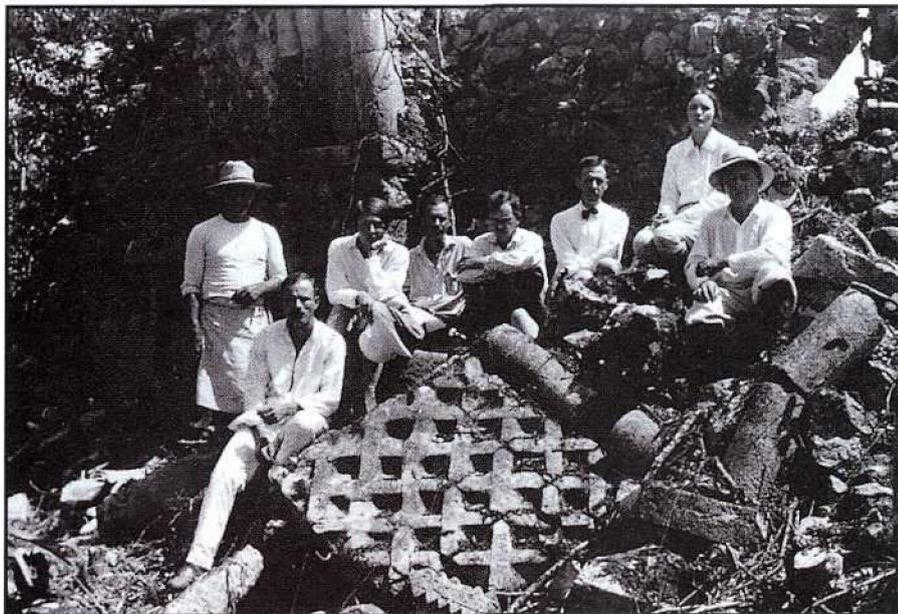
Некоторые ученые подозревают, что многие северные города были в конце концов сметены тольтекским нашествием, и этим объясняется их внезапное запустение, наступившее в X веке. “Книги Чилам-Балам” содержат намек на то, что майя никогда не любили своих правителей-ица, пусть даже они смирились и в конце концов подчинились им. В этих текстах самая снисходительная характеристика ица звучит как “люди, коверкающие наш язык”, в другом месте они названы “плутами и мошенниками”, “иноземцами”, “людьми без отца и матери”.

В начале 1950-х Сэмюэл К. Лотроп из Гарварда добавил еще один фрагмент к пестрой майя-ица-тольтекской мозаике, подвергнув анализу несколько золотых чеканных дисков размером с обеденную тарелку, из тех, что Эдвард Томпсон поднял со дна “Священного сенота”. На одном из дисков представлена сцена допроса: бородатый тольтекский воин допрашивает двух сидящих со связанными руками пленников-майя, которых легко узнать по украшениям на теле. На другом диске изображен тольтекский вождь, готовящийся бросить копье вслед двум отступающим майя, а на третьем диске пять человек в каноэ атакуют одного индейца майя, пытающегося спастись на плоту. Исходя из сюжета изображения, Лотроп решил, что диски были сделаны в X веке, но совсем не-

давно они были датированы другим временем, на век раньше, и это подтверждает мнение о том, что тольтекское завоевание началось в IX веке.

Линда Шил и Дэвид Фрейдел представили такую версию истории Чичен-Ицы: ица прибыли в Юкатан, продолжая торговые пути вдоль побережья залива, затем основали главный порт в Исла-Серритос на северной оконечности полуострова Юкатан. Они выстроили

Известный майянист Сильванус Г. Морли, третий справа, возглавлял экспедицию Института Карнеги в 1924—1940 годах. Начало было скажочным: специально нанятый повар-китаец угощал сотрудников и гостей редчайшими блюдами, над площадью для игры в мяч, где была замечательная акустика, звучали мелодии с фонографа. Но однажды на археологов напали солдаты правительственных войск, приняв кавалькаду мирных осадников за революционеров, в результате чего несколько человек были убиты. Морли остался в живых, потому что из-за своей близорукости он не решался ехать впереди отряда.

свою столицу в 100 километрах от Чичен-Иццы и оттуда начали военные действия против двух других крупных городов Юкатана: против Ушмаля на западе и Кобы на востоке. Какое-то время ица выходили из битв победителями, предпочитая политику ассимиляции. В конце концов ица создали правящую олигархию, которую майя времен испанского завоевания называли “муль типаль” (объединенное правление) — совет правителей. Подтверждение этому находим в скульптурах и иероглифических текстах, которые прославляют не отдельных властителей, а группу людей. Такое совместное правление, по-видимому, было достаточно эффективным: в момент наивысшего своего расцвета, в X—XII веках, Чичен-Ицца главенствовала над всем регионом и по праву могла бы считаться столицей всего государства.

Но вдруг, в конце XII века, повторяется известная ранее картина: разруха и запустение. К сожалению, подробности этого события можно узнать лишь из одного источника — из “Книги Чилам-Балам, где больше мифов, чем правды. Предание гласит, что Хунак-Силь, правитель города Майяпан, соседнего с Чичен-Иццей, прыгнул (или был сброшен) в “Священный колодец”, но не умер, а чудесным образом выжил и выплыл, напроорочив себе славу. Затем он стал плести странный заговор против Чичен-Иццы. На свадьбе правителя близлежащего города Исамалья Хунак-Силь с помощью любовного зелья, приготовленного из цветочного настоя, ухитрился возбудить в главном правителе Чичен-Иццы сильную страсть к невесте. Как и предполагал Хунак-Силь, правитель-ица умыкнул невесту, отчего правитель Иса-

Массивные колонны, изображающие пернатого змея, стоят по обе стороны от чакмооля — полужающего истукана с чашей в руках, сторожащего вход в Храм воинов. Чакмооли, найденные также и в других городах Мезоамерики, вероятно, держали когда-то в каменных чашах принесенные в жертву человеческие сердца. И чакмооль, и жотив пернатого змея указывают на сильное мексиканское влияние, проявившееся в позднейшей архитектуре майя.

мая пришел в ярость. Приобретя в его лице союзника, Хунак-Силь пошел войной на Чичен-Ицу, и объединенные силы Майяпан и Исамала разграбили город, жители которого бежали на юг.

Хотя ученые не могут считать надежным свидетельством занимательные истории, рассказанные в “Книгах Чилам-Балам”, они согласны с тем, что к 1200 году главным городом Юкатана становится уже не Чичен-Ица, а Майяпан. Но еще раньше, до начала славных дней Чичен-Ицы, на Юкатане был другой великолепный город — Коба. Окруженный пятью озерами, что считается редкостью в районе, где все поверхностные воды в основном сосредоточены в известняковых карстовых колодцах, город этот был расположен недалеко от побережья Карибского моря и находился от Чичен-Ицы примерно на таком же расстоянии, что и Майяпан. Открытый в XIX веке, город Коба (что значит “вода, взбаламученная ветром”) стал в 1974 году объектом исследований, проводимых Мексиканским институтом антропологии и истории и Мексиканским географическим обществом. Свидетельства, полученные в результате исследований, показывают, что это был поистине великий город.

Город преподнес исследователям сразу три приятных сюрприза: датировку его расцвета, размер занимаемых площадей и наличие широкой сети расходящихся от центра мощных дорог. Коба также наглядно показал масштаб работ, которые еще только предстоит проделать археологам, занимающимся раскопками на Юкатане: архитектура его так сложна, количество зданий, нуждающихся в расчистке, так велико, что пройдет не один десяток лет, прежде чем ученые смогут полностью представить себе его прежний вид.

Первый сюрприз, преподнесенный городом Коба, касается его возраста. На резных стелах есть даты, записанные в системе “долгого счета”, они охватывают период с начала VII века до 780 года. Это значит, что Коба развивался одновременно с великими южными городами “классического” периода и, скорее всего, поддерживал с ними какие-то связи, что подтверждается наличием сходных элементов в их архитектуре и иероглифике. Исследователи не обнаружили в Коба никаких следов ица-тольтекского влияния, даже несмотря на то, что фрагменты глиняной посуды указывают, что город в тот период также был занят тольтеками.

В период своего наивысшего расцвета Коба мог быть самым крупным из городов майя. Изучение планировки города показало, что небольшие скромные домики, окружающие центр города, занимали территорию в 65 квадратных километров, численность населения могла превышать 50 000 человек — это больше, чем в самом гус-

тонаселенном Тикале. Археологи выявили четыре центра, вокруг которых было сосредоточено строительство важнейших сооружений, — самый древний из них (вероятно, место первых поселений) находится меж двух широких озер. Здесь стоят две главных пирамиды, каждая высотой в 24 метра, одна с девятью террасами, другая с семью. Как и кем управлялся город, пока неясно. Запасы пресной воды говорят о том, что сельское хозяйство в этих краях должно было быть продуктивным, но никаких следов изобилия природных ресурсов пока не замечено. Единственно возможное объяснение его подъема следует, вероятно, искать в удачном расположении города по отношению к торговым путям — он вполне мог выступать посредником в товарообмене между восточным побережьем Юкатана и глубинными районами.

Самым удивительным открытием в Коба была хорошо спланированная сеть мощеных приподнятых дорог — “сакбеоб”, что на языке майя означает “белые дороги”, — веером расходящихся от центра города. Самая длинная из них, протяженностью в 100 километров, тянется по прямой до соседнего города Яшуна, расположенного недалеко от Чичен-Ицы и, возможно, служившего форпостом владений Коба. Всего ученые насчитали здесь более 50 дорог общей протяженностью в 160 километров. Как правило, дороги эти, шириной от 3 до 5 метров, подняты на высоту до 1 метра, хотя в одном месте высота насыпи достигает 6 метров над уровнем местности. Края сложены из камней, скрепленных известковым раствором, сама поверхность дороги для надежности загрунтована гладким слоем штукатурки. Археологи подсчитали, что на строительство дорог ушло в общей сложности 43 миллиона кубических метров камня.

Зачем народу, не знавшему колеса, понадобились эти гигантские мостовые? Может быть, по этим дорогам вереницей тянулись носильщики с товарами из заморских земель, направлявшиеся в глубь страны? Или эти дороги служили подмостками для ритуальных шествий и парадов? Или символизировали нерушимость политического союза между городами?

Археологические данные говорят о том, что в X веке, после вторжения на Юкатан воинвоица, город Коба, которому, вероятно, все же удалось отразить первый натиск захватчиков, постепенно теряет свои позиции. Шил и Фрейдел считают, что это произошло в результате военного поражения. Однако по некоторым признакам город в конечном счете оправился от удара: раскопки выявили строения, выполненные в стиле, характерном для XII—XIII веков, а значит, политическая власть в городе была в то время еще достаточно сильна, раз могла мобилизовать население на крупномасштабное строительство, но низкое качество исполнения работ свидетельствует об ослаблении власти.

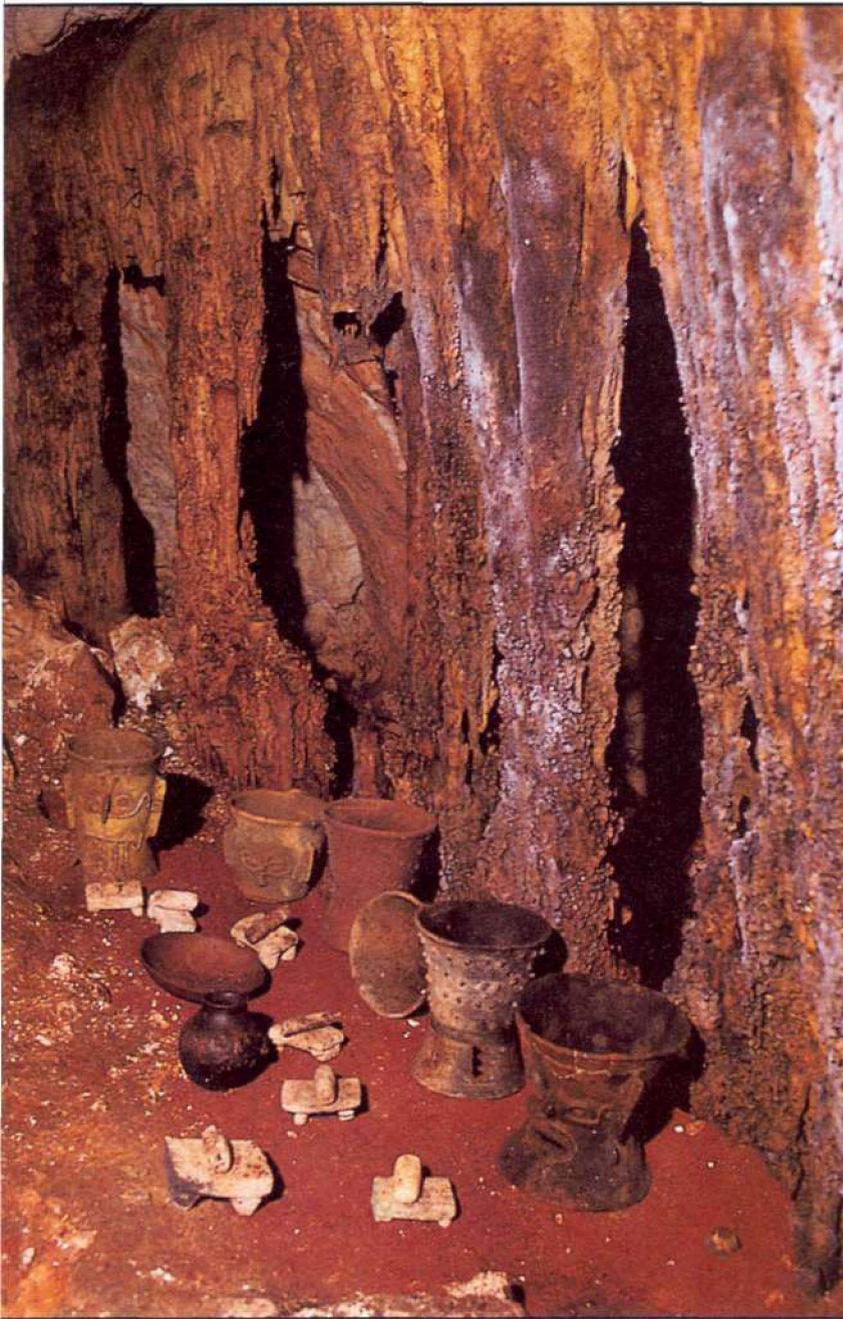
Более 600 ритуальных объектов были аккуратно разложены и оставлены лежать в пещере, вход в которую был завален камнями. Так и нашел их через тысячу лет, в 1959 году, один экскурсовод из соседней Чичен-Ицы. Пещера Балакканче (Трон жреца Ягуара), как и многие другие подземелья, была священной для местных майя, которые поклонялись не только Чаку — богу дождя, но и какому-то пучеглавому божеству, которое похоже на ацтекского бога Тлавока. Его изображение есть на многих подношениях, в числе которых сосуды для сжигания смолы, миниатюрные вертолетки, фигурные сосуды из глины, камня, раковин. Эти находки, отнесенные методом радиоуглеродной датировки к 860 году н. э., говорят о том, что в то время на этой территории находились тольтеки.

Коба был не единственным северным городом, возникшим раньше Чичен-Ицы. Существование таких городов доказывает несостоятельность прежней точки зрения на обособленность старой и новой “империй” майя. Ушмаль, крупнейший из городов-спутников в районе

Пуук, достиг наивысшей точки развития в период между 800 и 950 годами н. э. При виде его развалин даже такой опытный путешественник, как Джон Ллойд Стефенс, долго удивлялся, словно не веря своим глазам. Строгая организация пространства, пышность и усложненность архитектуры, сама панорама города, лежащего на невысоких холмах, — все это приводило ценителя в восхищение. Первое, о чем подумал Стефенс, оглядывая развалины, — что-то похожее он уже видел на раскопках в древнеегипетском городе Фивы.

Стефенс и Казервуд бывали здесь и позже, они осмотрели две высокие пирамиды, знаменитый Дворец губернатора и другие здания с рельефами и мозаичными фасадами, сложенными из плотно пригнанных друг к другу кусочков колотого камня. Стефенс обследовал изнутри подземные резервуары, где когда-то хранились запасы питьевой воды (сенотов в районе Ушмаля было мало). Разглядывая настенные иероглифы, Стефенс, с присущей ему проницательностью, заметил, что они очень похожи на те, что он видел на юге, в частности в Паленке, — с этим согласны и современные ученые. И по завершении осмотра Стефенс, по своему обыкновению, стал наводить справки по старинным испанским хроникам.

Он обнаружил записи, сделанные неким священником Коголудо, в них говорилось о жертвоприношениях, очевидно совершавшихся на плоской вершине 28-метровой пирамиды Ушмаля вплоть до XVI века, несмотря на то, что прежняя политическая система общества майя к тому времени давно распалась. “Главный жрец, — писал падре Коголудо, — держал в руке большой, широкий и острый нож,

НЕМЕРКНУЩАЯ СЛАВА АРХИТЕКТУРЫ ПУУКА

“Если бы Юкатан ценили только за обилие, грандиозность и красоту его зданий, как ценят другие районы Индий за золото, серебро и прочие богатства, тогда его слава опередила бы славу Перу и Новой Испании”, — писал епископ де Ланда в 1566 году. Здесь, среди холмов Пуука, это его замечание кажется вполне справедливым.

Из множества городов, поднявшихся среди холмов Пуука в “поздний классический” период (700—1000 годы н. э.), особенно выделяются великолепием планировки и архитектуры три города — Ушмаль, Сайиль и Лабна́. Одна характерная особенность стиля Пуука прослеживается во всех этих городах: массивные четырехугольники зданий по фасаду облицованы из-

вестняком, у дверных косяков стоят круглые колонны с квадратными капителями, верхняя часть фасада украшена изящной каменной мозаикой.

Ушмаль, просторный и светлый город, здания которого покрыты снаружи замысловатым орнаментом, являет собой вершину архитектурного стиля Пуука. Высоко парящие арки 74 залов Женского монастыря пропускают солнечный свет во внутренние помещения, а длинный фасад Губернаторского дворца украшен калейдоскопическим узором, сложенным из тысячи камней, обтесанных и пригнанных друг к другу. Причудливо вплетенные в сложный узор, смотрят с высоты скульптурные изображения змей, черепах, людей и богов.

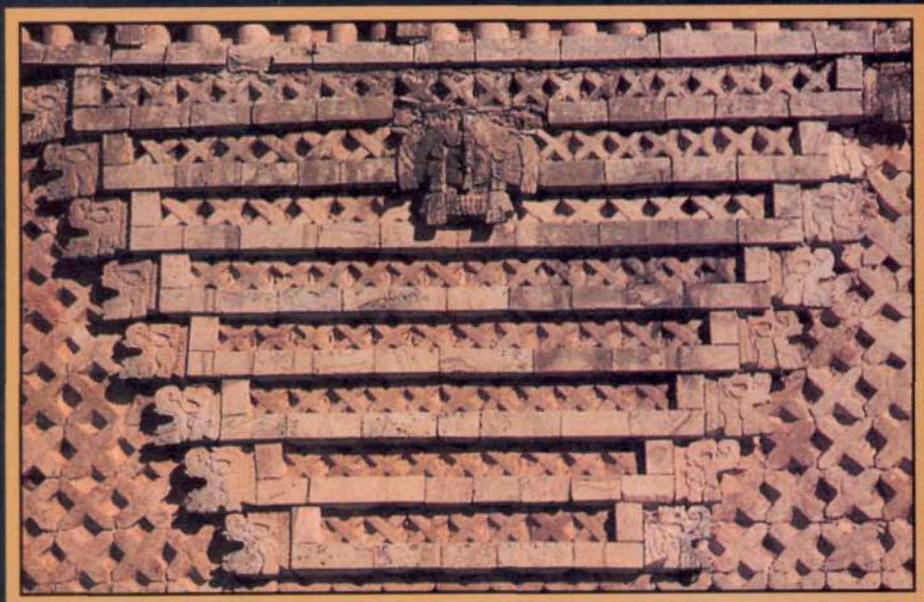

Маски Чака — бога, способного вызвать дождь и потому особо почитавшегося в городах Пуука, украшают восточное крыло Женского монастыря.

Каменный орнамент в виде решетки с ромбиками, вероятно, как-то связан с узором плетения.

Сова — птица, образ которой часто трактуется как ночь, смерть, война — сидит на самом вершуре решетки, составленной из восьми горизонтальных полос, изображающих двухголового змея. Эти полосы равнозначны европейскому понятию "скипетр", и проходят они поверх другого царского символа — поп, или трон-циновка. Вся композиция может означать связь правителя с миром мертвых.

Восточная стена Дворца губернатора в Усмале отличается строгостью пропорций, свойственной архитектуре Пуука. Дополнительные пристройки с правой и левой стороны здания присоединены с помощью высоких ложных арок, немного углубленных. Это нововведение придает зданию особую элегантность.

сделанный из кремня. Другой жрец держал деревянный ошейник в виде змеи. Обреченных, полностью обнаженных, по очереди проводили по лестнице наверх. Там, уложив человека на камень, надевали на него ошейник, и четыре жреца брали жертву за руки и за ноги. Затем главный жрец с удивительным проворством вспарывал жертве грудь, вырывал сердце и протягивал его к солнцу, поднося ему и сердце, и пар, исходящий от него. Затем оборачивался к идолу и бросал сердце ему в лицо, после чего сталкивал тело по ступеням, и оно скатывалось вниз". Сейчас известно, что этот страшный ритуал, существовавший и у ацтеков в Центральной Мексике, древние майя считали священнодействием, но Стефенс пришел в ужас, когда узнал об этих "жертвенных убийствах".

Архитектура, однако, по-прежнему продолжала восхищать Стефенса, равно как и прочих исследователей, которые побывали здесь после него. Многие сооружения и до сих пор носят имена, данные им первооткрывателями. Одно из зданий главного комплекса Ушмаля было названо Дом черепах из-за цепочки каменных черепах на карнизе, у каждой на панцире — свой особый узор. Женский монастырь состоит из четырех богато декорированных многокомнатных галерей, обрамляющих внутренний дворик. Хотя планировка этого комплекса напоминает планировку европейских монастырей, точное назначение его неизвестно, может быть, здесь заседал городской совет, а может быть, жили воины. С пирамидой под названием Башня Волшебника связана старинная легенда, дающая нам возможность перелистнуть одну из древних страниц истории майя. Легенда гласит, что когда-то давным-давно правитель Ушмаля призвал к себе карлика, наделенного волшебной силой, и под страхом смерти велел ему за ночь возвести дворец. Когда же поручение было исполнено, карлика ожидала награда: его сделали правителем Ушмаля.

В Губернаторском дворце (см. с. 140—141) вполне мог жить царь (в отличие от Чичен-Ицы в Ушмале был один правитель). Это большое и пышное здание, по мнению многих, является прекраснейшим образцом архитектуры доколумбовой Америки. Археолог Джозеф Болл из Государственного университета Сан-Диего назвал его "прекраснейшим творением" центральноамериканской архитектуры.

О правителях города и о его истории ничего не известно. Раскопки здесь начались не так давно, и те скудные сведения, которыми мы сейчас располагаем, почерпнуты лишь при расшифровке надписей или при анализе архитектурного стиля. Могущественный правитель Чак упомянут в надписях на алтаре, на каменных кольцах площадки для игры в мяч и на притолоке в Женском монастыре, рядом с именем помещены даты от 905 до 907 года. Недатированный портрет некоего благородного человека в богатых одеждах, сидящего на ягуаре, вполне может быть портретом этого царя. Но точно ли

это, сказать нельзя, потому что в текстах северных районов обычно отсутствуют пространные перечисления членов династии и сведения о происхождении царей, столь характерные для южных областей майя. Кроме того, иероглифы, встречающиеся в Ушмале, в большинстве своем фонетические, связанные с тайными ритуалами, и о их значении порой приходится только гадать.

Нынешние исследователи Ушмаля считают, что город был основан в конце VIII века н. э. Археолог Джереми Саблофф из Питтсбургского университета, анализируя в 1990 году последние находки, установил, что именно в это время майя начали сооружать емкости для воды в местах, где не было естественных водоемов. Он не нашел никаких следов миграции населения из южных областей в район Пуука, из чего сделал вывод, что область эта развивалась самостоятельно, а близость городов Пуука друг к другу и наличие между ними дорог говорит о том, что эти города образовали нечто вроде союза.

Ученые пытаются представить себе, какова была история Ушмаля. Специалист по истории искусств Джефф Ковальски из Северного иллинойского университета, подробно исследовавший памятники Ушмаля, увидел в рельефных изображениях пернатого змея и ягуара указание на то, что какие-то контакты между Ушмалем и Чичен-Иццей все-таки были. Внимательное изучение художественных памятников убедило его в том, что эти два города в конце IX — начале X века заключили между собой необычный союз. Правитель Чак, по его мнению, был “старомодным” правителем и выступал за ограниченное, ритуальное ведение войн, с захватом пленных, как диктовала древняя традиция майя. Ковальски предполагает, что поначалу Чак вел переговоры и, может быть, даже сотрудничал с более воинственными соседями из Чичен-Иццы, но в конце концов перестал их устраивать, и с этого момента слава Ушмаля резко пошла на убыль. Археологи уверены, что крупное строительство в Ушмале прекратилось незадолго до конца X века, а затем город и вовсе опустел.

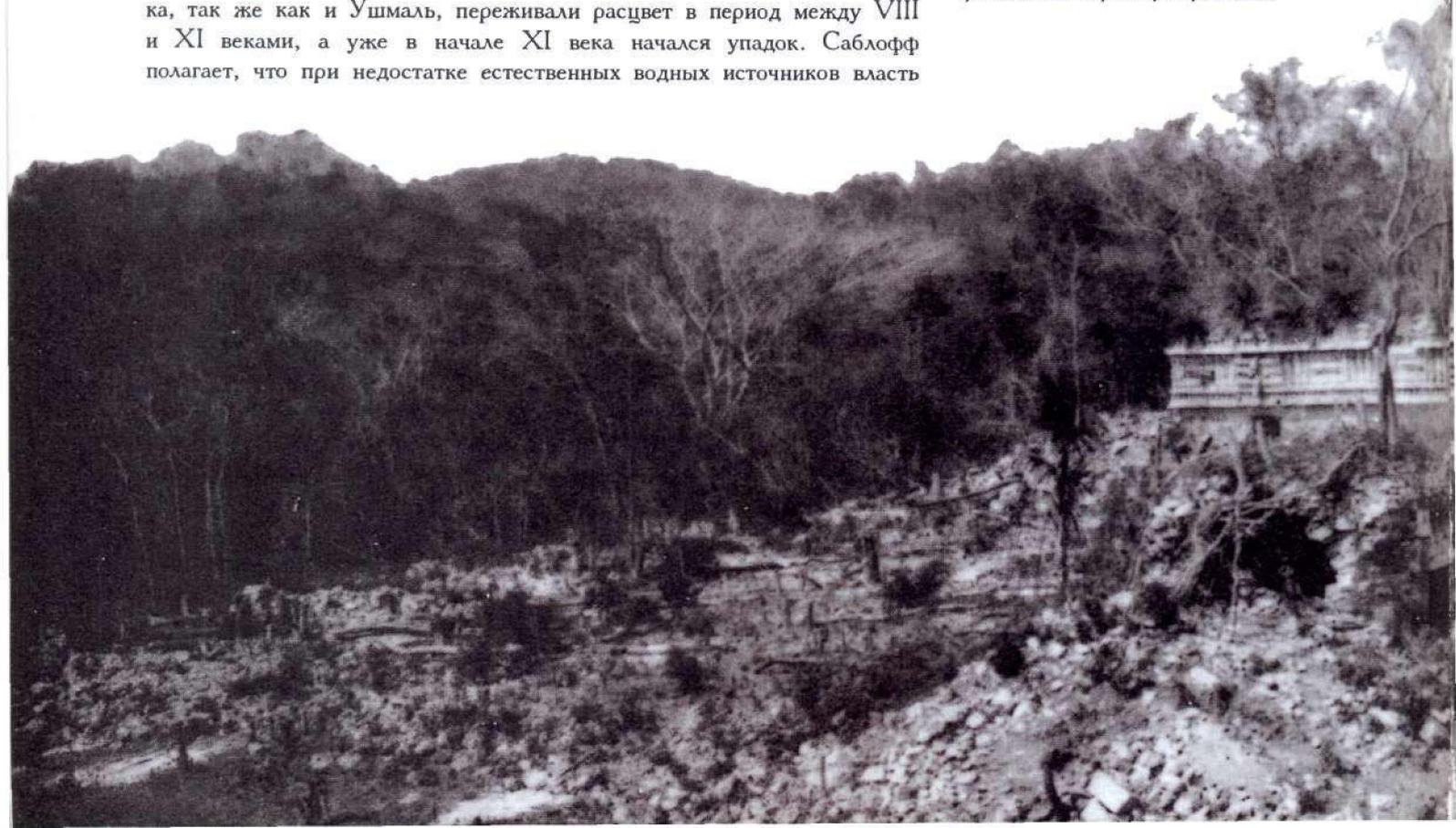
Но пока до мрачного финала трагедии было еще далеко, Ушмаль и другие города Пуука образовали одно из ярчайших созвездий на небосводе цивилизации майя. Город Каба́х, лежащий в 16 километрах к юго-востоку от Ушмаля, порастил Стефенса изяществом архитектуры. В то время город был практически неизвестен, три его крупнейших постройки не имели названий, и Стефенс называет их в своих записках по номерам: Строение-1, Строение-2, Строение-3. Строение-1 позднее получило название Дворец масок: по всей ширине фасада лепились 250 масок бога дождя, расположенные в шесть рядов, каждая маска была составлена из 30 мозаичных кусочков. Археологи под руководством мексиканского ученого Рамона Карраско обнаружили на задней

стене здания гигантские скульптуры воинов. Массивная арка, извлеченная из-под покрова растительности командой Стефенса, как полагают, служила воротами, от которых начиналась дорога в Кабах и Ушмаль.

В 10 километрах к югу находится еще один город — Лабна́. Здесь перед Стефенсом предстало сооружение, украшенное сплошным рядом человеческих черепов из штука, под ними в два ряда шли рельефные человеческие фигуры. На восьмидесятиметровой высоте была каменная скульптура: “огромная открытая пасть аллигатора или какого-то иного отвратительного животного”, а в этой пасти лежала человеческая голова. Если бы в Лабне в лучшие ее дни побывал какой-нибудь европеец, заметил Стефенс, вернувшись домой, он мог бы рассказать истории поинтереснее сказок “Тысячи и одной ночи”.

Города Пуука, в число которых входит и Сайиль, кажутся сказочными декорациями. До недавнего времени археологи успели только расчистить поверхности в Кабахе и Лабне, попутно находя кое-где случайную дату (например, 879 год на дверном косяке в Кабахе), но больше у развалин выведать ничего не удавалось. Архитектор Джереми Саблофф как-то заметил: “Стоит сделать всего несколько шагов от памятника к ближайшим кустам — и вы в неизведанной стране”. Но топографическая разметка, интенсивные раскопки и восстановительные работы помогли прояснить картину. Сегодня ученые считают, что Сайиль и связанные с ним города Пуука, так же как и Ушмаль, переживали расцвет в период между VIII и XI веками, а уже в начале XI века начался упадок. Саблофф полагает, что при недостатке естественных водных источников власть

На этой фотографии, сделанной Томпсоном в 1920-е годы в городе Лабна, виден огромный полуразрушенный дворец — крупнейшее сооружение подобного рода в районе Пуука. Это здание высотой в 20 метров, сегодня лежащее в руинах, во времена майя не рав перестраивалось.

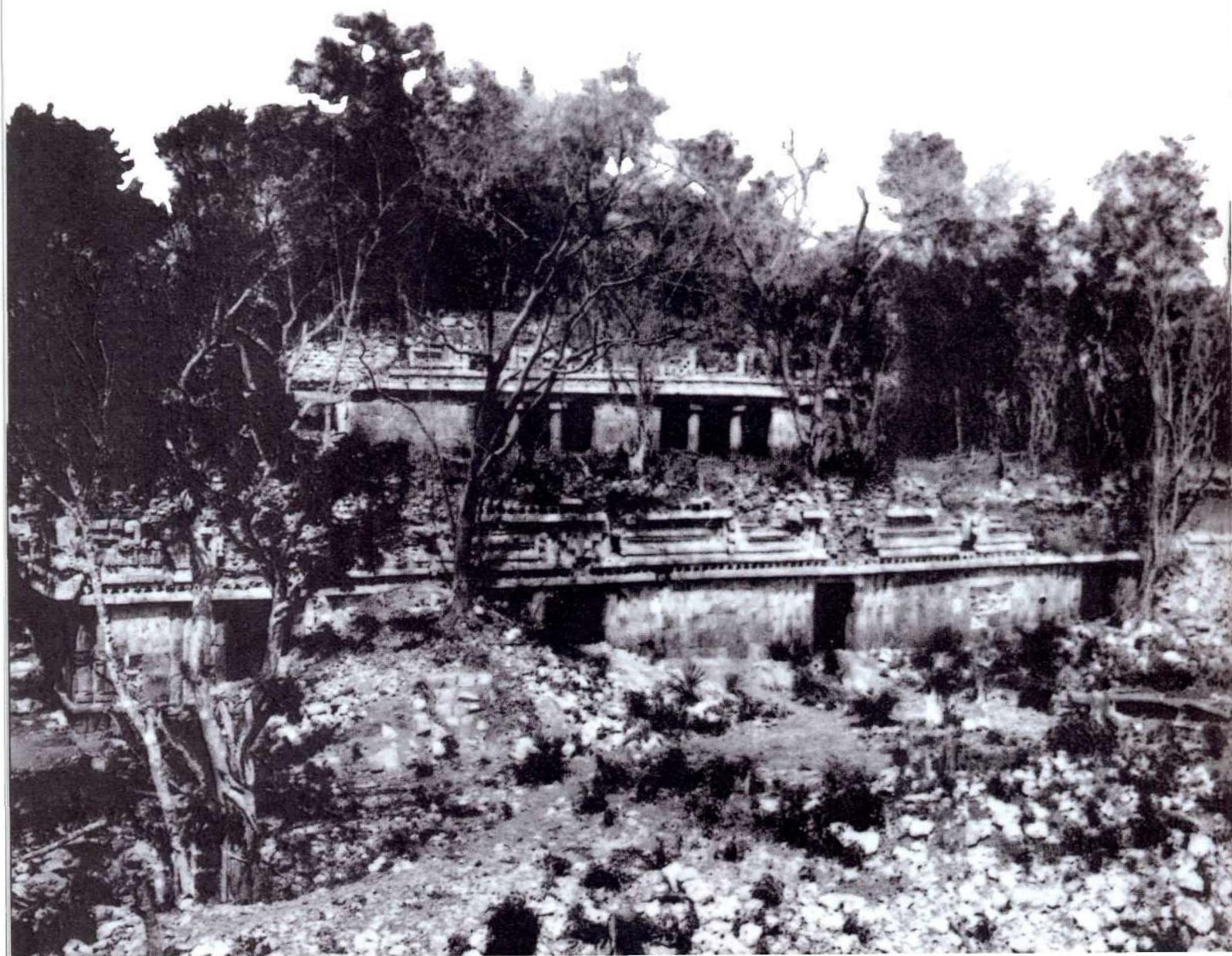
в этих городах была связана с распределением воды (“Они не могли в этом деле полагаться на случай”, — замечает он), но каким был этот механизм и как он действовал, пока не известно.

Не так далеко от городов Пуука столетие спустя вознесся к небу совсем не похожий на них город Майяпан, откуда, согласно преданию, вышли мятежники, восставшие против власти Чичен-Ицы в 1200 году. В то время как планировка просторных городов Чичен-Ицы и Ушмаля повторяет традиционные линии более древних центров майя, Майяпан, обнесенный стеной, был городом хаотичной застройки — его дома, все разной величины, лепились друг к другу, оставляя лишь узкие проходы. Здесь не было огромных храмов, какие обычно строились в центральной части города, главная пирамида Майяпана была уменьшенной и грубо сработанной

копией пирамиды Эль-Кастильо в Чичен-Ице. По оценке археологов, в городе в благополучные времена — в XIV и XV веках — насчитывалось до 4000 построек, но задолго до 1949 года — до начала систематических раскопок — от многих из них не осталось и следа.

Были и другие важные детали, отличавшие Майяпан от его предшественников. Согласно сообщению епископа де Ланды, правившая Майяпаном семья Кокомов (потомков легендарного Хунак-Силя, покорившего Чичен-Ицу) сохраняла за собой власть, удерживая потенциальных врагов в заложниках за высокими стенами города. «Огородившись стенами, — писал де Ланда, — они строили дома только

Отреставрированный дворец в Сайиле, построенный в том же стиле, что и дворец в Лабне, — необыкновенно стройное и красивое трехэтажное сооружение. В нем 50 двоянных комнат, причем комнаты второго этажа выходят на портик с колоннадой, похожий на древнегреческий.

для правителей, распределяя между ними всю землю, раздавая им города в зависимости от древности рода и личных качеств”. Эти правители отдавали долг пленившему их царю тем, что “сопровождали его, угощали, приходили к нему за советом... и проводили большую часть времени в обычных своих увеселениях, как-то: танцы, пиры и охота”. Скучный урожай окрестных полей сменила обильная дань, взимаемая с провинций, которыми управляли утопающие в роскоши вельможи. Кокомы еще больше укрепили свои позиции, приняв к себе на службу целую армию наемников из Ах-Кануля (мексиканский штат Табаско), чья преданность была куплена посулами военной добычи.

Майяпан изучен более тщательно, чем другие города Юкатана, в основном благодаря шестилетней работе экспедиции Г. Э. Д. Поллока из Института Карнеги. Приступив к раскопкам в середине 1950-х, исследователи подсчитали, что городская стена протяженностью в 8 километров и шириной около 6 метров окружала городской комплекс площадью приблизительно в 4 квадратных ки-

лометров. В центре города находилось большое открытое пространство, окруженное ступенчатыми платформами, на которых стояли дворцы и храмы. Вокруг этого пространства располагались многочисленные жилые дома, построенные в виде небольших двориков с колоннадой. Вдоль стен города находились многочисленные захоронения, в том числе и захоронения знати. В центре города находилось большое открытое пространство, окруженное ступенчатыми платформами, на которых стояли дворцы и храмы. Вокруг этого пространства располагались многочисленные жилые дома, построенные в виде небольших двориков с колоннадой. Вдоль стен города находились многочисленные захоронения, в том числе и захоронения знати.

лометра. Численность населения в городе достигала 12 000 человек. Невысокие стены в черте города могли обозначать границы частных владений или садовых участков. В то время как в других городах высотность домов заметно убывала в направлении от центра к окраинам, в Майяпане большие дома знатных людей можно было встретить в любой части города.

В Майяпане найдено множество сосудов для сжигания ароматной смолы — курильниц, видимо ставших предметом массового производства и потребления, а это говорит о достаточно высоком уровне экономики. Ритуалы майя также заметно изменились: вместо больших храмов возникают маленькие семейные гробницы, служившие, очевидно, и местом поклонения богам. Команда Института Карнеги нашла на территории города майя луки и стрелы — вероятно, это оружие принесли с собой мексиканские наемники. Некоторые майянисты считают, что новые находки в Майяпане наводят на мысль о том, что общество майя постепенно переходило на деловые отношения, уделяя все меньше внимания древним богам.

Падение Майяпана, очевидно, было вызвано тем же, что и его возвышение: он пал в результате кровавого восстания. С редким единодушием все известные нам ранние документальные источники уверяют, что это скорее всего произошло в 1441 году. Вот что рассказывает об этом епископ де Ланда: “Среди преемников дома Кокомов был один надменный человек, только внешне напоминавший Кокома, и он образовал новый союз с людьми из Табаско и привел в город еще больше мексиканцев и стал тираном и делал из тех, кто победнее, рабов. И тогда благородные объединились с партией Тутуль-Шиу и сговорились убить Кокома. И сделали это, убив также и всех его детей, кроме одного, которого не нашли”.

Семейство Шиу владело землями рядом с Ушмалем, но поднялось к вершинам власти в то время, когда великий город уже лежал в развалинах. Археологи подтверждают: действительно, Майяпан был разграблен и сожжен. При раскопках были найдены обугленные балки, поддерживавшие крышу, и сложенные из камня стены, почерневшие от огня, а также свидетельства мародерства и скелеты жителей Майяпана, вероятно погибших во время восстания. Опустошив Майяпан, победители Шиу основали неподалеку свою столицу, названную Мани, что на языке майя означает “это прошло”.

Падение Майяпана прозвучало похоронным звоном над всей цивилизацией майя, поднявшейся из джунглей Центральной Америки до небывалой высоты и канувшей в бездну забвения. Майяпан был последним городом на Юкатане, которому удавалось подчинить себе другие города. После его падения конфедерация распалась на 16 со-

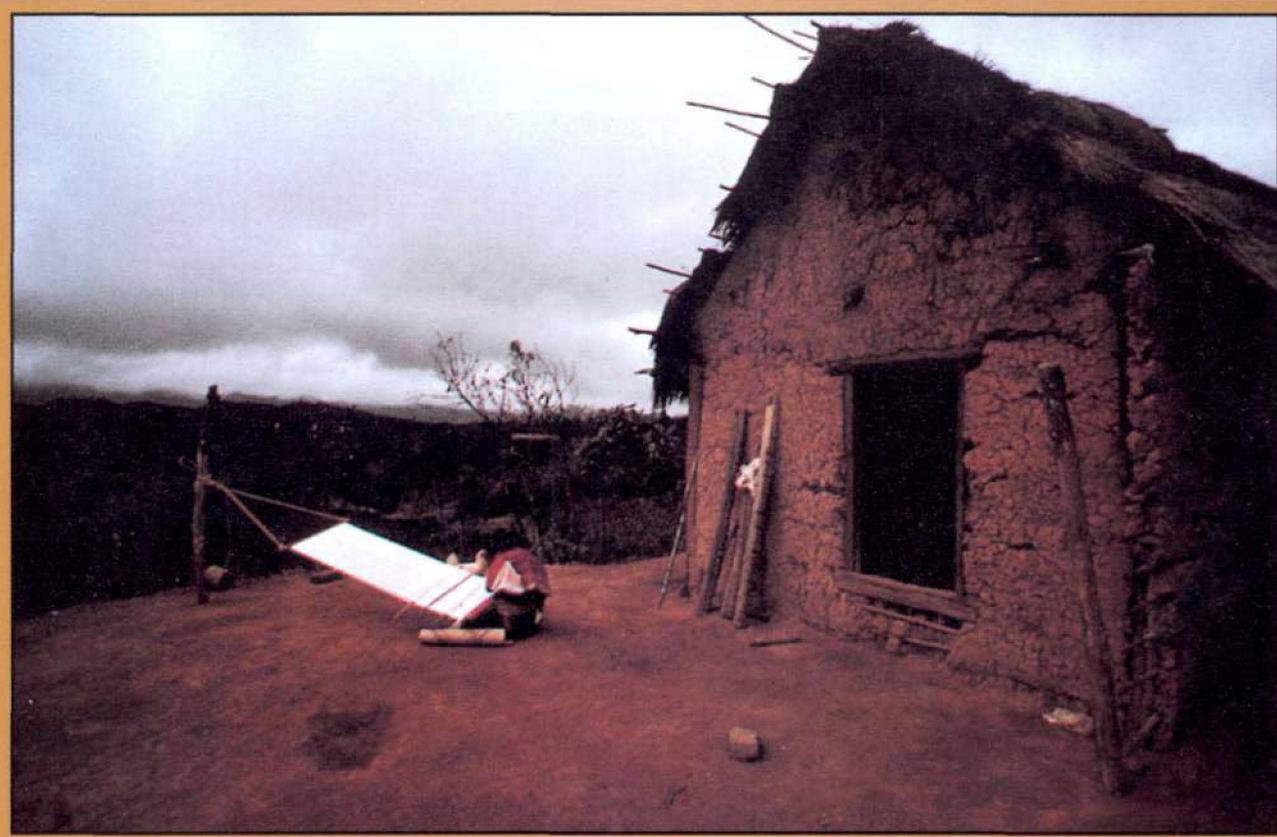
ПРОШЛОЕ ВИДИТСЯ В НАСТОЯЩЕМ

Прошлое древних майя — их искусство, архитектура, письменность — не давало покоя археологам. Ученые увлеченно работали на раскопках, реставрировали, разгадывали тайные письмены открытых сокровищ. Для полноты картины археологи все чаще обращаются к этнографии — сравнительному изучению современной и древней культур. Некоторые особенности современного общества майя имеют свои аналоги в древности, и в основном они связаны с религиозной практикой. Майя-юкатеки, например, до сих пор вызывают духов дождя — чаков.

Праздничный головной убор из меха обезьянки, с яркими разноцветными лентами, показывает, что этот человек изображает обезьяну. Ряженые разыгрывают сценки из мифа о первом творении, когда боги рассердились на первых людей, которые плохо себя вели, и превратили их за проступки в обезьян.

Индейка-майя тклет парчовый "уй-пиль" — традиционную одежду, которую носили еще ее прапрабабушки. Техника тоже осталась без изменений: точно такими же ткацкими поясными станками майя пользовались тысячу лет назад.

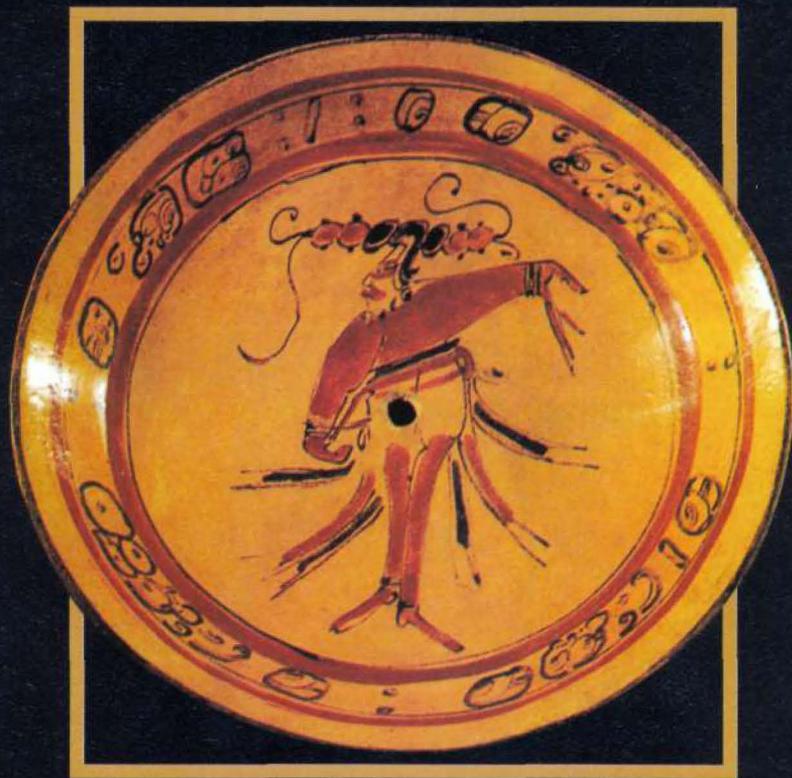
перничающих между собой мини-государств, каждое из которых боролось за территориальные преимущества силами собственной армии. В постоянно разгоравшихся войнах города подвергались набегам: захватывали в основном молодых мужчин, чтобы пополнить ими войско или принести их в жертву, поля поджигали, чтобы заставить земледельцев подчиниться. В непрерывных войнах архитектура и искусство были оставлены за ненадобностью.

В это время период кратковременной славы переживал торговый город Тулум, стоящий на высоком скалистом утесе на побережье Карибского моря, недалеко от острова Косумель. С населением не более 600 человек, Тулум, как зеркало, отразил в себе все черты вырождения искусства и общества майя. Приземистые, плохо построенные дома покосились, колонны покривились, штук был кое-как нашлепан поверх грубо отесанных камней. Стефенс, поднявшись по крутой, заросшей тропе, ведущей от пляжа к поселению, отметил лишь необычайную агрессивность местных москитов да упомянул о раскрошившейся каменной стене простой, без раствора, кладки — эта стена огораживала город со стороны суши. Необычно низкие дверные проемы заставили его вспомнить легенду, согласно которой города майя строили горбуны. После бессонной ночи он покинул этот “приют тоски и одиночества”.

Вскоре после падения Майяпана, всего через несколько десятилетий, на полуострове высадились испанцы, и участь майя была решена. Когда-то один пророк, слова которого приводятся в “Книгах Чилам-Балам”, предсказывал появление чужестранцев и его последствия. Вот как звучало пророчество: “Принимайте ваших гостей, бородатых людей, которые идут с востока... Это начало гибели”. Но те же самые книги предупреждают и о том, что не только внешние обстоятельства, но и сами майя будут виновны в том, что случится. “И не было больше счастливых дней, — гласит пророчество, — здравомыслие нас оставило”. Можно подумать, что задолго до этого последнего завоевания майя знали, что слава их потускнеет и древняя мудрость забудется. И все же, словно предвидя будущие попытки ученых вызвать из небытия их мир, они высказали надежду, что когда-нибудь голоса из прошлого будут услышаны: “В конце нашей слепоты и нашего позора все откроется вновь”.

СОКРОВИЩА МАЙЯ

Не для того, чтобы порадовать глаз, но ради высших целей — служения богам и высоким правителям, художники майя создавали свои бесчисленные сокровища. Ритуальные предметы должны были понравиться богам — тогда можно было рассчитывать на их защиту и помощь. Глиняные, каменные, резные, шлифованные или покрашенные в яркие цвета, эти предметы могли быть любой формы, в том числе могли изображать богов, людей и животных. Все художественные элементы имели какое-то символическое значение. Например, считалось, что нефрит в мозаичной маске, положенной на лицо умершего правителя, обеспечивает его душе вечную жизнь. Дырочка в расписном полихромном блюде (наверху) показывает, что блюдо “убито” и что его освободившаяся душа может сопровождать умершего в загробных странствиях.

Майя не знали ни металлических инструментов, ни гончарного круга, и тем не менее создавали из глины прекрасные и практичные вещи, используя формовку,

апликацию и свободную лепку. Каменные инструменты и шлифовальные порошки применялись не только для работ с твердыми поделочными камнями вроде нефрита, ими обрабатывали и кремль, и раковины. Предметы, создаваемые мастерами, должны были иметь форму и орнамент, как предписывала традиция; и тем не менее у мастера оставалась возможность проявить творческий подход в мельчайших деталях. Художник, расписывавший блюдо, смог несколькими штрихами передать невыразимую грацию танцора, который взмахнул рукой, чтобы удержать равновесие и сделать следующий шаг.

В искусстве майя изображение часто передает действия или эмоции. Мастера выработали стиль одновременно и натуралистический, и информативный, вкладывая в свои произведения заряд жестокости, юмора или нежности. Предметы, созданные руками безымянных мастеров, до сих пор поражают людей своей красотой, помогая нашим современниками оживить в своем воображении этот давно исчезнувший мир.

Глиняная статуэтка, до сих пор сохранявшая следы первоначальной голубой окраски, изображает знатного человека в волнообразном головном уборе, напоминающем рыбу. Человек присел в грациозном поклоне, по всей его позе можно судить об изяществе его движений. Эта фигурка, которую использовали в ритуале погребения, найдена на острове Джайна.

Непроницаемым взглядом смотрит на нас из прошлого эта каменная маска в натуральную величину, увенчанная изображением какого-то божества с акулиным зубом. Когда-то она закрывала лицо правителя или знатного человека из Тикаля, отправившегося в страну мертвых. Губы из кусочков морской раковины, глаза из перламутра и пирита резко выделяются на серо-зеленом фоне из диопсида, который лишь оттеняют зеленые ушные украшения из жадеита, выточенные с исключительной тщательностью.

Самое крупное животное джунглей — олень — изображен на этом цветном расписном трехногом сосуде (триподе). Самые ранние образцы этого стиля, найденные в горах Гватемалы, были монохромные. Художник раскрасил сосуд красной, желтой и черной краской, а в пустотелые ножки бросил крошечные глиняные шарики, так что, если его потрясти, он зазвучит.

Керамическая коробка в виде некоего божества, стоящего вверх ногами, говорит о влиянии иных мезоамериканских культур на позднейшее искусство майя. Об этом можно судить по пятнам, какие бивают на шкуре ягуара, и по цветным полосам на лице. Считается, что это изображение бога кукурузы, он держит в руках обычную пищу майя — тамали из кукурузы.

На стенках этого экзотического глиняного сосуда встретились странные существа: два антропоморфных Змея Всевидения смотрят друг на друга, а над ними нависает похожее на крокодила Небесное Чудище. Чтобы добиться эффекта глубины и игры света и тени, мастер пользовался техникой аппликации, вырезая кусочки глины и накладывая их слой за слоем на поверхность сосуда.

Отдавая дань одновременно и реальности, и символу, человек, вырезавший из раковины эту собачку (длиной не более 6 сантиметров), придал ей естественную позу и

вместе с тем украсил инкрустацией из нефрита. Фигурка найдена в центральной части области майя и датируется приблизительно 300—600 годами н. э.

Этот страшный предмет, отправлявший человека в мир иной, сделан из кремня, длина его — 40 сантиметров. Небесное Чудище, с широко разинутой пастью, сопровождает умерших в подземный мир, ныряет в глубину, утягивая за собой "протекающее каное жизни". На борту его три пассажира — умерший и его спутники, от мощного рывка они откинулись назад.

Применяя технику росписи, известную в Теотиуакане, когда краска накладывается поверх влажного слоя штукатурки, художник создал яркие, нетускнеющие образы. На стенках трипода он изобразил, как из клюва кестуля появляется человек. Скульптурная голова божества или духа на крышке одновременно служит ручкой — такая деталь есть на многих сосудах майя.

Громадные клыки и красная глотка, окрашенная киноварью, придают еще большую убедительность этой глиняной собачьей голове — в действительности это был сосуд, который стоял на крошечных ножках, приделанных со стороны шеи. Сосуд был найден в Копане в захоронении знатного человека. Согласно представлениям майя, собаки — символа выносливости, они сопровождают умершего в его блужданиях по страшному подземному царству.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАНОРАМА. ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ВЕКА

Около 10 000 лет тому назад, когда закончился последний ледниковый период, люди с севера двинулись осваивать южные земли,

известные теперь под названием Латинская Америка. Они расселились на территории, составившей потом область майя, с горами и

долинами, густыми лесами и безводными равнинами. В область майя входят современные Гватемала, Белиз, часть Мексики, Гонду-

“ДОКЛАССИЧЕСКИЙ” ПЕРИОД 1500 год до н. э.—250 год н. э.

КАМЕННАЯ МАСКА

Люди приобрели некоторые сельскохозяйственные навыки, научились повышать урожайность полей, по всей области майя возникают густонаселенные поселки сельского типа. Около 1000 года до н. э. сельские жители Куэльво (на территории Белиза) изготавливали глиняную посуду и хоронили умерших, соблюдая положенный церемониал: в могилу клали кусочки зеленого камня и другие ценные предметы. В искусстве майя этого периода заметно влияние ольмекской цивилизации, возникшей в Мексике на берегу залива и установившей торговые связи со всей Мезоамерикой. Некоторые ученые считают, что созданием иерархического общества и царской власти древние майя обязаны ольмекскому присутствию в южных районах области майя с 900 по 400 год до н. э.

Власть ольмексов кончилась, начинается рост и процветание южных торговых городов майя. С 300 года до н. э. по 250 год н. э. возникают такие крупные центры, как Накбэ, Эль-Мирадор и Тикаль. Используются ритуальный, солнечный и лунный календари, развивается иероглифическая письменность, возводятся храмы, украшенные скульптурными изображениями богов, а затем и правителей майя. В гробницах правителей майя этого периода находят богатые приношения. Эта маска из зеленого камня лежала в склепе знатного человека, жившего в Тикале в I веке до н. э.

РАННИЙ “КЛАССИЧЕСКИЙ” ПЕРИОД 250—600 годы н. э.

ЧАША-ТРИПОД С КРЫШКОЙ

К 250 году н. э. Тикаль и соседний с ним город Вашактун становятся главными городами в центральной низменной зоне на территории майя. Общество разделилось на правящую элиту и подчиненный ей трудящийся класс земледельцев, ремесленников, торговцев. Начиная с III века правители (цари), облеченные высшей властью, воздвигают храмы-пирамиды и стелы с изображениями и надписями, призванными увековечить их правление; обряд посвящения состоит из ритуала кровопускания и человеческих жертвоприношений. Самая ранняя из известных стел (датирована 292 годом) найдена в Тикале, она поставлена в честь одного из наследников правителя Яш-Мок-Шока, основавшего в начале века династию, которой суждено было править городом 600 лет. В 378 году, при девятом правителе из этой династии — Лапе Великого Ягуара, Тикаль покорил Вашактун. К тому времени Тикаль находился под влиянием племени воинов и торговцев из мексиканского центра Теотиуакана, переняв у иноземцев некоторые методы ведения войны.

Развитие ремесел (примером чему служит этот полихромный сосуд, изображающий птицу-рыболова) и успехи архитектуры говорят о том, что искусство в этот период находилось на подъеме. В VI веке в Тикале наступает непонятная полоса затишья: в период с 534 по 593 год памятников почти не ставили.

раса и Сальвадора. В течение последующих 6000 лет местное население перешло от полукочевого существования охотников-собираателей к более оседлому земледельческому образу жизни. Они научились выращивать кукурузу и бобы, с помощью разнообразных

каменных приспособлений измельчали зерно и готовили еду. Постепенно возникали поселки.

Примерно в 1500 году до н. э. началось повсеместное строительство поселков сельского типа, послужившее сигналом о начале так называемого "доклассического периода", с которо-

го начинается отсчет столетий славы цивилизации майя. О последующем развитии этой культуры ученые узнают по археологическим находкам и по иероглифическим текстам на каменных монументах, рассказывающих об истории этого удивительного народа.

ПОЗДНИЙ "КЛАССИЧЕСКИЙ" ПЕРИОД 600—900 годы н. э.

КРЕМЬ-КРИВЛЯКА

Классическая культура майя, для которой характерно бурное строительство дворцов и храмов, в VI—VIII веках вышла на новый уровень развития. Тикаль возвращает себе былую славу, но появляются и другие, не менее влиятельные центры. На западе области майя процветает Пахенке, которым правит Пакаль, пришедший к власти в 615 году и похороненный с наивысшими почестями в 683 году. В VII веке, во время 67-летнего правления Дыма-Ягуара, снискал себе славу и юго-восточный город Копан. Хотя правители таких городов приходились друг другу родственниками вследствие междинастических браков, да и в культуре — искусстве и религии — этих городов было много общего, они оставались соперниками. Войны между городами были обычным явлением.

Продолжает развиваться искусство, ремесленники снабжают знать различными изысканными поделками, такими, как этот нож, названный из-за причудливости формы "кривлякой". Предназначавшийся для священного ритуала, этот кремневый нож был найден среди прочих подношений в Копане. Продолжается строительство церемониальных зданий и многочисленных стел, возносящих личные заслуги правителей. Однако начиная с VIII века, и особенно в IX веке, города центральных низменностей приходят в упадок. В 822 году политический кризис потряс Копан; последняя датированная надпись в Тикале относится к 869 году.

"ПОСТКЛАССИЧЕСКИЙ" ПЕРИОД 900—1500 годы н. э.

КАМЕННАЯ ФИГУРА

Истощение природных ресурсов, упадок сельского хозяйства, перенаселенность городов, эпидемии, вторжение индейцев, социальные потрясения и непрекращающиеся войны — все это как вместе, так и по отдельности могло послужить причиной заката цивилизации майя в южных равнинных областях. К 900 году н. э. строительство на этой территории прекращается, некогда многолюдные города, покинутые жителями, превращаются в руины. Но культура майя все еще живет в северной части Юкатана. Такие прекрасные города, как Ушмаль, Кабах, Сайиль и Лабна в холмистой местности Пуук, существуют вплоть до 1000 года.

Примерно в это же время для города Чичен-Ица наступает пора процветания, продолжающаяся двести лет. Новые скульптурные мотивы, такие, как эта каменная фигура — колонна из Дворца ягуаров, и некоторые другие архитектурные детали отражают возросшее влияние мексиканских культур, преимущественно тольтекской, развившейся в Центральной Мексике прежде ацтекской. После внезапного и загадочного падения Чичен-Ицы главным городом на Юкатане становится обнесенный стеной Майяпан. После 250-летнего успешного правления династии Кокомов, в 1441 году Майяпан был разрушен во время восстания, поднятого вождями соседних городов. После этого цивилизация майя в прежнем виде перестает существовать, вырождается в кучку племен, занятых только войной, и готовится принять последний сокрушительный удар — вторжение испанских конкистадоров, начавшееся в XVI веке.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Редакторы и авторы выражают свою признательность всем специалистам, которые оказали неоценимую помощь при подготовке этого тома:

Anthony Andrews, Sarasota, Florida; Michel Antochiw, Mérida, Mexico; Ferdinand Anton, Munich; Ronald L. Bishop, Washington, D. C.; Bénédicte Bouhours, Paris;

James Brady, American Embassy, Guatemala; Emile Deletaille, Brussels; David Freidel, Dallas, Texas; Susan Giles, Bristol, England; Ian Graham, Cambridge, Massachusetts; Nikolai Grube, Bonn; Richard Hansen, Los Angeles; Angela Heartfield, Nashville, Tennessee; Christopher Jones, University Museum, University of Pennsylvania, Philadelphia; Justin Kerr, New York City;

Martha Labell, Cambridge, Massachusetts; Stanley Loten, Ottawa; Mary Ellen Miller, New Haven, Connecticut; Manfred Muhlner, Dresden; Arturo Romano Pacheco, Mexico City; Alessandro Pezzati, Philadelphia; Dorie Reents-Budet, Durham, North Carolina; Merle Greene Robertson, San Francisco; Karl Taube, Riverside, California.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Ниже, с искренней благодарностью авторов, приводится список источников, из которых были взяты иллюстрации для этого тома. Весь перечень организован в три столбца, различные источники в столбцах отмечены косой чертой.

Cover: Dumbarton Oaks Research Library and Collections, Washington, D. C. Background Roberto Schezen, New York. End paper: Art by Paul Breeden. 6: Kenneth Garrett, Broad Run, Va. 8-13: Enrique Franco Torrijos, courtesy Mr. and Mrs. John Plunket. 16: Real Academia de la Historia, Madrid. 17: Luis Arenas, Archivo General de Indias, Seville, Spain. 18, 19: Luis Arenas, Archivo General de Indias, Seville, Spain; Bibliothèque Nationale, Paris. 20, 21: Courtesy of The Edward E. Ayer Collection, The Newberry Library, Chicago—Bibliothèque Nationale, Paris. 22: Bibliothèque Nationale, Paris. 23: Mireille Vautier, Paris. 24: Peabody Museum, Harvard University, photographs by Le Plongeon; third photo from left bottom row from Marly P. Hall Collection at the Philosophical Research Society, Los Angeles. 26: Courtesy Bristol Museums and Art Gallery, England. 27: National Museums and Galleries on Merseyside/Collection Bristol Museums and Art Gallery, England (3); Gianni Dagli Orti, Paris/National Museum of Anthropology, Mexico City. 28, 29: Archiv für Kunst und Geschichte, Berlin/Museo de America, Madrid. 30: Art by Fred Holz; art by Time-Life Books, courtesy The University Museum, University of Pennsylvania. 31: Art by Time-Life Books, courtesy Linda Schele (first row down, 3); art by Time-Life Books, courtesy The University Museum, University of Pennsylvania. 32: Courtesy Yuri Valentinovich Knorozov, Doctor of Historical Science, Academy of Science, U.S.S.R. 33: Peabody Museum, Harvard University, photograph by Hillel Burger. 35: Neg. no. 330212, photo by Alfred P. Maudslay, courtesy Department Library Services, American Museum of Natural His-

tory, New York. 36, 37: Courtesy the Trustees of the British Library, London. 38: Bibliothèque Nationale, Paris. 39: Courtesy the Trustees of the British Library, London. 40, 41: Courtesy Peabody Museum, Harvard University, photograph by T. Maler; Peabody Museum, Harvard University, photograph by T. Maler. 42, 43: Peabody Museum, Harvard University, photographs by Edward H. Thompson. 44, 45: Courtesy the Trustees of the British Library, London; Peabody Museum, Harvard University. 46: Norman Hammond, Boston University. 48: Norman Hammond, Boston University—Lowell Georgia. 50, 51: ©Martha Cooper/Peter Arnold, Inc. 52: Lowell Georgia—Eberhard Thiem, Lotos Film, Kaufbeuren/Department of Archaeology, Belmopan, Belize. 53: ©Martha Cooper/Peter Arnold, Inc. 54: Bob Greenlee, Bend, Oreg. 55: Mary Elizabeth Chambers. 56: ©Justin Kerr, New York. 58, 59: Courtesy Richard Hansen. 60, 61: Eberhard Thiem, Lotos Film, Kaufbeuren/Instituto Hondureño de Antropología e Historia, Copán—Peter T. Furst, Devon, Pa. 62: William M. Ferguson, Durango, Colo. 63: James F. Garber, Southwest Texas State University, courtesy David A. Freidel, Dallas. 64: Art by Stephen R. Wagner. 65: ©Martha Cooper/Peter Arnold, Inc. 66: ©Justin Kerr, New York; Lowell Georgia. 67: ©Justin Kerr, New York. 68, 69: ©Justin Kerr, New York, except bottom left, drawing by Michael D. Coe, courtesy The Grolier Club of New York. 71: Enrique Franco Torrijos/Museo Sylvanus G. Morley, Parque Nacional Tikal, Guatemala. 73: Mary Elizabeth Chambers. 74, 75: Enrique Franco Torrijos—William M. Ferguson, Durango, Colo.; drawing by Stanley Loten, Ottawa, Ont. 76, 77: William M. Ferguson, Durango, Colo.; J. & P. VanKirk, Nobleton, Fla.—drawing by Stanley Loten, Ottawa, Ont. 78, 79: Kenneth Garrett, Broad Run, Va.; art by Stephen R. Wagner; Kevin Schafer/ALLSTOCK, Seattle. 80: William L. Fash, DeKalb, Ill. 82:

©David Alan Harvey/Woodfin Camp, Inc. 83: Robert Freerck/Odyssey productions, Chicago—Tony Morrison/South American Pictures, Woodbridge, Suffolk, England. 84: Merle Greene Robertson, copyright 1976. 85: Gianni Dagli Orti, Paris/National Museum of Anthropology, Mexico City. 86: Dr. Arturo Romano Pacheco. 87: Wemer Forman Archive, London/National Museum of Anthropology, Mexico City. 88, 89: The University Museum, University of Pennsylvania (neg. no. T4-206c3). 90: Kenneth Garrett, Broad Run, Va. 92: Peabody Museum, Harvard University, photograph by Hillel Burger. 94: Peabody Museum, Harvard University; ©Richard Alexander Cooke III. 95: Reflejo/Susan Griggs Agency, London. 96, 97: Kenneth Garrett, Broad Run, Va. 98, 99: William L. Fash, DeKalb, Ill. 100: ©Richard Alexander Cooke III. 101: Bibliothèque Nationale, Paris. 102, 103: William L. Fash, DeKalb, Ill. 104: James E. Brady/Petexbatun Regional Cave Survey, Guatemala. 107: Dallas Museum of Art, J. B. H. Henderson Memorial Fund; Dallas Museum of Art, gift of Alfred Stendahl. 108, 109: ©Justin Kerr, New York. 110, 111: ©Justin Kerr, New York; Lee Boltin, Croton-on-Hudson, N. Y.; ©Justin Kerr, New York. 112-117: ©Justin Kerr, New York. 118: Peabody Museum, Harvard University, photograph by Hillel Burger. 120: Peabody Museum, Harvard University, photograph by Hillel Burger/drawing by Dr. Tatiana Proskouriakoff. 121: J. & P. VanKirk, Nobleton, Fla. 122: Peabody Museum, Harvard University. 123: Peabody Museum, Harvard University, photograph by A. Tozzer. 124: Peabody Museum, Harvard University, photograph by Hillel Burger. 125: From *The Well of Sacrifice*, by Donald Ediger, Doubleday & Co., Garden City, N. Y., 1971. ©1971 Expeditions Unlimited, Inc. 128, 129: Peabody Museum, Harvard University, photograph by Hillel Burger. 130, 131: Background ©1992 Gary Braasch, Portland, Oreg. From *Codex Dresdensis*, Sachsis-

che Landesbibliothek, Dresden, photograph by ADEVA Bildstelle, Graz—William M. Ferguson, Durango, Colo. 132, 133: Background ©David Alan Harvey/Woodfin Camp, Inc. From *Codex Dresdensis*, Sächsische Landesbibliothek, Dresden, photograph by ADEVA Bildstelle, Graz; art by Time-Life Books, based on an illustration in *The Ancient Maya*, by Sylvanus G. Morley and George W. Brainerd (revised by Robert J. Sharer, 4th edition, 1983), Stanford University Press; ©Justin Kerr, New York. 134: From *The Temple of the Warriors at Chichen Itza, Yucatan*, by Morris, Charlott, and Morris, 1931, Carnegie Institution of Washington. 135: Peabody Museum, Harvard University. 136: ZEFA, London. 139:

©Filmteam/ D. Donne Bryant Stock Picture Agency, Baton Rouge, La. 140, 141: Robert Frerck/Odyssey Productions, Chicago; D. Donne Bryant Stock Picture Agency, Baton Rouge, La.—Enrique Franco Torrijos—Photo Jean Mazenod, *L'Art Précolombien*, éditions Citadelles & Mazenod, Paris. 144, 145: Peabody Museum, Harvard University, photograph by Edward H. Thompson. 146, 147: D. Donne Bryant Stock Picture Agency, Baton Rouge, La.—Peabody Museum, Harvard University, photograph by Edward H. Thompson. 149: Jeffrey Jay Fox/ NYC. 151: Eberhard Thiem, Lotos Film, Kaufbeuren/Museo Nacional de Arqueología y Etnología, Guatemala City. 152, 153: Eberhard Thiem, Lotos Film, Kaufbeuren/Museo Na-

cional de Arqueología y Etnología, Guatemala City; Hughes Dubois, Brussels, courtesy Treasures of the New World. 154: Eberhard Thiem, Lotos Film, Kaufbeuren/Museo Popol Vuh, Guatemala City. 155: Peter T. Furst, Devon, Pa. 156, 157: Eberhard Thiem, Lotos Film, Kaufbeuren/National Museum of the American Indian, Smithsonian Institution; Dallas Museum of Art, The Eugene and Margaret McDermott Fund, in honor of Mrs. Alex Spence; Hughes Dubois, Brussels, courtesy Treasures of the New World. 158: Hughes Dubois, Brussels, courtesy Treasures of the New World. 159: Peabody Museum, Harvard University, photograph by Hillel Burger. 160, 161: Art by Paul Breeden.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

КНИГИ

Adams, Richard E. W. *Prehistoric Mesoamerica* (rev. ed.). Norman: University of Oklahoma Press, 1991.

Aveni, Anthony F. *Skywatchers of Ancient Mexico*. Austin: University of Texas Press, 1983.

Barrera Rubio, Alfredo. *Official Guide: Uxmal*. Mexico City: INAH-SALVAT, 1990.

Baudéz, Claude, and Sydney Picasso. *Lost Cities of the Maya*. New York: Harry N. Abrams, 1992.

Benson, Elizabeth P. *The Maya World* (rev. ed.). New York: Thomas Y. Crowell, 1977.

Berjonneau, Gérald, and Jean-Luis Sonnerly. *Rediscovered Masterpieces of Mesoamerica: Mexico-Guatemala-Honduras*. Boulogne, France: Editions Arts 135, 1985.

Brunhouse, Robert L. *In Search of the Maya: The First Archaeologists*. New York: Ballantine Books, 1973.

Carlson, John B. "A Geomantic Model for the Interpretation of Mesoamerican Sites: An Essay in Cross-Cultural Comparison". In *Mesoamerican Sites and World-Views*, edited by Elizabeth P. Benson. Washington, D. C.: Dumbarton Oaks, 1981.

Carrasco, David. *Religions of Mesoamerica*. San Francisco: Harper & Row, 1990.

Castellanos, Fernando Robles, and Anthony P. Andrews. "A Review and Synthesis of Recent Postclassic Archaeology in Northern Yucatan". Chapter 3 in *Late Lowland Maya Civilization*, edited by Jeremy A. Sabloff and E. Wyllys Andrews V. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1986.

Ceram, C. W. *Gods, Graves, and Scholars*. Translated by E. B. Garside. New York: Alfred A. Knopf, 1952.

Coe, Michael D.:
Lords of the Underworld. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1978.
The Maya (4th ed.). New York: Thames and Hudson, 1991.
The Maya Scribe and His World. New York: Grolier Club, 1973.

Coe, Michael, Dean Snow, and Elizabeth Benson. *Atlas of Ancient America*. New York: Facts On File, 1989.

Coe, William:
Excavations in the Great Plaza, North Terrace, and North Acropolis of Tikal (Tikal report no. 14, Vols. 1-6). Philadelphia: University Museum, University of Pennsylvania, 1990.
Tikal. Philadelphia: University Museum, University of Pennsylvania, 1988.

Coggins, Clemency Chase, and Orrin C. Shane III (Eds.). *Cenote of Sacrifice*. Austin: University of Texas Press, 1984.

Danién, Elin C., and Robert J. Sharer (Eds.). *New Theories on the Ancient Maya* (University Museum Symposium Series, Vol. 3). Philadelphia: University Museum, University of Pennsylvania, 1992.

Davis, Keith F. *Désiré Charnay: Expeditionary Photographer*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1981.

Desmond, Lawrence Gustave, and Phyllis Mauch Messenger. *A Dream of Maya*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1988.

Ediger, Donald. *The Well of Sacrifice*. Garden City, N. Y.: Doubleday, 1971.

Fagan, Brian M.:
The Adventure of Archaeology. Washington, D. C.: National Geographic Society, 1985.
Kingdoms of Gold, Kingdoms of Jade. New York: Thames and Hudson, 1991.

Fash, William L. *Scribes, Warriors, and Kings*. New York: Thames and Hudson, 1991.

Ferguson, William M., and Arthur H. Rohn. *Mesoamerica's Ancient Cities*. Niwot: University Press of Colorado, 1990.

Ferguson, William M., and John Q. Royce. *Maya Ruins in Central America in Color*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1984.

Furst, Jill Leslie, and Peter T. Furst. *Pre-Columbian Art of Mexico*. New York: Abbeville Press, 1980.

Gallenkamp, Charles. *Maya: The Riddle and Rediscovery of a Lost Civilization* (3d rev. ed.). New York: Viking, 1985.

Gallenkamp, Charles, and Regina Elise Johnson (Eds.). *Maya: Treasures of an Ancient Civilization*. New York: Harry N. Abrams, 1985.

Hammond, Norman. "Preclassic Maya Civilization" Chapter 10 in *New Theories on the Ancient Maya*, edited by Elin C. Danién and Robert J. Sharer. Philadelphia: University Museum, University of Pennsylvania, 1992.

Harris, John F., and Stephen K. Stearns. *Understanding Maya Inscriptions*. Philadelphia: University Museum, University of Pennsylvania, 1992.

Hawkes, Jacquetta (Ed.). *The World of the Past*. New York: Alfred A. Knopf, 1963.

- Hellmuth, Nicholas M. *Ballgame Iconography and Playing Gear*. Culver City, Calif.: Foundation for Latin American Anthropological Research, 1987.
- Henderson, John S. *The World of the Ancient Maya*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1981.
- Heyden, Doris, and Paul Gendrop. *Pre-Columbian Architecture of Mesoamerica*. Translated by Judith Stanton. New York: Harry N. Abrams, 1975.
- Houston, S. D. *Maya Glyphs*. London: British Museum Publications, 1989.
- Hunter, C. Bruce. *A Guide to Ancient Maya Ruins* (2d ed., rev.). Norman: University of Oklahoma Press, 1986.
- Jones, Christopher. *Deciphering Maya Hieroglyphs*. Philadelphia: University Museum, University of Pennsylvania, 1984.
- Kerr, Justin. *The Maya Vase Book* (3 vols.). With essays by Joseph W. Ball, et al. New York: Kerr Associates, 1989-1992.
- Kubler, George. *The Art and Architecture of Ancient America*. New York: Penguin Books, 1984.
- Landa, Friar Diego. *Yucatan before and after the Conquest*. Translated with notes by William Gates. New York: Dover Publications, 1978.
- Leal, Maricia Castro. *Archaeological Mexico*. Florence: Casa Editrice Bonechi, 1990.
- Maudslay, Alfred P. *Biologia Centrali-Americana* (Vols. 1 and 2). Edited by F. Duane Godman and Osbert Salvin. London: R. H. Porter, 1889-1902.
- Mercer, Henry C. *The Hill-Caves of Yucatan*. Norman: University of Oklahoma Press, 1975.
- Meyer, Carolyn, and Charles Gallenkamp. *The Mystery of the Ancient Maya*. New York: Atheneum, 1985.
- Miller, Mary Ellen. *The Art of Mesoamerica from Olmec to Aztec*. London: Thames and Hudson, 1990.
- Morley, Sylvanus G., and George W. Brainerd. *The Ancient Maya* (4th ed., rev. by Robert J. Sharer). Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1983.
- Morris, Earl Halstead. *The Temple of the Warriors at Chichen Itza, Yucatan*. Washington, D. C.: Carnegie Institution of Washington, 1931.
- National Geographic Society. *Lost Empires: Living Tribes*. Washington, D. C.: National Geographic Society, 1982.
- Popol Vuh*. Translated by Dennis Tedlock. New York: Simon and Schuster, 1985.
- Popol Vuh*. English version by Delia Goetz and Sylvanus G. Morley, from the translation of Adrián Recinos. Norman: University of Oklahoma Press, 1991.
- Proskouriakoff, Tatiana. *An Album of Maya Architecture*. Norman: University of Oklahoma Press, 1963.
- Ramos, Carolyn. *The Art of Mexico*. Dubuque, Iowa: Kendall/Hunt Publishing, 1988.
- Reents-Budet, Dorie. "Maya Civilization prior to European Contact". In *The Modern Maya*, by Macduff Everton. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1991.
- Ruz, Alberto. "An Astonishing Discovery: The Noble's Tomb at Palenque". In *The World of the Past*, edited by Jacquetta Hawkes. New York: Alfred A. Knopf, 1963.
- Sabloff, Jeremy A.: *The Cities of Ancient Mexico*. New York: Thames and Hudson, 1989. *The New Archaeology and the Ancient Maya*. New York: Scientific American Library, 1990.
- Scheffler, Lillian. *Uxmal, Kabah, Sayil, Labná*. Guidebook. Mexico City: Panorama Editorial, S. A., 1988.
- Schele, Linda, and David Freidel. *A Forest of Kings*. New York: William Morrow, 1990.
- Schele, Linda, and Mary Ellen Miller. *The Blood of Kings*. Fort Worth, Tex.: Kimbell Art Museum, 1986.
- Sharer, Robert J. "The Preclassic Origin of Lowland Maya States", Chapter 9 in *New Theories on the Ancient Maya*, edited by Elin C. Danien and Robert J. Sharer. Philadelphia: University Museum, University of Pennsylvania, 1992.
- Sodi Morales, Demetrio. *The Maya World*. Mexico City: Minutiae Mexicana, 1991.
- Spinden, Herbert J. *A Study of Maya Art*. New York: Dover Publications, 1975.
- Stephens, John L.: *Incidents of Travel in Central America, Chiapas, and Yucatan* (2 vols.). New York: Dover Publications, 1969. *Incidents of Travel in Yucatan* (2 vols.). New York: Dover Publications, 1963.
- Stierlin, Henri. *Art of the Maya*. New York: Rizzoli, 1981.
- Stuart, Gene S. *America's Ancient Cities*. Washington, D. C.: National Geographic Society, 1988.
- Stuart, George E. "Quest for Decipherment: A Historical and Biographical Survey of Maya Hieroglyphic Investigation". Chapter 1 in *New Theories on the Ancient Maya*, edited by Elin C. Danien and Robert J. Sharer. Philadelphia: University Museum, University of Pennsylvania, 1992.
- Stuart, George E., and Gene S. Stuart: *Discovering Man's Past in the Americas*. Washington, D. C.: National Geographic Society, 1973. *The Mysterious Maya*. Washington, D. C.: National Geographic Society, 1977.
- Suárez, Luis. *The Yucatan of the Mayas*. Translated by R. Kelly and Pilar P. Valdelomar. León, Spain: Editorial Everest, S. A., 1980.
- Thompson, J. Eric S.: "The Fall of Classic Mayan Civilization". In *The World of the Past*, edited by Jacquetta Hawkes. New York: Alfred A. Knopf, 1963. *Maya History and Religion*. Norman: University of Oklahoma Press, 1990.
- Trout, Lawana Hooper. *The Maya*. New York: Chelsea House Publishers, 1991.
- Varela G., Elizabeth. *Uxmal*. Mexico City: Ediciones Alducin, 1985.
- Von Hagen, Victor Wolfgang. *Frederick Catherwood, Architect*. New York: Oxford University Press, 1950.
- Willard, T. A. *The City of the Sacred Well*. New York: Century Company, 1926.

ПЕРИОДИКА

- Andrews, Anthony P. "The Maya Rediscovered". *Natural History*, October 1991.
- Aveni, Anthony F., Sharon L. Gibbs, and Horst Hartung. "The Caracol Tower at Chichén Itzá: An Ancient Astronomical Observatory?" *Science*, June 1975.
- Brady, James E., and George Veni. "Man-Made and Pseudo-Karst Caves: The Implications of Subsurface Features within Maya Centers". *Geoarchaeology: An International Journal*, 1992, Vol. 7.
- Carlson, John B. "America's Ancient Skywatchers". *National Geographic*, March 1990.
- Coe, Michael D. "A Triumph of Spirit". *Archaeology*, September/October 1991.
- Coe, William R. "Resurrecting the Grandeur of Tikal". *National Geographic*, December 1975.
- Dávalos, Eusebio Hurtado. "Into the Well of Sacrifice: Return to the Sacred Cenote". *National Geographic*, October 1961.
- Fash, Barbara W. "Late Classic Architectural Sculpture Themes in Copan". *Ancient Mesoamerica*, Spring 1992.
- Fash, William L. Jr., and Barbara W. Fash. "Scribes, Warriors, and Kings: The Lives of the Copán Maya". *Archaeology*, May/June 1990.
- Fash, William L., et al. "The Hieroglyphic Stairway and Its Ancestors: Investigations of Copan Structure 10L-26". *Ancient Mesoamerica*, Spring 1992.
- Fasquelle, Ricardo Agurcia, and William L. Fash, Jr.: "Copán: A Royal Tomb Discovered". *National Geographic*, October 1989. "Maya Artistry Unearthed". *National Geographic*, September 1991.
- Hammond, Norman: "Precious Stone of Grace". *Natural History*, August 1991. "Unearthing the Oldest Known Maya". *National Geographic*, July 1982.

Hansen, Richard D. "The Maya Rediscovered". *Natural History*, 1991.

Jones, Christopher. "Maya Hieroglyphs". *Expedition*, 1985, Vol. 27.

LaFay, Howard. "The Maya, Children of Time". *National Geographic*, December 1975.

Littlehales, Bates. "Into the Well of Sacrifice: Return to the Sacred Cenote". *National Geographic*, October 1961.

McConohay, Mary Jo. "Arthur Demarest and the Temple of Doom" *Image (San Francisco Examiner Sunday magazine)*, August 4, 1991.

Reents-Budet, Dorie. "The Discovery of a Ceramic Artist and Royal Patron among the Classic Maya". *Mexicon*, November 1987.

Rice, Don S. "The Maya Rediscovered". *Natural History*, February 1991.

Roberts, David. "The Decipherment of Ancient Maya". *The Atlantic Monthly*, September 1991.

Ruz, Alberto Lhuillier. "The Mystery of the Temple of the Inscriptions". Translated by J. Alden Mason. *Archaeology*, Spring 1953.

Sabloff, Jeremy A. "The Maya Rediscovered". *Natural History*, January 1991.

Schele, Linda. "The Maya Rediscovered". *Natural History*, November 1991.

Stuart, George E.: "City of Kings and Commoners". *National Geographic*, October 1989.

"Riddle of the Glyphs". *National Geographic*, December 1975.

Ward, Fred. "Jade: Stone of Heaven". *National Geographic*, September 1987.

ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ

"Archaeological Prints" Catalog. Kensington, Calif.: John Wolf Prints, 1992.

Banta, Melissa, and Curtis M. Hinsley. "From Site to Sight". Catalog. Cambridge, Mass.: Peabody Museum, 1986.

Brady, James E. "The Petexbatun Regional Cave Survey: Ritual and Sacred Geography". Paper presented at 47th International Congress of Americanists, New Orleans, July 7-11, 1991.

Couch, N. C. Christopher. "Precolumbian Arts from the Ernest Ericson Collection". Catalog. New York: American Museum of Natural History, 1988.

Deletaille, Emile. "Trésors du Nouveau Monde". Catalog. Brussels: Musées Royaux d'Art et d'Histoire, 1992.

Demarest, Arthur A. "Warfare, Demography, and Tropical Ecology: Speculations on the Parameters of the Maya Collapse". Paper presented at the 89th annual meeting of the American

Anthropological Association, November 1990.

"Die Welt der Maya". Catalog. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1992.

Giles, Sue, and Jennifer Steward (Eds.). "The Art of Ruins". Catalog. Bristol, England: City of Bristol Museum and Art Gallery, 1989.

Kowalski, Jeff Karl: "Uxmal: The Regional Capital of the Eastern PUUC District". Paper prepared for the session Capital Centers in Pre-Columbian America, Annual Meeting of the College Art Association, Northern Illinois University, 1991.

"The PUUC as Seen from Uxmal". Paper prepared for the First Maler Symposium on Archaeology of Northwest Yucatan, Bonn, Germany, August 1990.

Parsons, Lee A., John B. Carlson, and Peter David Joralemon. "The Face of Ancient America". Catalog. Indianapolis: Indianapolis Museum of Art, 1988.

Rensberger, Boyce. "Maya Sculpture Is Largest Found". *Washington Post*, March 9, 1992.

Wilford, John Noble. "What Doomed the Maya? Maybe Warfare Ruin Amok". *New York Times*, November 19, 1991.

УКАЗАТЕЛЬ

Курсивом обозначены номера страниц с иллюстрациями.

А

Агурсия Рикардо 91

Академия истории (Мадрид) 32

Алтарь Q (Копан) 96, 102

Американское антикварное общество 28, 121

Археологическая техника: копирование объектов 26; радарный метод 59—60; радиоуглеродная датировка 50, 126; этнографические исследования 149

Атлангида 28, 121

Атабатыль 71

Ах-Како 76, 77; могила 75; стела-памятник 74, 75

Ах-Кануль 147

Ацтеки 127, 142; испанское завоевание 14

Б

Баланканче (Трон жреца Ягуара), пещера: найденные в ней ритуальные объекты 139

Башня Волшебника (Ушмаль) 142

Белиз присутствие майя в Белизе 10; раскопки 47—48

Берлин Генрих: толкование знаков-эмблем 34

Бернаскони Антонио: планы строений майя 17

Бола Джозеф 142

Болончен: подземный колодец в Б. II

Бонампак: настенные росписи в Б. 92, 93

Брассер де Бурбур Шарль Этьен 32

Бретон Адела 26—27

Бриден Пол: оформление: форзац 160—161

Брэди Джеймс: исследование пещер майя 104—105

В

Вальдек Жан Фредерик 20, 21, 22; его рисунки городов майя 20—21

Вашактун 68, 160; раскопки 69—70; соперничество с Тикалем 70—72, 96; храмы 69

Верхний храм ягуаров (Чичен-Ица): каменные фигуры 26, 27

18-Кролик 80, 97, 99—100, 101, 103

Г

Галиндо Хуан 21, 25

Гарвардский университет 28, 33, 35, 45, 121, 135

Гватемала: присутствие майя в Гватемале 10

Гватемала-Сити 23

Гватемальский институт антропологии и истории 54

Геррера Антонио де 129

Герои-близнецы 56, 57, 95, 114; прототипы правителей майя 62

Главная площадь (Тикаль) 74, 75

Главный акрополь (Копан) 93

Голубой Кетцаль-Попугай см. Яш-Кук-Мо "Голубития" (Ушмаль) 42—43

Гондурас: присутствие майя в Гондурасе 9

Гролье кодекс 29; иероглифы из кодекса 133

Гуанайя, остров 14

Губернаторский дворец (Ушмаль) 10, 139, 140—141, 142

Д

Дворец в Лабне 144—145; 146—147

Дворец в Сайиле 147

Дворец масок (Кабах) 143

Дель Рио Антонио 21; посещение Паленке 18—19

Демарест Артур: раскопки в Дос-Пиласе 105—106

Джайна: керамические статуэтки — обложка 107, 109, 111, 112, 113, 115, 117, 153

Джонсон Ф. Кирк 125

"Длинный счет", календарь 127—128, 137
Дом совета (Копан) 102—103
Дос-Пилас 104; раскопки 105—106
Дрезденский кодекс 29; иероглифы из кодекса 131
Дым-Обезьяна 103
Дым-Раковина 100, 101, 102
Дым-Ягуар 96, 97, 99, 161
Дюпа Гильермо 21, 25; исследования центров майя 19—20

Ж

Женский монастырь (Ушмаль) 142; маски Чака 140
Женский монастырь (Чичен-Ица) 27

З

Завиток-Ахав-Ягуар 70
"Записки об экспедиции в Центральную Америку, Чьяпас и Юкатан" (Стефенс) 25
"Записки об экспедиции на Юкатан" (Стефенс) 25, 121
Змей Всевидения 67, 69—70, 100; изображение на глиняном сосуде 156
Змей-Ягуар см. Чан-Баалам
Золото: предмет торговли 124

И

Иероглифы 8—9, 25, 30—31, 60, 61, 62, 68, 72, 82, 93, 99, 139; дешифровка И. 13, 15—16, 28—29, 30, 32—34, 69, 89—90, 100—101, 143; невозможность прочесть И. 17; транскрипция И. 16; см. также Искусство майя, образцы; Кодексы; Лестница иероглифов; Письменность; Стелы
Индийцы майя 9
Исамаль 136, 137
Искусство майя, образцы: влияние других мезоамериканских культур 155, 158; изображение дворцового быта 108—115; каменная статуэтка 126; керамические статуэтки 107, 109, 111, 112, 113, 115, 117; "кремень-кривляка" 90, 156—157, 161; курьихица 71; маски 6, 27, 140, 151, 152; поделки из раковин 157; портретная живопись 69; раскрашенная скульптура 26; религиозная и социальная направленность искусства майя 151; роспись на керамике 68—69, 108—112, 114; теотиуаканское влияние 158; терракотовые сосуды 56, 68—69, 112—113, 154, 155, 156, 158, 159; тольтекское влияние 135; фигурки из глины 153; см. также Джайна
Исла-Серритос 135
Ица: см. D. Майя-ица
Иштаб 133

Й

Йельский университет 69, 90

К

Кабах 126, 161; раскопки 143—144
Казервуд Фредерик 12—13, 20, 127, 139; гибель 13; литографии с видами Копана

8—13; биография 22; новое открытие Копана 7—9, 23; посещение Паленке 23—25

Календарные праздники у майя 12, 15, 30, 131, 160
Калифорнийский университет (Лос-Анджелес) 54

Кальдерон Хосе 18
Кампече 42
Канделария, бассейн реки: "приподнятые поля" 59
Караколь (Чичен-Ица) 129, астрономические наблюдения, план 133

Карл IV 20
Карлсон Джон 54—55, 71
Карнеги институт 33, 34, 134, 135, 147—148
Карраско Рамон 144
Кастильо см. Эль-Кастильо
Кауак-Небо 100
Кели Давид 90

Керамика: находки в Накбе 54; погребальные принадлежности 68, 69, 97, 105; полихромные сосуды из Наранхо 68, 69; полихромный сосуд 160; раскрашенные фигурки обложка; расписные вазы 71; скульптурные изображения 112—113; технология 151; трипод 154; фотографическая развертка росписи 108, 116; фрагмент скульптуры 46; чаша из Куэльво 52

Кецаль: декоративное применение перьев 53
Кецалькоатль 127

Киргуа 36, 99, 100; стела 38, 39
Киче см. Майя-киче
"Книги Чилам-Баалам" 29, 127, 128, 135, 136, 137, 150

Кнорозов Ю. В. 32; прочтение иероглифов майя 32, 33—34

Ко Майкл 69
Ко Уильям: работа в Тикале 68
Коба 126, 127, 136; археологические работы 137—138; численность населения 137—138

Ковальски Джефр 143
Коголудо, падре: свидетельство о ритуальных жертвоприношениях у майя 139—142

Кодексы 13, 28—29, 32, 131, 133
Кокомы, династия 146—147, 148, 161

Колодец жертв 119—120, 136; см. также "Священный сенот"

Колумб Христофор 14, 64
Колумбийская выставка в Чикаго (1893 г.) 42
Копан 21, 25, 36, 72, 108, 126, 161; захватническая политика 99—100; иероглифы 93, 94; каменные орудия, изготовленные методом отжимной ретуши 90; комплекс для игры в мяч 94, 95; правящая династия 96; предметы, найденные в захоронениях 97, 101, 159; стелы 8—9, 44—45, 80; Стефенс и Казервуд в Копане 7—9, 23; развалины города 93—94; раскопки 28, 94, 95; упадок 102—104; храмы-пирамиды 100
Копан, река 93

Королевская библиотека (Дрезден) 29
"Короткий счет", календарь 128
Кортес Эрнан 14—15, 68
Косумель, острон 150
Кремень: символическое значение 101; кремневые орудия 60
Кукулькан 127, 131, 133
Курящая Лягушка 70, 72, 96
Куэльво 54, 55, 160; место жертвоприношения в Куэльво 47, 48, 49; пирамида 50—51; позвоночник морского ската, найденный в Куэльво 66; предметы, найденные в захоронениях 52, 53; предметы торговли 65; стелы 49—50

Л

Лабна 126, 161; развалины 144—145, 146—147; фотолаборатория Томпсона в Лабне 42

Ланца Диего де 19, 30, 127, 134, 140, 146—147, 148; попытка дешифровки иероглифов майя 32—33; сведения о "Священном сеноте" 119, 120, 124; сожжение книг майя 16; "Сообщение о делах в Юкатане" 15—16, 32, 119

Лапа Великого Ягуара 70—71, 96, 160

Лариос Руди 94

Леди Раковина-Звезда 68

Леди Шок 66, 67

Леплонжон Огастес 24; фантастическая версия происхождения майя 25—28; фотографическая таблица 24

Леплонжон Элис 24

Лестница иероглифов (Копан) 94, 95, 96, 10, 102; глиняные фигурки, найденные в гробнице 98—99

Лотен Стенли: эскизы реконструкции Тикаля 74—77

Лотроп Сэмюэл К. 135

Луна-Ноль-Птица 90

Лаунбури Флойд 90

М

Мадридский кодекс 32; страницы кодекса 28—29

Маиа 14

Майеб 30

Майя: архитектура 12, 17, 20, 25, 51, 55, 56, 71, 76, 126, 127, 128, 131, 133, 135, 136, 137, 140—141, 142; астрономические знания 12, 17, 63, 129, 130—131, 132—133; верования и обряды 55, 56, 57, 61, 62—63, 79, 95, 104—105, 107, 110, 113, 148, 149, 159; версии происхождения майя 21, 25, 121; войны 65, 68, 70—72, 93, 106, 116—117, 127, 128, 135, 136, 143, 150, 161; головные повязки 20, 54—55; городские центры майя 9; глиняная дудочка 53; "доклассический" период 161; дорожное сообщение 127, 137, 138, 144; европейские заболевания, их пагубное влияние на майя 15; женщины, их место в обществе майя 69, 107; жизнь во дворцах 108—109; закат цивилизации 12, 90, 92, 102, 104—106, 127, 161; захоронения 82,

88—89, 96—97, 105—106, 126, 160; золотые украшения 124; испанское завоевание 14—16, 150, 161; календари 12, 14, 15, 30, 126, 127—128, 131, 160; карты 64, 71, 106, 124, 127, 135, 160; "классический" период майя 50, 52, 70, 73, 82, 90, 93, 105, 108, 127, 137; классовая организация общества 12, 49, 54, 107, 108, 160; кодексы 13, 28—29, 32, 131, 133; курьезности 71, 118; литература 16, 56—57; луки и стрелы, появление их у майя 148; математические знания 12, 17; мифы 29, 84, 91, 114, 149; "монархическая" система правления 65—68, 69, 70, 82, 90, 93, 99, 102, 136, 141, 142, 160; музыка и танец 110—111; наркотические вещества растительного происхождения и их употребление 112, 113; недоедание и связанные с ним болезни, распространение этого явления 103; новая ступень в экономическом развитии 148; область майя карта на форзаце 9—12, 126—127, 160—161; обновление городских центров 61—62; общественное развитие, сложная система 13; олигархическое правление 127, 136; оружие из кремнистого сланца 47, 48; открытие мира майя путешественниками и археологами-любителями 7—9, 18—25; первые контакты с европейцами 14—15; печати со знаком числа 49; пещеры, ритуальное назначение 104—105, 139; плетеная циновка правителя ("поп") 70; пщцы, их положение в обществе 97; погребальные обряды 89; подавление культуры майя во времена конкисты 16—17; поздний "классический" период 140, 161; политическая организация и религиозная идеология 57, 95; "постклассический" период 161; потомки майя, живущие в наши дни 149; предметы торговли 65; представление о времени у майя 33; преобразование деревень в церемониальные центры 48—49, 53; продукты питания и рацион 28, 51, 155; происхождение 12, 50, 53, 160—161; различие между северной и южной культурами майя 126—127; ранний "классический" период 160; ритуальная игра в мяч и устройство площадок для нее 12, 95, 114—115, 129, 142; ритуальное кровопускание 48, 53, 62—63, 66, 67, 69, 71, 91, 101, 113; сельское население 28, 76; сельскохозяйственные методы 12, 58—60; собаки, их символическая роль 159; terracotta печатка 52; ткачество 149; торговля 10, 54, 61; торговые города майя 62, 68, 73, 138, 150; храмы в поперечном разрезе 17, 78—79; церемониальные центры 33, 58; человеческие жертвоприношения 47—49, 51, 65, 70, 71, 72, 79, 85—86, 92, 96, 114, 116, 117, 119—120, 123—124, 129, 139—145; числа у майя 30, 33, 52, 79; численность населения в период общественного подъема 10; экологические проблемы 96, 103, 104, 106

Майя-ица 128
Майя-киче 29
Майя-путун 134
Майя-чоггаль 134
Майяпан 126, 136; возвышение 137, 161; низкое качество строительных работ 145—146; падение Майяпана 148—150; разграбление жителями Майяпана Чичен-Ицц 127, 145; численность населения 148
Максимилиан I Габсбург, император Мексики (казенный) 40
Малер Теоберт: новаторские приемы фотосъемки памятников 40; пребывание в Тикале 76; фотографии развалин городов майя 40—41
Мани 148
Матени Рэй 60
Мексиканское нагорье 68
Мерида 121; иероглифические книги майя, найденные близ Мерида 16
Модсли Альфред П. 18, 101; фотографии развалин городов майя 35, 36—37, 38, 39, 44—45, 94
Морли Сильванус Г. 48; раскопки в Чичен-Ицце 134, 135; его мнение о содержании надписей майя 33
Мотагуа, река 52
Мэтьюс Питер 70

Н

Накбе 61, 160; крупномасштабное строительство 57—58; пирамиды 54, 55—56, 58, 62; раскопки 54—56
Наранхо: керамическая посуда 68, 69
"Народный нефрит" 61
Национальное географическое общество США 137
Национальный институт антропологии и истории Мексики 83, 137
Небесная Птица 57; каменная маска 58—59
Небесное Чудище: изображения 156—157
Нефрит: символическое значение 52—53, 60, 61, 85; изделия из него 60—61, 85, 97; обработка 60, 61; торговля 61
Никерсон Эфраим 122

О

Обсидиан: символическое значение 101; предметы из него 60; торговля 61
Ольмеки: и нефрит 52; и майя 53, 160
Оуанс Джон 45

П

Пакаль 90, 91, 92, 161; голова изваяния, найденная в гробнице Пакаля 85; гробница Пакаля 82, 83, 87—89; крышка саркофага 84; нефритовая маска 87; скелетные останки 86
Паленке 34, 100, 105, 126, 139, 161; башня в Паленке 36—37, 82; женщины-правительницы 107; капитан дель Рио в Паленке 18—19; открытие гробницы Пакаля 81—89; первые исследователи Паленке 20—21; пирамида и дворец 8—9,

17, 18, 36—37, 40—41, 82; предметы из гробницы Пакаля 85, 86, 87; Стефенс и Казервуд в Паленке 23—25; резная панель из Храма Солнца 18—19; строительство при Пакале и Чан-Баламе 90; упадок 92, 104; храм в Паленке 18, 40—41, 82

Парижский кодекс 29
Пачеко Артуро Романо 86
Пенсильванский государственный университет 104
Петешбатун: пещеры в районе Петешбатун 104
Пещеры (Дос-Пилас) 104, 105
Пибоди музей 28, 33, 35, 40, 45, 121, 125
Письменность: развитие письменности у майя 30—31, 33—34, 49, 160
Питтсбургский университет 143
Поллок Г.: работа в Майяпане 147—148
"Поп" (плетеная циновка правителей майя) 70
"Пополь-Вух" 29, 32, 56—57, 114
Правитель В (Яшкин) 75
Правитель-2 из Дос-Пиласа 105—106
Правитель-3 из Дос-Пиласа 106
Правитель-3 из Наранхо 68
Правитель-4 из Дос-Пиласа 106
Принстонский университет 100
Проскураякова Татьяна 33, 88; изучение иероглифов майя 34; проекты реконструкции Чичен-Ицц 88—89, 120, 121
"Психологический телефон" 89
Путун см. Майя-путун
Пуук: форзац 143, 161; города майя в области Пуук 126—127, 139, 140—141, 142—145
Пьедрас-Неграс: акрополь 88—89; стены 34, 40
"Пятиэтажный дворец" (Тикаль) 76—77

Р

Религия: ацтекские божества 138; божества майя 10, 58, 61, 71, 72, 131, 133, 138, 155; преследование религии майя во времена конкисты 15; религия и политическая организация общества у майя 57; тольтекские божества 127
Рингс-Буде Дори 69
Рио-Нуэво, река 60, 65
Рио-Ондо, река 60
Ритуальный календарь 30, 131, 133
Рус Альберто Луилье 92, 105; работа в Паленке 81—89

С

Саблоф Джереми 143, 144—145
Сайиль 126, 140, 144, 147, 161
Сандерс Уильям 103—104
Санто-Доминго де Паленке 18
"Священный сенот" (Чичен-Ицц) 120, 121; подготовка и проведение исследования 122, 123; предметы, извлеченные со дна 122—123, 124, 125, 126, 135; работа Томпсона 121, 122, 123, 124—126
Северный акрополь (Тикаль) 74, 75

Северный иллинойский университет 143
Сельское хозяйство: подсечно-огневой метод 58; "приподнятые поля" 59; террасный метод 58—59
Серрос 70, 93; ирригационная система 60; конец единовластия 65—68; начало единовластия 60—62; храм-пирамида 62, 63, 65
Сименс Альфред 59
Солорно Пабло 26
Соль: роль "обменной монеты" у майя 61
Стелы: в Вашактуне 71, 72; в Киригуа 38; в Коба 137; в Копане 8—9, 23, 44—45, 80, 99; в Куэльо 49—50; в Накбе 56; в Пьедрас-Неграс 40; в Тикале 50, 70, 74, 160; древнейшие стелы 12; запись исторических событий 34, 71; имена правителей майя на стелах 70; слепки со стел 35, 45
Стефенс Джон Ллойд 12—13, 21, 28, 127, 142, 143, 144, 150; биография 22, 23; описание колодца в Чичен-Ице 119, 121; посещение Копана 7—9, 23; посещение Паленке 23—25; посещение Ушмаль 139; посещение Чичен-Ицы 129
Стори Ребекка 96, 97
Строение-1 (Кабах) 143
Строение-2 (Кабах) 143
Строение-3 (Кабах) 143
Строение-22 (Копан): рельефные иероглифы 100, 101
Строение-26 (Копан): на раскопках гробницы 96—97
Споарт Дэвид: чтение иероглифов в Копане 100, 101

Т

Табаско: майя на территории Табаско 9, 134; наемники из Табаско 147, 148
Теотиуакан 71, 158, 160; отношение к майя 68
Техасский университет 60
Тикаль 36, 93, 108, 126, 138, 160; главный город майя 72; глиняная ваза 71; курильница из терракоты 71; лагерь индейцев 39; маски, найденные в Тикале 152, 160; развитие архитектуры 68; раскопки 68—69; реконструкция 75—77; соперничество с Вашактуном 70—72, 96; стелы 50, 70, 74, 160; упадок 104; усиление влияния 68, 69, 160, 161; установление династического правления 70; храм в поперечном разрезе 78—79; храмы-пирамиды и другие постройки 68, 73, 74—79; численность населения 69, 75
Таллок 138
Тольтеки: отношение к северным майя 127, 128, 137, 138, 161
Томпсон Дж. Эрик С. 134; отзыв о майя как о сугубо мирном народе 33
Томпсон Эдвард Герберт 35, 42, 135; исследование "Священного сенота" 119, 120—126; образование и опыт 120—121; отзыв об Аделе Бретон 26; прибытие на Юкатан 28; фотографии городов майя 42—43, 144—145, 146—147

Тула 134; архитектурное сходство с городами майя 128
Тулум 150
Тутуль-Шуи 148

У

Университет Вандербильта 104, 105
Университет Калгари 70, 90
Университет Пенсильвании 68
Университет Сан-Диего 142
У-Сит-Ток 103
Ушмаль 28, 126, 127, 136, 144, 148, 161; "Голубятня" 42—43; комплекс для игры в мяч 143; падение 143; развалины 10, 25, 139; Ушмаль и Чичен-Ица 143
Уэбстер Дэвид 103—104

Ф

Форстеманн Эрнст: о действии календаря майя 32
Фрейдел Дэвид 69, 138; изучение стел 71; исследования в Серросе 60—63; об упадке цивилизации майя 106; о возвышении Чичен-Ицы 135—136
Фэш Барбара: на раскопках в Копане 94, 96, 102
Фэш Уильям: на раскопках в Копане 94, 96, 97, 99, 102

Х

Хансен Ричард: работа в Накбе 54—58
Хлопок: предмет торговли 65
Храм воинов (Чичен-Ица) 129; каменные изваяния 136, 161; раскопки 134
Храм Кукулькана (Чичен-Ица) 120, см. также "Эль-Кастильо"
Храм лиственного креста (Паленке) 90
Храм надписей (Паленке) 82; интерпретация надписей 20—21; раскопки гробницы Пакаля 81—82, 83, 84—88; резные иероглифы 91
Храм Солнца (Паленке) 90, 92; резная панель 18, 19
Храмы-пирамиды: в поперечном разрезе 78—79
Хунак-Силь 136—137, 146
Хунахпу 56, 57
Хун Хунахпу 56, 57
Хэммонд Норман: раскопки в Куэльо 47—53

Ц

Центральный акрополь (Тикаль) 74—75, 76—77
"Церковь" (Чичен-Ица) 27

Ч

Чак, правитель 142, 143
Чаки, духи дождя 138, 149
Чакмооль 136
Чан-Балам: преемник Пакаля 90; принадлежность к правящей династии 91—92
Четумаль, залив 62
Читам 75, 79
Чичен-Ица 25—28, 138, 142, 143, 145, 146, 148; возвышение города 135—136,

161; золотые украшения для лица, найденные в Чичен-Ице 124; комплекс для игры в мяч 129; количество строений 129; настенные росписи 128—129; находки Томпсона 121—126; начало систематического научного изучения 134; падение Чичен-Ицы 136—137; пирамиды 35; предвосхождение над Тикалем 79; работы Аделы Бретон 26, 27; реконструкция Чичен-Ицы 120; развалины города 24; "Священный сенот" 119—120; столица "северной империи" майя 126; тольтеки и Чичен-Ица 127, 128, 134—135
Чонталь см. майя-чонталь
Чьяпас: присутствие майя в Чьяпасае 9

Ш

Шарна Дезире 22, 23; посещение "Священного сенота" 120
Шбаланке 56, 57
Шерер Роберт 104
Шибальба (Подземный мир) 56, 57, 87, 91
Шил Линда 69, 138; исследование стел 71; мнение о подъеме Чичен-Ицы 135—136; работа в Паленке 92; работа в Серросе 60—63
Шуи, семья правителей 148

Щ

Щит-Ягуар 66

Э

Эль-Кастильо (Чичен-Ица): обложка 35, 120, 129, 130—131, 146; голова змея 35
Эль-Дуэнде 105; вход в пещеру 104
Эль-Мирадор 58, 61, 93, 160; дорога в Эль-Мирадор 54; раскопки 55; упадок 68
Эль-Сальвадор: присутствие майя в Эль-Сальвадоре 9
Эпидемии, принесенные на Американский континент европейцами 15
Эцна: раскопки 60

Ю

Юкатеки 149
Южный методистский университет 60
Юкатан 42; водоемы в карстовых пещерах 119; завоевание Юкатана Испанией 15, 161; присутствие майя на Юкатане 9—10, 12, 106, 126; фотографическая таблица "Из джунглей Юкатана" 24; экспедиции по Юкатану 22, 23

Я

Ягуар-Солнце, бог 62; каменная маска 63
Яшкин 75
Яш-Кук-Мо 96, 100, 103; глиняная фигурка 99
Яш-Мок-Шок 160
Яш-Пак 102, 103
Яшуна 138
Яшха 68
Яшчилан: рельефы на притолоках в Яшчилане 66, 67

ISBN 5-300-01292-0

9 785300 012922